

Цитаты номера

Ситуация [с Ираном] не простая. Но осложнена она скорее прошлым, чем настоящим. История развития ядерной программы Ирана заключается фактически в том, что восемнадцать лет Иран собирал компоненты для развития ядерной программы, не обязательно информируя обо всех этих работах МАГАТЭ. Некоторые шаги могут быть признаны нарушением, и МАГАТЭ сейчас занимается прояснением обстоятельств. У наших иранских коллег есть своя версия причин, почему они на это пошли. Иранцы признали, что некоторые шаги были сделаны ошибочно.

Россия продолжает считать расширение НАТО ошибочным. Этот процесс оказывает влияние на общую архитектуру безопасности в Европе, затрагивает интересы безопасности целого ряда государств. Беря на себя ответственность за это решение, НАТО следует взять на себя ответственность и за сохранение позитива Римского саммита, на деле, а не на словах, продемонстрировать, что расширение не направлено против интересов других государств.

В борьбе с «утечками» опасных технологий, прежде всего, в области средств доставки к экстремистам и террористам, экспортный контроль вряд ли сможет закрыть те лазейки, которые связаны с относительно примитивными технологиями. Мировое сообщество продолжает стоять перед поиском путей предотвращения попадания в руки террористов технологий и конкретных образцов средств доставки взрывных устройств на основе ОМУ-технологий и, прежде всего, беспилотных летательных аппаратов, которые сегодня по многим параметрам смотрятся как «идеальное средство доставки» для осуществления терактов.

Проведенная весной 1998 г. группой экспертов аппарата Совета безопасности РФ целевая проверка с поштучным просчетом и перекрестной сверкой всех учетных данных о выпуске, утилизации и наличии специальных мин как в арсенале Министерства обороны РФ, так и на заводах-изготовителях Министерства по атомной энергии РФ, подтвердила вывод совместной комиссии Минобороны и Минатома России – случаев утраты и хищения специальных мин нет, учетные данные соответствуют истине.

Сергей Кисляк

Александр Рукшин

Геннадий Евстафьев

Виктор Есин

Журнал ПИР-Центра политических исследований

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ № 2, 2005

Международная
безопасность

Нераспространение
оружия массового
уничтожения

Контроль над
вооружениями

№2, 2005

Журнал ПИР-Центра политических исследований

Сергей Кисляк

ИРАН: СИТУАЦИЯ СТАЛА ПОНЯТНЕЕ, НО НЕ ВСЕ ВОПРОСЫ СНЯТЫ

Александр Рукшин

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РФ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Виктор Есин

А БЫЛ ЛИ «ЯДЕРНЫЙ ЧЕМОДАНЧИК»?

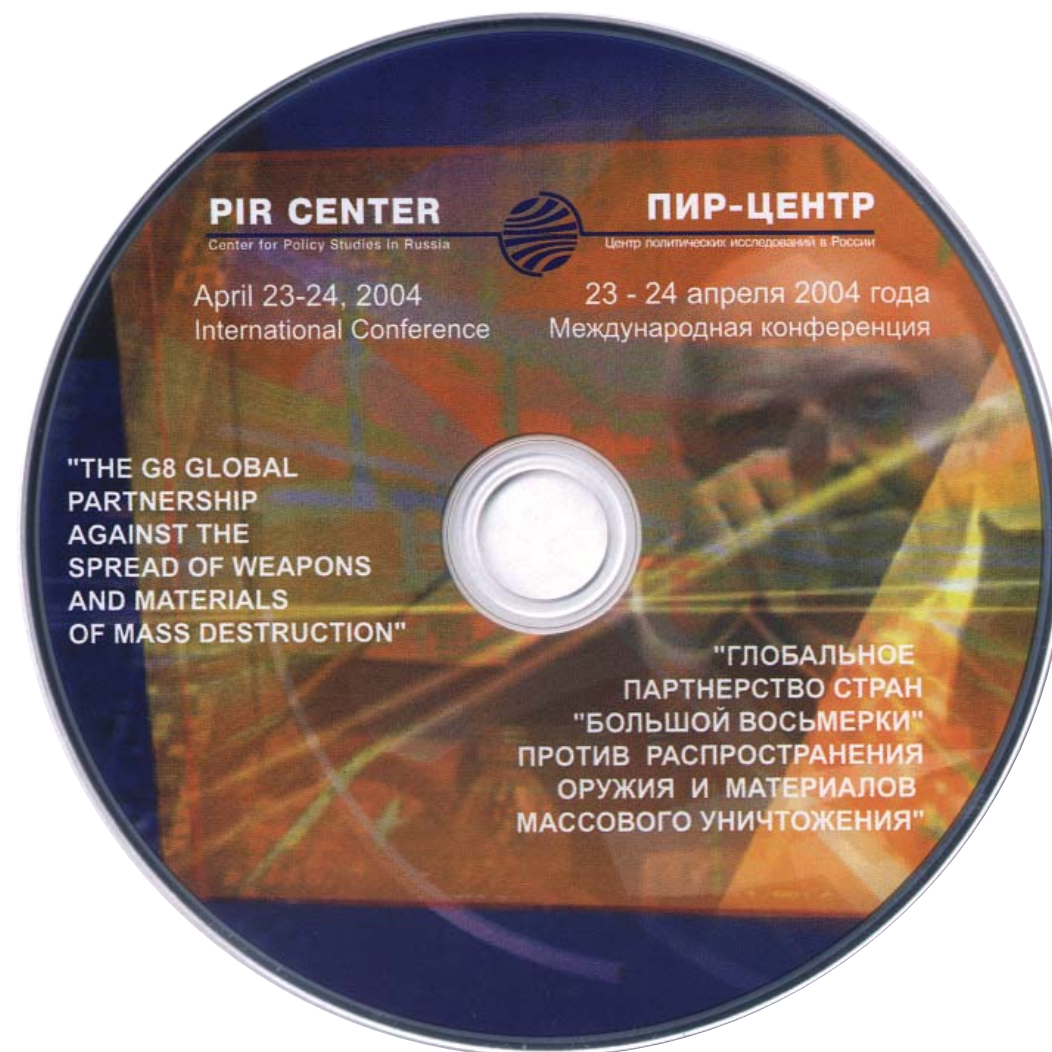
Виктор Мурогов,
Николай
Пономарёв-Степной

ЯДЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ – ГАРАНТ СТАБИЛЬНОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Айбек Токтомушев

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: КОЛЛЕКТИВНЫЕ УСИЛИЯ ГОСУДАРСТВ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ УГРОЗЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Подробную информацию о приобретении DVD-диска см. в *Вестнике Глобального партнерства*, с. XXXI.

Подробную информацию о приобретении Справочника см. в *Вестнике Глобального партнерства*, с. XXXII.

**Международная
безопасность**

**Нераспространение
оружия массового
уничтожения**

**Контроль над
вооружениями**

Non multa, sed multum

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

**№ 2 (76), Том 11
Лето 2005**

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Сергей Э. Приходько
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков

ISSN 1026-9878

PIR CENTER
Center for Policy Studies in Russia

ПИР-ЦЕНТР
Центр политических исследований в России

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Издается с ноября 1994 г. Выходит ежеквартально
Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.

Учредитель

ПИР-Центр политических исследований:

Мэтью Булдин, стажер
Екатерина А. Вотановская, библиотекарь, стажер
Владимир З. Дворкин, генерал-майор, консультант
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Виктория А. Иванова, секретарь
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., консультант
Олег В. Кулаков, специалист по информационным системам
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Надежда В. Медведева, помощник директора
Юрий И. Надточей, стажер
Владимир А. Орлов, к.п.н., директор Центра и член Совета
Сергей А. Панов, стажер
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению
Роланд М. Тимербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол,
председатель Совета
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Антон В. Хлопков, заместитель директора Центра, директор
образовательных проектов
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

Издатель

ООО «Триалог»

Интернет-представительство: [www.pircenter.org]

Русская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yk.html>

Английская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yc.html>

**№ 2 (76), Том 11
Лето 2005**

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор
[orlov@pircenter.org]

Антон В. Хлопков, вр.и.о. выпускающего редактора
[khiopkov@pircenter.org]

Даниил О. Кобяков, корреспондент
[kobyakov@pircenter.org]

Юлия Ю. Таранова, технический редактор

Наталья С. Маркарова, литературный редактор

Маргарита М. Крюкова, корректор

Галина Д. Рассказова, бухгалтерия

Константин А. Сириков, распространение

Контактная информация

Адрес для писем:

Россия, 123001, Москва,

Трехпрудный пер., д. 11/13, стр. 1, офис 025

Редакция *Ядерного Контроля*

Телефон редакции:

+7-095-234-0525 (многоканальный)

Факс: +7-095-234-9558

Редакционная политика

- Материалы *Ядерного Контроля* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка

Подписка и распространение (подробнее см. с. 169)

В России:

• «Роспечать». Подписной индекс в каталоге – 79280, с. 589

• «Триалог». Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный купон вместе с квитанцией об оплате направлять по адресу:
121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог», тел.: +7-095-764-9896; <http://www.trialogue.ru>

За рубежом:

• Swets Blackwell: тел.: +31-252-435-111; факс: +31-252-415-888; e-mail: infoho@nl.swetsblackwell.com; <http://www.swetsblackwell.com>

• East View Publications, Представительство в России, тел.: +7-095-777-6558; факс: +7-095-318-0881; <http://www.eastview.com>

Тираж 1000 экз. Подписано в печать 25 апреля 2005 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека»

© ПИР-Центр, 2005

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

- 7 **Станет ли иранский атом персидским ковром для России?** – Серия встреч руководства ПИР-Центра с иранскими экспертами и высокопоставленными правительственными чиновниками в Москве, Тегеране и Женеве в январе-марте 2005 г. еще больше убедила, что Иран всерьез намерен развивать широкомасштабную программу по развитию атомной энергетики. В этих условиях Россия не должна остаться в стороне, когда начнется дележ ядерного рынка в Иране.

ИНТЕРВЬЮ

- 9 **Сергей Кисляк: «Иран: ситуация стала понятнее, но не все вопросы сняты»** – В интервью главному редактору журнала Владимиру Орлову заместитель министра иностранных дел РФ С.И. Кисляк раскрывает позицию России в отношении иранской ядерной программы, сотрудничества официального Тегерана с МАГАТЭ и перспектив развития двусторонних российско-иранских отношений, а также рассказывает о своих ожиданиях от предстоящей Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия.

АНАЛИЗ

- 15 **Вооруженные Силы РФ в условиях новых вызовов и угроз – Александр Рукшин** – Автор рассматривает основные направления строительства и развития Вооруженных Сил в условиях трансформации угроз национальной безо-

пасности Российской Федерации. Одними из главных приоритетов этого процесса являются сохранение потенциала стратегических сил сдерживания, увеличение количества соединений и воинских частей постоянной готовности, реализация программы модернизации вооружений.

- 27 **Ядерное оружие малой мощности – возможная основа ядерного арсенала нового века – Игорь Андриюшин, Виктор Михайлов, Юрий Трутнев, Александр Чернышев** – Необходимость ядерного оружия для обеспечения безопасности России и ее союзников определяется не только перспективой взаимоотношений с США, но и возможным обострением мировых кризисов. По мнению авторов, в складывающихся условиях одним из основных возможных сценариев развития системы ядерных вооружений в ближайшем будущем представляется появление новых ядерных арсеналов с зарядами малой мощности, развернутых как на тактических носителях, так и в стратегических ядерных силах.
- 39 **Программа создания АПЛ в Бразилии: сквозь тернии к глубинам – Андрей Фролов** – На основе детального анализа работ по проектированию и подготовке к строительству пилотной атомной подводной лодки в Бразилии, автором предлагается система критериев, позволяющих оценить политическую, экономическую и технологическую готовность государств вступить в клуб обладателей атомным подводным флотом. В условиях отсутствия иностранной помощи и при относительно низком уровне технологического развития в случае Бразилии доведение НИОКР по АПЛ до стадии строительства представляется сомнительным, заключает автор.

П О Л Е М И К А

- 55 **Распространение беспилотных летательных аппаратов – нарастающая угроза безопасности – Геннадий Евстафьев** – Анализ развития беспилотных летательных аппаратов (БЛА) в мире приводит к выводу, что мировое сообщество должно, наконец, уделить этой нарастающей проблеме должное внимание, чтобы предупредить возникновение нового направления гонки вооружений. Учитывая новизну и многоплановый характер возникающей проблемы, по мнению автора, было бы целесообразно сформировать для всестороннего изучения ситуации вокруг БЛА в рамках Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН рабочую группу правительственных экспертов с соответствующим мандатом.

- 67 **А был ли «ядерный чемоданчик»? – Виктор Есин** – Многочисленные публикации в СМИ об обладании террористическими организациями и экстремистскими движениями «ядерными чемоданчиками» всерьез обеспокоили широкую общественность, в очередной раз поставив вопрос о существовании малогабаритных ядерных боеприпасов в России. Автор на основе богатого фактического материала рассказывает историю разработки, производства, а затем и полного уничтожения ядерных боеприпасов такого класса в России.
- 75 **Виктор Мурогов, Николай Пономарёв-Степной – Ядерные технологии – гарант стабильности развития России** – Долгосрочные интересы энергетической и национальной безопасности России, а также устойчивое развитие страны требуют увеличения доли ядерной энергии в производстве электричества, промышленного и бытового тепла. Однако, по мнению авторов, в России вследствие отсутствия четкой ядерно-энергетической стратегии, происходит потеря преемственности поколений специалистов в этой области, что требует принятия неотложных мер на государственном уровне.

О Б З О Р

- 81 **Центральная Азия: коллективные усилия государств в противодействии угрозе международного терроризма – Айбек Токтомушев** – Развитие сотрудничества государств центрально-азиатского региона в борьбе с международным терроризмом происходит в условиях обостряющейся геополитической игры и политической нестабильности в регионе. Непоследовательность и непредсказуемость внешней политики молодых независимых государств региона, существующие разногласия между ними снижают уровень доверия, и, по мнению автора, тормозят интеграционные процессы в области безопасности.
- 105 **Переработка ОЯТ в контексте реализации программы Глобального партнерства – Дмитрий Ковчегин** – Одной из главных проблем процесса утилизации АПЛ является обращение с облученным ядерным топливом, выгружаемым из атомных субмарин. Автор, рассматривая масштабы этой проблемы в России через призму программы Глобального партнерства против распространения ОМУ, заключает, что иностранная финансовая помощь может значительно увеличить безопасность этого процесса в России, включая его экологические аспекты, а также усовершенствовать физическую защиту ядерных материалов.

- 121 **Южная Африка: как создавалось ее ядерное оружие, как и почему она отказалась от него – Роланд Тимербаев** – Демонтаж южноафриканского ядерного оружия – явление поистине уникальное в истории ядерного нераспространения. По мнению автора, независимо от мотивов, которыми руководствовалось правительство ЮАР, принимая решение отказаться от него, этот прецедент наглядно показывает, что ядерное разоружение является – при надлежащей политической воле – делом достижимым и практически осуществимым под надежным международным контролем.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 141 **Из тени в свет... или на чистую воду – Владимир Орлов** – Рецензент, прочитав книгу британского эксперта Д. Линча «Вовлечение евразийских сепаратистских государств», задается вопросом: действительно ли урегулирование конфликтов в Приднестровье, Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии должно идти через политику большего «вовлечения» этих территорий в мирную жизнь, в первую очередь через расширение экономического взаимодействия с ними? Или же с «пиратскими республиками» есть только один способ борьбы – удаление нарыва?
- 153 **Книжные новинки – Даниил Кобяков** – Обзор самых интересных книжных новинок, поступивших в библиотеку ПИР-Центра.

157 S U M M A R Y

161 О Б А В Т О Р А Х

165 Э К С П Е Р Т Н О - К О Н С У Л Ь Т А Т И В Н Ы Й С О В Е Т

169 О П О Д П И С К Е

В Е С Т Н И К Г Л О Б А Л Ь Н О Г О П А Р Т Н Е Р С Т В А

после с. 80 ПИР-Центр и журнал *Ядерный Контроль* публикуют очередной выпуск бюллетеня. В Вестнике представлен эксклюзивный материал о ходе реализации программы Глобального партнерства на Дальнем Востоке, где побывали эксперты ПИР-Центра, приводится детальная информация о только что изданном Справочнике «Глобальное партнерство против распространения ОМУ», публикуются последние новости программы.

СТАНЕТ ЛИ ИРАНСКИЙ АТОМ ПЕРСИДСКИМ КОВРОМ ДЛЯ РОССИИ?

В конце февраля 2005 г. Россия и Иран подписали долгожданный протокол о возврате ОЯТ с Бушерской АЭС, согласование которого заняло несколько лет. Достаточно вспомнить, что еще в августе 2002 г. министр по атомной энергии А.Ю. Румянцев заявлял, что документ будет принят в сентябре-октябре того же года. Но летом 2002 г. стало известно о секретных ядерных объектах в Иране – и по понятным соображениям у России не было возможности форсировать события, даже при ясном понимании того, что легководный энергетический реактор к военной ядерной программе отношения иметь не может. Важно было сохранить дополнительный аргумент – замораживание строительства Бушерской АЭС – на случай несговорчивости иранцев в отношении сотрудничества с МАГАТЭ, – тот самый джокер, который Россия уже использовала при консультациях с Ираном о бессрочном продлении Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 1995 г.

После того, как в истории иранской ядерной программы, благодаря усилиям МАГАТЭ, появилась ясность (более или менее), начались переговоры об условиях возврата ОЯТ, на которых представители Ирана проявили себя находчиво, выставив России счет за возврат ОЯТ с формулировкой: *раз вы хотите забирать у нас топливо, то вы нам за него и платите*. В конце концов, здравый смысл возобладал, и условия были согласованы к визиту в Иран А.Ю. Румянцева уже в должности руководителя Федерального агентства по атомной энергии. Но Румянцев отправлялся в страну, где торговаться до последнего – неотъемлемая часть культуры. Поэтому не так уж удивительно, что иранцы решили еще немного сбросить цену уже во время визита российской делегации, что привело к переносу даты подписания протокола, его редактированию в самолете из Бушера, где руководители ядерных ведомств двух стран проводили рабочее совещание, в Тегеран и подписанию на коленке перед вылетом российской делегации в Москву.

Впрочем, сложность переговоров по возврату ОЯТ из Ирана не является исключением для российско-иранского сотрудничества. Скорее наоборот – это характерная черта двустороннего сотрудничества по большинству направлений, что, кстати, весьма сдерживает российский бизнес от проникновения в страну. Отсутствует реальный рост товарооборота двух стран. Никого не должна сбивать с толку сравнительная статистика нашего торгово-экономического сотрудничества за последние два года: почти 50% рост и достижение 2 млрд. долл. – это скорее совпадение поставок крупного оборудования для АЭС и вооружений по контрактам, подписанным еще в прошлом веке и которые в дальнейшем пока не предусматривают такой же финансовой отдачи.

При рассмотрении перспективных направлений российско-иранского сотрудничества следует особое внимание уделить строительству АЭС в Иране. Серия встреч руководства ПИР-Центра с иранскими экспертами и высокопоставленными правительственными чиновниками в Москве, Тегеране и Женеве в январе-марте 2005 г. еще больше убедила, что Иран всерьез намерен развивать широкомасштабную программу по развитию атомной энергетики. Пусть новые планы Тегерана, утвержденные решением меджлиса (пар-

ламент) страны, построить 20 ядерных реакторов, пока выглядят скорее амбициозной заявкой, чем практическим планом действий. Но мы должны с самой большой серьезностью отнестись к тому, что Иран рассматривает атомную энергетику в качестве элемента престижа страны, в качестве атрибута регионального лидерства на Ближнем Востоке. Это не вопрос цены (за бушерские ядерные энергоблоки Иран уже заплатил более 8 млрд. немецких марок и порядка одного млрд. долл.) это вопрос престижа, от наличия которого руководство страны не откажется вне зависимости от того, кто в июне этого года станет президентом страны.

И здесь Россия не должна остаться в стороне, когда начнется дележ ядерного рынка в Иране. Европейский бизнес – и в первую очередь французские атомщики – проявляет настойчивый интерес вернуться в Ахваз, где они начинали строительство реактора еще в середине 1970-х гг. Примечательный случай в этой связи произошел на крупной международной конференции, посвященной иранской программе развития атомной энергетики в Тегеране. На приеме от имени секретаря Высшего совета национальной безопасности национальной Х. Роухани, иранские высокопоставленные дипломаты подвели к нему человека европейской внешности и представили: «Это человек, который нам очень помогает в решении наших проблем». На поверку этим человеком оказался ядерщик из Франции. Нельзя сбрасывать со счетов и США. На тихие вопросы самих американцев о возможности возобновления сотрудничества иранцы (правда, при выключенных телекамерах) говорят отнюдь не о *великом сатане*. Они отвечают вполне прагматически: «Делайте Ваши предложения – будем рассматривать». И можно не сомневаться, что в США такие предложения готовятся. Будут они приемлемы или нет для Ирана – вопрос уже другой.

Поэтому России нет необходимости стесняться и оправдываться за то, что она поставляет в Иран ядерные технологии (Россия сотрудничает только в строительстве АЭС и не ведет сотрудничества по ядерному топливному циклу). Стоит вспомнить, что США готовы были середине 1970-х гг. согласиться с наличием в Иране производства по изготовлению ядерного топлива, не возражали против переработки в Иране ОЯТ, а также выражали готовность принять участие в строительстве завода по переработке ОЯТ. Кстати, в этой связи, очевидно, что исламская революция – скорее плюс для режима нераспространения, чем наоборот. В противном случае, Тегеран, обладал бы сейчас ядерным оружием. Точно так же, как это случилось с другим американским союзником того времени – Пакистаном.

Другое дело, что необходимо абсолютно четко дать понять иранским партнерам: слабость российской национальной системы экспортного контроля уже в основном преодолена. Так что работать с российскими предприятиями, в том числе оборонного комплекса, в соответствии с персидской пословицей «Непойманный вор – царь» – чревато осложнением двусторонних отношений, заморозкой уже имеющихся контрактов.

Расширяя сотрудничество с Ираном, России необходимо извлечь уроки из предыдущего опыта. Один из таких уроков: доверчивость, иногда граничащая с наивностью, в отношениях с Ираном неуместна. Предлагая Ирану сотрудничество в строительстве АЭС и отстаивая право Ирана на создание атомной энергетики на мировой арене, многие российские правительственные эксперты рассчитывали, что Иран будет информировать нас о своих планах в ядерной области, забыв еще одну персидскую поговорку: «Если бы товарищество было хорошим делом, то и бог взял бы себе компаньона».

Подписав, пусть и на коленке, в конце февраля протокол о возврате ОЯТ с Бушерской АЭС, Россия взяла на себя обязательства по поставке свежего топлива в Иран, которые **придется выполнять**. Что будет в противном случае, разменяй мы Иран на широкомасштабное сотрудничество с США в ядерной области (а Соединенные Штаты по-прежнему прощупывают, при каких условиях Россия может приостановить поставку топлива в Иран), подсказывает еще одна персидская пословица «Враги делятся на три разряда: враг, враг друга, друг врага».

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации С.И. Кисляк ответил на вопросы главного редактора журнала В.А. Орлова.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Конференция 2005 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), которая начнет свою работу в мае в Нью-Йорке, вряд ли станет судьбоносной. Действительно, с одной стороны, Договор еще в 1995 г. был продлен бессрочно. С другой стороны – решения Заключительного документа предыдущей конференции 2000 г. остались на бумаге.

Тем не менее, уже сейчас существует много предположений относительно того, как будут развиваться события на предстоящей Конференции. Особенно в контексте новых инициатив последних лет и месяцев: достаточно назвать хотя бы предложения генерального директора МАГАТЭ М. Эльбардеа, инициативу президента Франции Ж. Ширака о проведении саммита по нераспространению для постоянных членов Совета Безопасности ООН.

КИСЛЯК: До открытия Конференции осталось немного времени. Любой саммит должен быть хорошо подготовлен, иначе он может не сработать. Я думаю, что если выдвигаются идеи о саммите, то такой саммит обязательно должен проходить вне рамок Конференции.

Конференция по рассмотрению действия ДНЯО – это самостоятельное событие. Это возможность для участников Договора каждые пять лет собираться и смотреть, как Договор действует. Естественно, в последнее время проблем с действием Договора было немало. Но главный базовый вопрос и для нас в России, и для всех участников Договора заключается в следующем: насколько продолжающееся применение и развитие мер по нераспространению в рамках Договора укрепляет международную стабильность?

С точки зрения России, ответ, безусловно, положительный. Мы с самого начала были не только одним из инициаторов этого Договора, но и его депозитарием. Как депозитарий, мы несем моральную ответственность за выполнение Договора. Она больше, чем у других, поскольку в наши функции входит не только сбор документов о присоединении к Договору, но и внесение активного вклада в укрепление Договора и укрепление созданного им режима.

На сегодняшний день Договор – один из самых широких по составу участников международно-правовых документов после Устава ООН. Больше того, это самый широкий по составу участников документ в области безопасности. Среди членов ООН только три государства с самого начала отказались вступить в Договор – это Израиль, Индия и Пакистан. Плюс Северная Корея, которая позднее заявила о своем выходе из Договора. Что касается всех остальных стран, то, при самом разнообразном сочетании взглядов на отдельные элементы Договора и на практику его осуществления, при разнообразии ре-

гиональных или глобальных приоритетов в сфере безопасности и развития мирной ядерной энергетики, главное, что их объединяет – это понимание того, что мир в условиях нераспространения ядерного оружия стабильнее, надежнее и более предсказуем, чем в случае крушения Договора.

Это самая главная мысль, цементирующая все позиции, какими бы разновекторными они ни были, как бы энергично не были представлены на Конференции. Мы с большим уважением относимся к разнообразным точкам зрения, которые высказывают члены Договора по его функционированию, в том числе критическим, в том числе и по отношению к России. Мы будем готовы серьезно и по-деловому вести разговор о том, как Договор должен осуществляться в дальнейшем.

У дебатов в рамках Договора есть своя история, и специалисты, которые этим вопросом занимаются, хорошо знают обычный набор и критических позиций, и идей, которые высказываются в контексте Договора. Вокруг Договора сложилась довольно широкая международная группа экспертов, которые, казалось бы, уже все обсудили. Очень трудно что-то придумать в Договоре, что в той или иной степени уже не затрагивалось за историю его существования. Здесь и меры по укреплению международного сотрудничества в области ядерной энергии, и продвижение идеи ядерного разоружения, и необходимость укрепления мер контроля. По многим вопросам не только высказываются общие идеи, но и существуют конкретные программы или шаги, которые не без пробелов и проблем, но иногда все же доводятся до осуществления. С нашей точки зрения, баланс должен быть таким, чтобы, даже если остается ощущение неудовлетворенности у отдельных государств, Договор все равно отвечал бы интересам всех.

Что касается России, то как ядерная держава мы честно и ответственно участвуем в выполнении обязательств статьи VI Договора. Напомню: в ней не говорится о том, что должны быть предприняты какие-то конкретные шаги по ядерному разоружению. В ней сказано, что страны по доброй воле должны вести переговоры по вопросам разоружения. И Россия в этом процессе участвует. Возможно, можно было бы сделать и больше. На память приходит история заключения Договора о сокращении ядерных потенциалов (СНП). Мы были готовы к более радикальным шагам, но в таких вопросах всегда важно, на что готов пойти и твой партнер. Вместе с тем, Договор о СНП – чрезвычайно важный документ: он также идет в направлении выполнения обязательств статьи VI.

Россия подписала и ратифицировала Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Обеими руками за ДВЗЯИ – такова была наша изначальная позиция. И сегодня она продолжает оставаться таковой: мы не проводим ядерных испытаний, независимо от того, вписано это в статью VI или нет. Сам по себе ДВЗЯИ не только является важнейшей мерой предотвращения качественной гонки ядерных вооружений, но и способствует нераспространению, поскольку без испытаний трудно рассчитывать на введение в арсеналы государства нового ядерного оружия. Поэтому эта мера, в свою очередь, является, я бы сказал, материально-юридическим инструментом, подкрепляющим ДНЯО. С нашей точки зрения, мера чрезвычайно важная. Мы знаем ситуацию вокруг ДВЗЯИ (который до сих пор в силу не вступил из-за отказа от ратификации или подписания со стороны ряда государств – *Прим. Ред.*). Но, как бы трудно ни складывалась его судьба, испытания в мире сегодня не проводятся. И я думаю, что мы будем делать все возможное, чтобы так все происходило и дальше. Ратификация ДВЗЯИ всеми теми государствами, которые содержатся в перечне и без участия которых он не может вступить в силу, по-прежнему остается нашей целью, как бы трудно ее ни было реализовать в обозримом будущем.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Насколько остро будет, по Вашему мнению, звучать в повестке дня Конференции вопрос статьи IV Договора – о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии?

КИСЛЯК: Россия – одна из тех стран, которые не на словах, а на деле содействуют развитию ядерной энергетики в других странах. Мы готовы делать больше, но ядерная энергетика, и это объективный факт, требует применения сложных технологий, что нельзя не учитывать.

Вместе с тем, объективная реальность состоит в том, что оптимизированный и с точки зрения цены производства электричества, и долгосрочных и краткосрочных последствий для окружающей среды этот источник энергии продолжает вызывать серьезный интерес. Разумеется, многое делается для того, чтобы сделать ядерную энергетику по-настоящему безопасной. Уверен, что она и станет таковой. Россия вносит серьезный вклад в международную дискуссию с целью создать концепцию новых, изначально безопасных реакторов – безопасных и для окружающей среды, и для режима нераспространения ядерного оружия. Я думаю, что ядерная энергетика в будущем будет играть весомую роль в обеспечении потребностей человечества в энергии. И чем ближе мы будем подходить к черте, когда человечество начнет осознавать исчерпаемость углеводородов, тем больше будет возрастать интерес к ядерной энергетике. И мы заинтересованы в том, чтобы этот путь развития человечества последовательно и поступательно прорабатывался, в том числе и в международном формате. Россия активно участвует в международных проектах в этой сфере.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но критики выполнения ДНЯО наверняка скажут, что технологически высокоразвитые страны создают дискриминационные условия доступа к ядерной энергетике.

КИСЛЯК: Если государства-участники ДНЯО надежно выполняют свои обязательства по Договору (а ведь права всегда приходят вместе с обязательствами), то нет никаких видимых политических и нераспространенческих причин, чтобы не допустить ситуации, когда государство не имело бы доступа к благам, поступающим от ядерной энергии.

На самом же деле причины, которые тормозят развитие ядерной энергетике, лежат главным образом в экономике, поскольку ядерная энергетика оправдывает себя в экономически долгосрочном плане, но на первых этапах своего развития требует огромных капиталовложений. Строительство любой крупной АЭС – это миллиарды долларов. В дополнение к этому необходимо иметь уверенность в долгосрочных поставках топлива. Но все это решаемые вопросы. Более того, мы с пониманием относимся к тому, что государствам, которые всерьез рассчитывают на ядерную энергетику, нужна уверенность в стабильном получении топлива для своих станций.

Напомню, что некоторое время назад существовал специальный комитет, который занимался этим. На том этапе это не привело к серьезным договоренностям. Но не потому, что топливо не доступно, а потому что договориться не смогли по политическим соображениям или же соображениям «престижа». Но, может быть, когда этот комитет работал достаточно активно, реальная потребность в гарантиях обеспечения топливом была не так высока, как сегодня. И мы, кстати, с большим интересом отнеслись ко всем тем идеям, которые сейчас прорабатываются и обсуждаются – идеям, касающимся обеспечения уверенности государств в том, что если они, надежно отказавшись от ядерных военных технологий, рассчитывают на использование ядерной энергии в мирных целях, то они будут иметь топливо.

Я абсолютно уверен, что весь этот пакет будет очень активно обсуждаться на Конференции по рассмотрению действия ДНЯО.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Но есть по крайней мере еще один острый вопрос, о котором Вы сказали в самом начале и достаточно кратко, но который наверняка вновь вызовет полемику среди участников Конференции. Я имею в виду вопрос о том, как сделать Договор «универсальным» или глобальным по числу участников.

КИСЛЯК: Да, такой вопрос есть. Он не нов. Но в мае будет обсуждаться в новых условиях. На сегодняшний день мы видим, что есть несколько государств (кстати, их намного меньше, чем кто-либо мог себе представить, когда этот Договор только зарождался) вне ДНЯО. Сегодня рассчитывать на то, что завтра мы убедим их присоединиться к Договору, не приходится. Но цель – остается. Мы вместе с остальными участниками подумаем над тем, как проводить политический диалог с этими четырьмя странами.

При любом повороте событий на Конференции в мае очень важно не забывать, что Договор заложил своего рода международный стандарт в сфере нераспространения. Не только международно-политический стандарт, но и, если хотите, правовой: заложенные

в нем международно-правовые нормы являются общепризнанными. То, что быть «распространителем» – плохо, уже стало аксиомой. Это один из результатов жизни и развития ДНЯО. И с этой аксиомой приходится считаться любому государству, даже если оно приняло решение в Договор не вступать. Поэтому чрезвычайно важно вести работу и вне Договора, с тем, чтобы распространение не имело места нигде в мире.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какова, на Ваш взгляд, роль Инициативы по безопасности в области распространения (ИБОР) в данном контексте? Эффективна ли эта инициатива? Каковы были мотивы вступления России в ИБОР?

КИСЛЯК: ИБОР нацелена на то, чтобы предотвратить незаконные поставки ядерных (и не только ядерных) материалов, поставки того, что мы называем оружием массового уничтожения (ОМУ) или его компонентами. Эти цели зафиксированы в Резолюции Совета Безопасности 1540.

ИБОР не является частью Договора. Вместе с тем это механизм, который объединяет государства, готовые в этом контексте действовать – с тем, чтобы предотвратить развитие черных ОМУ-рынков. Это очень важно. ИБОР – это готовность сотрудничать в предотвращении незаконного оборота, распространения ядерных материалов и технологий, технологий двойного использования, готовность предотвратить существование «черных рынков». ИБОР стоит преградой на пути незаконной торговли, торговли в обход общепринятых норм нераспространения. Таким образом, ИБОР – это мера вспомогательная, но решающая целый ряд дополнительных задач на конкретном направлении.

Россия приняла решение участвовать в ИБОР, исходя из того, что пресечение незаконного оборота ядерных или химических материалов, которые могут привести к появлению ОМУ, тем более в руках негосударственных субъектов, другими словами, террористов, – это необходимый ответ на новый и чрезвычайно серьезный вызов всему мировому сообществу. Мы присматривались почти целый год к тому, как развивалась эта инициатива. Для нас было чрезвычайно важно, чтобы то, что мы делаем в рамках документа, стояло на прочной правовой основе. Еще раз подчеркну: ИБОР предназначается для пресечения нелегальной торговли, поэтому сама ИБОР и меры, которые в ней предусматриваются, должны стоять на прочной и легальной основе. В противном случае эта программа могла бы привести к противоположному результату.

Сейчас мы удовлетворены тем, что по мере развития ИБОР нормы легальности работы этой инициативы приобретают все большую и большую основательность. Кстати, хотел бы отметить заявление участников и государств, сотрудничающих с центральным ядром ИБОР, принятое в Кракове весной 2004 г. Там говорится, что все действия, предпринимаемые в рамках ИБОР, должны полностью соответствовать международному праву, национальным законодательствам государств в нем участвующих. Вот та основа, которая дает легальную, а значит, и политическую основу для серьезного сотрудничества в этой сфере. И на этой же основе мы собираемся продолжить свою работу в ИБОР.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Один из основных вопросов сегодня – соблюдаемость ДНЯО. Как гарантировать, что какое-либо неядерное государство, далеко продвинувшись в развитии собственного ядерного топливного цикла (ЯТЦ), в какой-то момент не использует свое право выхода из ДНЯО и создаст, уже вне рамок ДНЯО и, следовательно, вне контроля международного сообщества, собственный ядерный арсенал? Более конкретно: как вести себя с Ираном? «Европейская тройка» (Великобритания, Германия и Франция) предложила свою инициативу, свои услуги в решении «иранского вопроса». Как реагировать России на эту «европейскую инициативу» по мере ее продвижения?

Существуют две полярные точки зрения: одна – что для России это бесприигрышная ситуация, так как европейцы за нас решают те задачи, которые в двухстороннем формате мы вряд ли смогли бы решить, и это открывает нам путь к облегчению сотрудничества с Ираном, постепенно снимает напряженность, которая раньше присутствовала; другая – что это заведомо проигрышная для нас ситуация, потому что на иранский атомный энергетический рынок пришли европейцы и уже не уйдут, да и нас вытеснят. У французов, говорят сторонники этой «пессимистической» точки зрения, нераспространение на языке, а атомный экспорт в Иран – в уме. Да и уже после второго бокала красного вина сами французы призна-

ются, что их экспортные интересы им не менее важны, чем сугубо нераспространенческие, и что они уже «побили» Россию на тендере в Финляндии, так же побьют и в Иране...

КИСЛЯК: Медицинская норма – это один стакан красного вина, поэтому до второго я, как правило, не дохожу. Но должен сказать, что я совершенно по-другому смотрю на эту ситуацию. Эта ситуация – не игра. Ни для нас, ни для Ирана, ни для трех европейских государств, которые достаточно активно включились в развитие диалога.

Ситуация не простая. Но осложнена она скорее прошлым, чем настоящим. История развития ядерной программы Ирана заключается фактически в том, что восемнадцать лет Иран собирал компоненты для развития ядерной программы, не обязательно информируя обо всех этих работах МАГАТЭ. С точки зрения МАГАТЭ, не все здесь является нарушением правил. Некоторые шаги могут быть признаны нарушением, и МАГАТЭ сейчас занимается прояснением обстоятельств. У наших иранских коллег есть своя версия причин, почему они на это пошли. Иранцы признали, что некоторые шаги были сделаны ошибочно.

Но Иран – не только наш партнер по строительству Бушерской АЭС, это очень крупное государство, с которым мы разделяем Каспийское море, то есть это – наш сосед. Это страна, с которой у России исторически сложились широкие экономические, культурные, научные связи. Поэтому для нас очень важно, чтобы наши отношения с Ираном развивались на основе наших собственных представлений о полезности этих отношений, о возможности этих отношений, об их правовой обеспеченности. Переговоры «тройки» с Ираном – это самостоятельный процесс наших европейских соседей в решении и снятии проблем, которые у них есть относительно истории развития ядерной программы Ирана и проекции уроков из этой истории на будущее.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Если вернуться к урокам истории. Вы сказали, что Иран восемнадцать лет собирал элементы ядерной программы.

КИСЛЯК: Да, покупая одни технологии в одной стране, в другой – другие. Притом эти действия не всегда являлись нарушением закона. Однако Иран создавал, к сожалению, недостаточно транспарентную программу. Отсюда стало возникать большое количество вопросов относительно целей программы. Вокруг этого было огромное количество домыслов, гипотез, дискуссий, дебатов, иногда очень напряженных, в том числе и в МАГАТЭ.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как Вы оцениваете документы, поступившие в МАГАТЭ от Ирана?

КИСЛЯК: На сегодняшний день Иран представил довольно развернутый, в несколько тысяч страниц, доклад о целях своей программы, по элементам, где, что они покупают, для каких целей, как одни элементы стыкуются с другими. Точка зрения Ирана довольно однозначно сформулирована в этом докладе: все это только для мирных целей. Доклад очень объемный, в МАГАТЭ его изучали несколько месяцев, не с нуля, а имея уже довольно богатую историю сотрудничества с Ираном. Многие вопросы, которые изначально ставились относительно природы ядерной программы Ирана, фактически сняты. Более того, в резолюции Совета управляющих МАГАТЭ от ноября 2004 г. уже нет требования представить на следующей сессии такой же доклад, как и в 2003 г. Сейчас есть поручение М. Эльбарадея начать работу тогда, когда он и Совет управляющих сочтут это нужным.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Является ли это сигналом о том, что все вопросы уже решены?

КИСЛЯК: Думаю, что окончательно – нет. Но движение в этом направлении просматривается.

Все ли были удовлетворены ответами Ирана? Конечно, нет. Мы знаем позицию американской делегации даже при принятии этой (ноябрьской 2004 г. – *Прим. Ред.*) резолюции МАГАТЭ. Эта позиция была жесткой. Нам известны публичные высказывания американских коллег по этому вопросу. Нередко звучали предложения повысить уровень дискуссий, перевести их из МАГАТЭ в Совет Безопасности ООН. Мы считаем, что путь, который был избран год-полтора назад на снятие вопросов относительно прошлого и будущего программы Ирана на основе сотрудничества – это наиболее оптимальный путь. Более того, он позволяет и Ирану снимать все эти вопросы в атмосфере сотрудничества, а не конфронтации с остальными странами-участниками Договора и Агентства. Вот тот путь, который мы по-

следовательно стараемся помогать развивать и в отношениях между МАГАТЭ и Ираном, и в отношениях между европейцами и Ираном, а также между США и Ираном.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Иранская проблематика продолжает обсуждаться на двухстороннем уровне между Россией и США. Как Вы оцениваете сегодняшний уровень такого диалога?

КИСЛЯК: Мы имеем свою точку зрения в консультациях с США по Ирану, ясную и четкую.

Разумеется, мы абсолютно не заинтересованы в том, чтобы Иран приобретал ядерное оружие, так же, как мы не заинтересованы и в том, чтобы появлялись другие ядерные государства. И в этом смысле никаких дискриминационных подходов по отношению к Ирану с нашей стороны нет. И мы говорим нашим иранским друзьям, что их задачи должны быть чисто мирные. Они подтверждают: да, наши задачи чисто мирные. Но если это так, значит, нужно развивать взаимодействие, чтобы вернуть уверенность в характере ядерной программы Ирана. Ясно, что после восемнадцати лет довольно непрозрачной работы в ядерной сфере со стороны Ирана, процесс возвращения доверия – это не день и не месяц работы.

Мы это знаем по развитию отношений с Западом после холодной войны. Это не как электричество: если ты уже обо всем договорился, пришел, включил свет, выключил свет. На самом деле в международных отношениях все гораздо сложнее. И если появились подозрения, особенно подозрения, которые развивались в течение десятилетий, снять их одним докладом или очень приличным сейчас сотрудничеством с МАГАТЭ (и мы это очень приветствуем в плане доступа Агентства на объекты, с точки зрения информации, которая предоставляется Агентству) нельзя. Год-полтора назад такое сотрудничество Ирана с МАГАТЭ было немыслимо, сейчас это возможно. И это благодаря тому, что мы вместе с европейцами и МАГАТЭ предложили Ирану путь снятия проблемных вопросов и путь к сотрудничеству, а не к конфронтации.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: И все-таки, Сергей Иванович, как бы Вы кратко могли оценить Ваше сегодняшнее впечатление о ядерной программе Ирана?

КИСЛЯК: Нынешняя программа Ирана несравнимо прозрачнее и понятнее, чем она была год-полтора назад. Но не все вопросы сняты, поэтому работа в этом направлении будет продолжена. И мы будем в этом помогать.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Возвращаюсь к своему вопросу: что России выгодно и что не выгодно применительно к Ирану. Как Россия будет вести себя в отношении этой страны и ее ядерной программы?

КИСЛЯК: Главное преимущество политических средств решения проблемы заключается для России в том, чтобы страна, являющаяся нашим соседом, очень важным соседом, могла найти путь сосуществования с остальным миром, со своими соседями, с Европой, в своем регионе, наконец, в условиях стабильной, предсказуемой политической обстановки. Мы заинтересованы в стабильном социально и экономически развивающемся соседе Иране, находящемся в мире с остальными государствами, а также последовательно развивающем отношения с Россией.

Мы будем делать все возможное для того, чтобы программа мирного развития ядерной энергетики Ирана развивалась на путях сотрудничества. Это значит, что Иран должен продемонстрировать транспарентность и предсказуемость своей программы и своих намерений. Это также значит, что и Ирану нужно иметь уверенность в том, что не будет помех в поставках оборудования и материалов для развития его мирной ядерной программы.

В этом направлении мы работали и продолжаем работать. Надо сказать, что у наших друзей из европейских стран свой диалог с Ираном, но мы отнюдь не сидим в кабинетах и не ждем, чем он закончится. Россия – очень активный участник многосторонних дискуссий вокруг этого вопроса. И мы также очень серьезно по всем этим вопросам самостоятельно, в двухстороннем формате разговариваем с Ираном. И я надеюсь, что, в конечном счете, если мы, наконец, снимем все эти вопросы, мы сами себе сможем сказать, что Россия сыграла в снятии напряженности не последнюю роль, – а это полностью отвечает долгосрочным интересам России.

Процесс реформирования Вооруженных Сил России невозможно оторвать от общеевропейских проблем безопасности, вопросов оборонного планирования и других аспектов адекватного реагирования на новые вызовы и угрозы.

Думаю, что не буду оригинален, если начну с утверждения о том, что эпоха холодной войны ушла в прошлое, а вместе с ней стали отживать, хотя и медленно, стереотипы мышления времен конфронтации.

Мир стал совсем другим. Все мы стали лучше осознавать, что живем в сложном, взаимозависимом и хрупком мире, с новыми вызовами и новыми угрозами. Пришло и общее понимание того, что современные глобальные риски требуют адекватного реагирования, прежде всего, посредством объединения усилий всего мирового сообщества.

Иными словами, перед нами встала задача поиска таких политико-дипломатических, экономических, финансовых и военных рычагов, использование которых гарантировало бы парирование любых угроз как региональной, так и глобальной безопасности.

Наиболее значимыми для военно-политической ситуации в мире становятся новые вызовы и угрозы в области международной безопасности.

Во-первых, на первый план в глобальной системе военно-политических отношений выходит противодействие новым вызовам, стимулированным процессами глобализации. В числе этих вызовов: распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, международный терроризм, деятельность радикальных религиозных сообществ и группировок, наркоторговля, организованная преступность. Характер этих вызовов таков, что с ними невозможно эффективно бороться в рамках отдельных государств. В связи с этим резко повышается важность международного сотрудничества силовых структур, включая спецслужбы и вооруженные силы.

Во-вторых, становится реальностью осуществление международных операций по применению силы вне традиционных военно-политических организаций. Военная сила все чаще применяется в рамках коалиций, сформированных на временной основе. Такая практика, вероятно, в дальнейшем будет расширяться. Это является отражением объективного характера современной ситуации в мире. Однако Россия выступает за строгое соблюдение норм международного права при формировании подобных коалиций и, в особенности, при применении ими военной силы, и будет вступать в них, только если этого требуют ее внешнеполитические интересы.

В-третьих, произошло сращивание внутреннего и международного терроризма. В современных условиях, когда возникновение международного антитеррористического интернационала стало реальностью, бессмысленными становятся попытки разделения террористической активности на внутреннюю и международную. Это касается как поли-

тических подходов к пресечению террористической активности, так и силовых мер по нейтрализации активности террористов. Очевидно, что терроризм превратился из политической угрозы в военно-политическую, и сфера ответственности вооруженных сил, в частности, Вооруженных Сил России, по противодействию ему существенно расширилась.

В-четвертых, существенно повысилось значение негосударственных участников системы международных отношений для определения характера внешнеполитических приоритетов различных государств мира. Неправительственные организации, международные движения и сообщества, межгосударственные организации и неформальные «клубы» оказывают широкое, порой противоречивое воздействие на политику отдельных государств. Россия стремится к активному участию в основных межгосударственных и международных организациях для обеспечения различных аспектов своих внешнеполитических интересов в сфере безопасности.

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБОРОНЫ

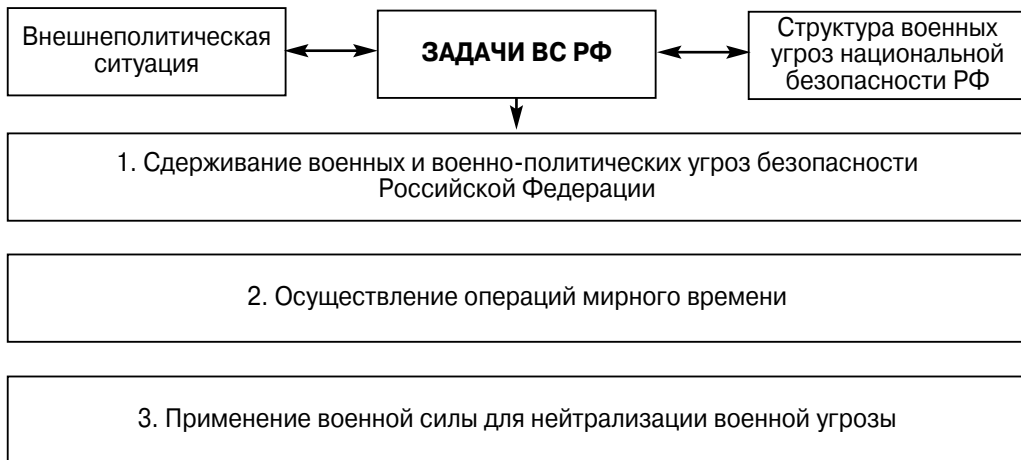
Исходя из вышесказанного, военно-политическое руководство Российской Федерации проводит свою внешнюю политику в области обороны, прежде всего, на основе:

- ☐ уважения и неукоснительного соблюдения основополагающих принципов и норм международного права;
- ☐ сохранения статуса ядерной державы в целях сдерживания (предотвращения) агрессии против нее и (или) ее союзников;
- ☐ придания приоритетного значения укреплению системы коллективной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств, а также развития и укрепления Договора о коллективной безопасности;
- ☐ рассмотрения в качестве партнеров всех государств, чья политика не наносит ущерба национальным интересам и безопасности России и не противоречит Уставу ООН;
- ☐ предпочтения политических, дипломатических и иных невоенных средств военным средствам при предотвращении, локализации и нейтрализации военных угроз на региональном и глобальном уровнях;
- ☐ строгого соблюдения международных договоров в области ограничения, сокращения и ликвидации вооружений;
- ☐ придания универсального характера режиму нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, решительного повышения эффективности этого режима путем сочетания запретительных, контрольных и технологических мер, прекращения и всеобъемлющего запрещения ядерных испытаний;
- ☐ содействия расширению мер доверия между государствами в военной области, включая взаимный обмен информацией военного характера, согласования военных доктрин, планов и мероприятий военного строительства, военной деятельности.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ВС РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Изменившаяся внешнеполитическая ситуация последних лет и структура военных угроз безопасности России определили характер задач, стоящих сегодня перед российскими Вооруженными Силами (см. *схему 1*).

Основные задачи Вооруженных Сил Российской Федерации

Мы группируем их по трем основным направлениям:

- ☐ *Сдерживание военных и военно-политических угроз безопасности Российской Федерации*, включая обеспечение стратегической стабильности и обороны страны.
- ☐ *Осуществление операций мирного времени*, включая выполнение Российской Федерацией союзнических обязательств, борьбу с международным терроризмом, политическим экстремизмом и сепаратизмом, осуществление миротворческих операций по мандату ООН или СНГ.

Что касается вопроса нанесения Россией «упреждающих ударов по террористам», то министр обороны России С.Б. Иванов на конференции по безопасности, которая проходила в Мюнхене (Германия) 11–13 февраля с.г., разъяснил, что эта специфичная форма боевых действий не нами придумана. «Да, мы будем наносить такие удары всеми имеющимися у нас средствами (разумеется, кроме средств массового уничтожения) по лагерям бандитов, отдельным группам террористов, если нам достоверно станут ясны их намерения совершить террористический акт на объекте (-ах) на территории России»².

- ☐ *Применение военной силы для нейтрализации военной угрозы*, в том числе и с применением оружия массового поражения.

Замечу, что в 2005 г. в составе Сухопутных войск мы сформировали отдельную мотострелковую бригаду, предназначенную для участия в международных миротворческих операциях. В настоящее время осуществляется ее дооснащение специальным вооружением и военной техникой³.

СОВРЕМЕННЫЙ ОБЛИК ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ

В прошедшие десять с небольшим лет военная организация России находилась в процессе активного реформирования, связанного с коренным изменением геополитических условий в мире и становлением обновленной российской государственности. В условиях ограниченного финансирования и незавершенности преобразований в социально-экономической сфере страны были осуществлены масштабные структурные и количественные изменения облика военной организации в соответствии с новыми реалиями.

В настоящее время обновленная военная организация Российской Федерации включает в себя Вооруженные Силы страны, другие войска, воинские формирования и органы, предназначенные для выполнения задач по обеспечению безопасности государства военными методами. Кроме того, в военную организацию России входит часть промышленного и научного комплекса страны, предназначенная для обеспечения задач военной безопасности государства.

Российские Вооруженные Силы после длительного периода реформирования и выхода из кризиса приобретают новые качественные показатели как с точки зрения боевой готовности и эффективности, так и с точки зрения возможностей обеспечения политических и экономических интересов Российской Федерации.

Показателем зрелости Вооруженных Сил Российской Федерации и преодоления ими наиболее сложного периода в развитии является то, что их строительство и военное планирование отныне ведется исходя из геополитических потребностей России и принципа оборонной достаточности, а не от фактически наличествующего потенциала.

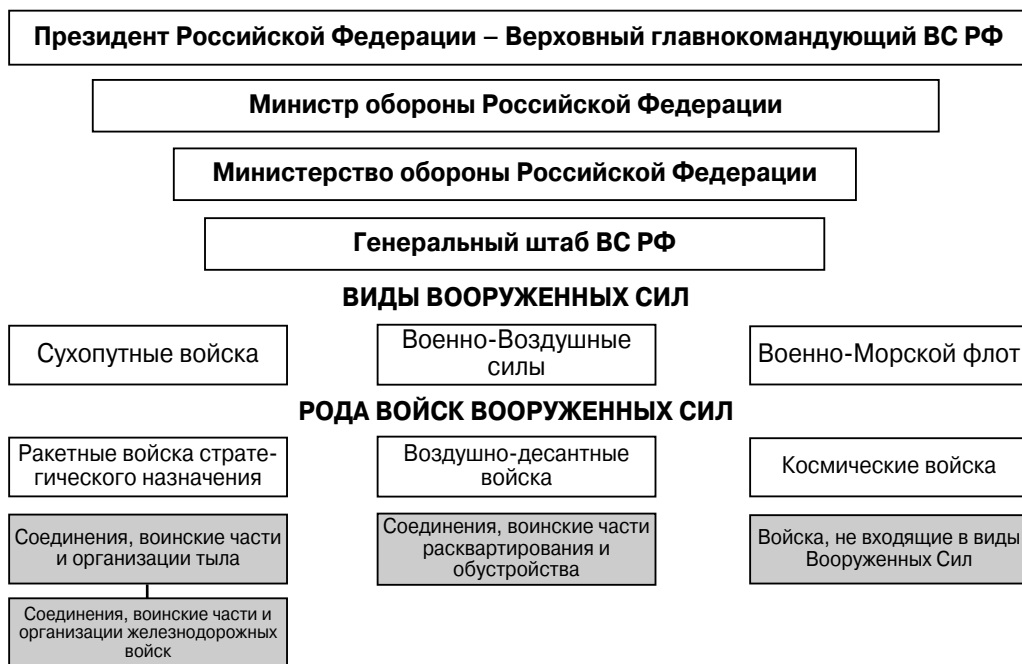
Что же касается *военной реформы*, то в целом можно констатировать, что *коренные преобразования Вооруженных Сил завершены*. Достигнутые позитивные результаты дают возможность перейти к *полноценному поступательному и планомерному военному строительству*.

Основой для выработки приоритетов строительства Вооруженных Сил является реалистическое понимание особенностей геополитической обстановки в мире, которая является весьма сложной и динамичной. По-прежнему сохраняется высокая востребованность военной силы как инструмента внешней политики и обеспечения национальных интересов того или иного государства. Россия последовательно выступает за создание такой системы международных отношений, в которой значение военной силы будет минимизировано и ее функции сведены к задаче сдерживания вооруженных конфликтов.

Основным итогом проведенных преобразований явился *перевод Вооруженных Сил на трехвидовую структуру* в составе: Сухопутных войск, Военно-Воздушных Сил и Военно-

Схема 2

СТРУКТУРА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Морского Флота, а также трех родов войск Вооруженных Сил: Ракетных войск стратегического назначения, Воздушно-десантных войск и Космических войск, войск, не входящих в виды Вооруженных Сил, Тыла Вооруженных Сил, организаций и воинских частей строительства и обустройства войск (см. схему 2).

Такая структура, по нашему мнению, соответствует сегодняшним требованиям и позволяет обеспечить эффективное взаимодействие родственных компонентов Вооруженных Сил, упростить систему управления войсками (силами).

При этом за прошедшие годы была сформирована правовая база развития Вооруженных Сил, подготовлены и приняты законодательные акты, определяющие роль и место Вооруженных Сил в военной организации страны, обеспечении внешней и внутренней безопасности России⁴.

Создана система политического контроля над деятельностью Вооруженных Сил и заложены основы общественного контроля.

Это является важнейшим элементом развития Вооруженных Сил в контексте укрепляющегося в России правового государства и формирования гражданского общества. Гораздо более открытым стал военный бюджет.

Завершились и основные сокращения численности Вооруженных Сил Российской Федерации. Следует признать, что этот процесс был болезненным. Причина этого кроется не только в масштабности сокращения, но и в общенациональном экономическом кризисе тех лет. Однако российские Вооруженные Силы с честью выдержали и это испытание.

На 1 января 2005 г. численность Вооруженных Сил Российской Федерации, с учетом интегрирования в их состав Железнодорожных войск, составляет 1 млн. 207 тыс. военнослужащих.

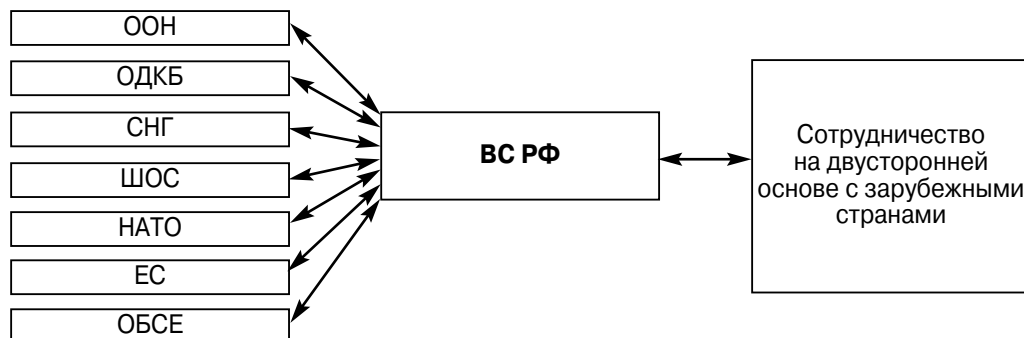
Произошли значительные изменения в системе комплектования Вооруженных Сил. Начат активный переход к контрактному принципу комплектования должностей солдат и сержантов. Но, в то же время, мы придерживаемся смешанного принципа комплектования войск, в первую очередь частей постоянной готовности⁵.

Созданы предпосылки для развертывания современной системы социального обеспечения военнослужащих. В частности, началось реальное решение наболевших проблем с уровнем денежного довольствия военнослужащих через планомерное повышение и монетизацию льгот; с обеспечением жильем – через ипотеку, накопительную систему и создание фонда служебного жилья.

АДАПТАЦИЯ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ К СОВРЕМЕННЫМ УСЛОВИЯМ

Произошла адаптация российской военной политики к современным глобальным реалиям. В рамках реформирования Вооруженных Сил и в целом военной организации в Российской Федерации при разработке новых принципов российской военной политики в области безопасности учитывался новый уровень политических отношений с США и промышленно развитыми странами Европы. Были пересмотрены некоторые ранее существовавшие основы военного планирования. В частности, из числа наиболее вероятных конфликтов, к которым готовились Вооруженные Силы страны, были исключены глобальная ядерная война и крупномасштабные войны с использованием обычных вооружений с НАТО или иной возглавляемой США коалицией. Это дало возможность пойти на существенные сокращения потенциала ядерных и обычных вооружений без ущерба для безопасности страны.

Наконец, была создана новая система отношений России с союзниками и партнерами. Она основана, прежде всего, на принципах взаимного уважения суверенитета и прозрачности всех военно-политических обязательств (см. схему 3). Партнерские отношения Вооруженных Сил с США и НАТО, соответствующие новому уровню политических отношений, позволили создать дополнительные структуры и институты, обеспечивающие

Адаптация военной политики России к современным глобальным реалиям

глобальную стабильность. Взаимодействие России и НАТО продолжается, несмотря на существующие разногласия по вопросам, связанным с расширением блока на Восток и военной деятельностью НАТО в регионах вооруженных конфликтов. В числе наиболее приоритетных проектов такого взаимодействия следует назвать «Совет Россия – НАТО» (СРН). Деятельность СРН позволила более полно отработать систему связи и консультаций между Россией и НАТО в кризисных ситуациях.

Хотелось бы более подробно остановиться на дальнейшем развитии наших взаимоотношений:

Во-первых, это борьба против терроризма⁶. Во-вторых, *кризисное регулирование*⁷. В-третьих, *нераспространение оружия массового уничтожения*⁸. В-четвертых, контроль над вооружениями и меры укрепления доверия⁸. В-пятых, *противоракетная оборона на ТВД*¹⁰. В-шестых, поиск и спасание на море¹¹. В-седьмых, сотрудничество между военными и в сфере военных реформ¹². В-восьмых, *новые угрозы и вызовы*¹³.

Однако вынужден здесь заметить, что еще не все проблемы в российско-натовских отношениях урегулированы.

Наиболее очевидным является процесс расширения альянса при отсутствии каких бы то ни было попыток трансформировать военно-политический союз в соответствии с новыми реалиями европейской безопасности. Трансформация происходит, в основном, путем оптимизации структуры управления военной организации НАТО, укрепления военных бюджетов государств-участников, стандартизации вооруженных сил и вооружений, реконфигурации военных группировок. В результате у западных российских границ расширяется военный потенциал оборонительного альянса, участником которого Россия не является.

У России же цель проста и очевидна, и поэтому должна быть понятна всем – обеспечить безопасность государств и народов через сотрудничество на основе принципов и норм международного права.

В России, на политическом и военном уровнях, оценивают НАТО как организацию, занимающую важное место в системе обеспечения безопасности в Европе. При этом мы осознаем и то, что, несмотря на преобразования Североатлантического союза «под огромным влиянием бурных перемен» последнего десятилетия и так называемую его «собственную модернизацию», НАТО остается, в первую очередь, военным блоком.

Россия продолжает считать расширение НАТО ошибочным. Этот процесс оказывает влияние на общую архитектуру безопасности в Европе, затрагивает интересы безопасности целого ряда государств. Беря на себя ответственность за это решение, НАТО следует взять на себя ответственность и за сохранение позитива Римского саммита, на деле, а не на словах, продемонстрировать, что расширение не направлено против интересов других государств.

Процесс контроля над вооружениями является важнейшим в деле обеспечения региональной и глобальной безопасности. Его актуальность возросла и после окончания эпохи глобального противостояния, поскольку освободить мир от залежей вооружения, укрепить доверие между противоборствующими в прошлом сторонами – очевидная благая цель. Но и здесь не обходится без проблем.

СИТУАЦИЯ С «КРАЕУГОЛЬНЫМ КАМНЕМ» ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ДОГОВОР ОБ ОБЫЧНЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ В ЕВРОПЕ)

Сегодня существуют вполне реальные, а не надуманные озабоченности и в отношении адаптированного ДОВСЕ, так как в ряде стран начало ратификации соглашения об адаптации, по нашему мнению, искусственно тормозится. При этом в НАТО якобы будут готовы рассматривать вопрос о ратификации адаптированного ДОВСЕ только после выполнения российской стороной Стамбульских обязательств, хотя эти обязательства одинаково касаются и России, и Грузии, и Молдавии¹⁴.

Надо признать то, что действующий ДОВСЕ – медленно «умирает» и не в состоянии поддерживать стабильность и баланс интересов государств-участников. Изменившаяся не так давно «геометрия» НАТО сегодня, мягко говоря, даже близко не «вписывается» в зону действия Договора. Его зонально-групповая основа, умело сконцентрированная в свое время под баланс тяжелых вооружений НАТО и ОВД, окончательно рухнула. На географической карте Европы мы видим страны, которые входят в НАТО, но не охватываются режимом Договора. Такова реальность.

Но самое главное, что такое положение дел не может продолжаться бесконечно. Россия проявляет максимальную выдержку в сложившейся ситуации только по одной причине – режим контроля над вооружениями в Европе должен оставаться одним из ключевых инструментов в поддержании стабильности, укрепления доверия и развития сотрудничества, а также проверки военно-политических намерений государств трансатлантического сообщества.

Серьезным дестабилизирующим фактором с международно-правовой точки зрения также является то, что страны Балтии не участвуют в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Вследствие этого альянс имеет возможность размещать на их территории и впоследствии наращивать любую по численности и боевому составу группировку объединенных вооруженных сил, не ограниченную режимом ДОВСЕ.

Россия своевременно, по сути, в преддверии приема в НАТО ее «второй волны» расширения, сделала важнейший шаг в сторону укрепления европейской безопасности и ратифицировала Соглашение по адаптации ДОВСЕ. Мы по-прежнему готовы вести диалог открыто и конструктивно, но не в ущерб своим интересам в области безопасности.

СОВМЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Сегодня мы не только участвуем в совместных учениях, но и проводим совместные миротворческие операции. Реальностью стало военно-техническое сотрудничество с заинтересованными странами, в том числе НАТО, причем на долговременной основе и при совместной разработке различных продуктов военного назначения. Решается задача повышения степени оперативной совместимости подразделений российских Вооруженных Сил и войск НАТО, что является обязательным условием для успешного осуществления совместных мероприятий.

В этой связи хочу отметить, что наряду с задачами по прямому предназначению, Вооруженные Силы продолжают выполнять и миротворческие функции, в том числе связанные с проведением специальных операций по поддержанию и восстановлению мира в различных регионах и, в первую очередь, на территории Содружества Независимых Государств.

Наши подразделения успешно действуют в составе Совместных миротворческих сил в Приднестровском регионе Республики Молдова, в составе Коллективных сил по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта, Смешанных сил по поддержанию мира в зоне грузино-осетинского конфликта.

Серьезной подвижкой в боевой подготовке нашего Военно-Морского флота стало проведение целого ряда крупномасштабных военно-морских учений, в том числе во взаимодействии с военно-морскими силами стран-членов НАТО:

- *российско-итальянское учение «ИОНИЕКС-2004» в Ионическом море с участием отряда кораблей Черноморского флота во главе с гвардейским ракетным крейсером «Москва»;*
- *российско-французское учение в Северной Атлантике. После завершения этого учения атомная подводная лодка «Вепрь» посетила с неофициальным визитом базу ВМС Франции Брест;*
- *российско-американские маневры «Северный орел-2004», в которых с российской стороны участвовали большие противолодочные корабли «Североморск» и «Адмирал Левченко».*

Другим знаковым событием 2004 г. следует назвать *тактико-специальное учение «Авария-2004»*, которое было проведено на одном из объектов Минобороны, расположенном в Мурманской области.

Его основной целью являлась практическая отработка вопросов организации защиты ядерных боеприпасов от попыток несанкционированного доступа, а также вопросов ликвидации возможных последствий аварии в случае совершения террористических актов. На учении присутствовали в качестве наблюдателей 45 представителей из 17 государств-членов НАТО.

Анализ результатов этих учений позволяет нам с уверенностью говорить о том, что сегодня мы располагаем всем необходимым для надежной защиты ядерных боеприпасов от любых видов несанкционированного доступа и для предотвращения возможных аварий.

Также в соответствии с решением Совета министров обороны ОДКБ было проведено *совместное учение с постоянно действующими рабочими органами Организации и вооруженными силами государств-членов ОДКБ «Рубеж-2004».*

Состоялась *командно-штабная тренировка с органами управления и дежурными силами объединенной системы ПВО государств-участников СНГ.* Эта многосторонняя тренировка проведена в соответствии с планом совместных мероприятий на 2004 г. Помимо российской стороны, в тренировке приняли участие командования ПВО Армении, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Украины и силы противовоздушной обороны этих государств, выделенные в состав объединенной системы.

Кроме того, являясь постоянным членом Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, Российская Федерация принимает активное участие в миротворческих операциях, проводимых под эгидой этой и других легитимных международных организаций.

ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И РАЗВИТИЯ ВС РОССИИ

Определяя перспективы строительства и развития Вооруженных Сил, подчеркну, что для нас 2005 г. – это завершение выполнения пятилетнего плана военного строительства. Руководствуясь этим, уже в настоящее время идет разработка концептуальных документов долгосрочного планирования.

На основании понимания глобальной военно-политической обстановки и задач Вооруженных Сил России можно сформулировать *основные приоритеты* их дальнейшего строительства и развития, которые определяются характером задач в сфере националь-

ной безопасности и геополитическими приоритетами развития страны. Остановлюсь лишь на некоторых из них.

Сохранение потенциала Стратегических Сил сдерживания

Главной целью политики Российской Федерации в области стратегического сдерживания является недопущение любого вида силового давления и агрессии против России или ее союзников, а также гарантированная защита суверенитета, территориальной целостности и других жизненно важных интересов России или ее союзников.

Наращивание количества соединений и воинских частей постоянной готовности и формирование на их основе группировок войск, обеспечивающих гарантированное парирование современных и возможных военных угроз.

Как отметил президент России В.В. Путин на совещании руководящего состава Вооруженных Сил Российской Федерации еще в октябре 2003 г., «главным фундаментом национальной безопасности России остаются и еще долго будут оставаться силы ядерного сдерживания. Они находятся в хорошем боевом состоянии, есть планы их развития, и эти планы выполняются».

Нашей долгосрочной задачей с учетом опыта боевого применения является создание группировок войск (сил), объединенных единым управлением и способных выполнять боевые задачи составом мирного времени. Основу таких группировок составляют соединения и воинские части постоянной готовности.

Такие группировки войск (сил) создаются на всех стратегических направлениях. Их состав различен и соответствует степени угроз национальной безопасности России. При этом предусматривается их достаточная мобильность, то есть перегруппировка при необходимости в любой регион для решения задач локализации возможных вооруженных конфликтов и разгрома противника. Именно увеличение числа соединений и воинских частей постоянной готовности, расширение их способности к переброске на большие расстояния следует рассматривать как центральный приоритет развития Вооруженных Сил России на ближайшие годы.

Совершенствование подготовки войск (сил)

Оперативная и боевая подготовка Вооруженных Сил также будет проводиться с учетом изменения направленности военных и иных угроз для России, гарантированного выполнения задач по обеспечению военной безопасности страны, новых тенденций в характере вооруженной борьбы и способах действий войск, оперативного предназначения группировок, особенностей театра военных действий и вероятного противника.

Дальнейший перевод Вооруженных Сил на контрактную основу

Перевод Вооруженных Сил на контрактную основу рассматривается не как самоцель, а как средство решения задач обеспечения обороноспособности России и повышения боеготовности Вооруженных Сил. Решение о переходе к контрактному принципу комплектования не является политической декларацией. Оно продумано с финансовой и организационной точек зрения и стало результатом длительной работы по оценке эффективных возможностей страны.

Выполнение программы модернизации вооружения, военной и специальной техники и поддержание их в боеготовом состоянии

На сегодняшний день Вооруженные Силы основными видами вооружения, военной техники и другими материальными средствами обеспечены на должном уровне. В то же

время в войска более интенсивно стали поступать новые и модернизированные образцы вооружения и военной техники. В целом, в текущем году намечено подготовить к принятию на вооружение около трехсот новых и модернизированных образцов военной и специальной техники.

В основу совершенствования системы технического оснащения будет положено сбалансированное развитие Стратегических Сил сдерживания, систем боевого управления (информационного обеспечения), а также Сил общего назначения.

Одним из важнейших направлений строительства Вооруженных Сил является *совершенствование системы военного образования*.

Для решения наиболее сложных проблем в этой области реализуется Федеральная программа по реформированию системы военного образования до 2010 г.

Реализация этих и других задач строительства Вооруженных Сил, в частности, закупок новой военной техники, поддержка перспективных научных и опытно-конструкторских разработок позволят нам создать действительно современные Вооруженные Силы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует подчеркнуть – руководство российских Вооруженных Сил имеет четкую программу их развития и повышения эффективности, основанную на реалистическом понимании возможностей государства, а также задач, которые стоят перед Россией в процессе интеграции в современную систему международных отношений.

На сегодняшний день мы можем уверенно сказать, что Вооруженные Силы РФ вносят значительный вклад в дело укрепления европейской безопасности.

Примечания

¹ В основе данной статьи лежит выступление А.С. Рукшина и его ответы на вопросы в ходе семинара «Реформирование российских Вооруженных Сил» в Женевском центре политики безопасности в феврале 2005 г.

² Вопрос о возможности превентивных действий государств по подавлению террористов и их инфраструктуры затронул на Мюнхенской конференции и Генеральный секретарь ООН К. Аннан. По его мнению, это положение подлежит урегулированию в рамках предстоящих дебатов по реформе ООН. Кроме того, в докладе «группы мудрецов» содержится рекомендация насчет уточнения критериев т.н. «непосредственной угрозы», на которую государства вправе реагировать упреждающим применением силы.

³ Структура бригады, общая численность которой составит чуть более 2 тыс. человек, разработана применительно к выполнению миротворческих задач. При этом ее основу составляют три отдельных мотострелковых батальона и разведывательный батальон. Кроме того, в отличие от типовой бригады, в рассматриваемой не будет танков и артиллерийских орудий.

Комплектование бригады личным составом осуществляется, в основном, военнослужащими, проходящими военную службу по контракту. Обучение организовано по действующим программам боевой подготовки с включением вопросов миротворческой тематики.

⁴ Утверждены президентом Российской Федерации и реализуются:

Основы государственной политики России по военному строительству на период до 2010 г. Государственная программа вооружения на 2001–2010 гг.; План строительства и развития ВС РФ на 2001–2005 гг.

⁵ Одобрена президентом Российской Федерации и утверждена правительством России Федеральная целевая программа перехода к комплектованию военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, ряда соединений и воинских частей.

В интересах достижения этой цели на должности рядовых и сержантов в течение 2004 г. было отобрано порядка 16 тыс. человек. Это позволило завершить перевод на контрактный способ комплектования дислоцированной в Чечне 42-ю мотострелковую дивизию. Наряду с 76-й воздушно-

десантной дивизией, это соединение – второе в Российской Армии – полностью укомплектованное военными профессионалами. В текущем году на контракт будет переведено около 40 соединений и воинских частей. В целом, численность военнослужащих по контракту, включая офицерский состав, на сегодняшний день составляет более 55%. Мы рассчитываем, что к 2008 г. этот показатель возрастет до 70%.

⁶ 4 февраля 2002 г. в Оборонном колледже НАТО в Риме, 9 декабря 2002 г. в Министерстве обороны Российской Федерации и 5 апреля 2004 г. на базе стратегического командования по трансформации НАТО в г. Норфолке (США) состоялись совместные конференции Совета Россия-НАТО на тему «Роль военных в борьбе с терроризмом». Итоги конференций свидетельствуют о высоком уровне понимания участниками со стороны России и НАТО, что лучше упредить или предупредить террористические акты, чем заниматься устранением их последствий.

9 декабря 2004 г. на Совете Россия-НАТО на уровне министров иностранных дел были подписаны обменные письма, определяющие характер взаимодействия военно-морского компонента России в операции «Активные усилия». Данная операция была организована по просьбе США в октябре 2001 г. с целью оказания им помощи в борьбе с международным терроризмом. Ее задачами являются перехват, задержание и досмотр судов, подозреваемых в причастности к террористической деятельности.

⁷ Основные усилия рабочей группы по миротворчеству под эгидой Совета Россия-НАТО направлены на разработку проекта документа, отражающего военные аспекты базовой концепции миротворческих операций Россия-НАТО.

Российско-натовское сотрудничество в области военно-транспортной авиации направлено на разработку совместной программы учений, которая включала бы в себя отработку задач использования военно-транспортной авиации в ходе миротворческой операции. В сентябре 2004 г. состоялась очередная встреча российских и натовских экспертов по рассмотрению проекта договоренности и Рамочного соглашения между правительством Российской Федерации и Организацией Североатлантического Договора о сотрудничестве в области использования авиационных транспортных средств большой грузоподъемности. Переговоры будут продолжены в этом году.

⁸ Сотрудничество в области противодействия распространению оружия массового уничтожения и средств его доставки направлено на содействие укреплению существующих договоренностей в области нераспространения на основе структурированного обмена мнениями, ведущего к выработке совместных оценок глобальных тенденций распространения ядерных, биологических и химических веществ, и обмена опытом с целью изучения возможностей для активизации практического сотрудничества по защите от ядерных, биологических и химических веществ. 2–5 августа 2004 г. в г. Оленегорске (Мурманская обл.) состоялись показательные учения по ликвидации последствий аварий и инцидентов с ядерным оружием «Авария-2004». За ходом этих учений наблюдали 45 представителей государств-членов НАТО.

⁹ Сотрудничество в этой сфере направлено на ратификацию всеми государствами-участниками Соглашения об адаптации ДОВСЕ и на его вступление в силу (это открывает возможность присоединения к нему государств, не являющихся участниками ДОВСЕ); продолжение консультаций по ДОВСЕ, Договору по открытому небу, Венскому документу 1999 г. и т.д.

¹⁰ На сегодняшний день разработаны и приняты мандат и программа работы специальной рабочей группы ПРО ТВД, а также глоссарий терминов и определений в области ПРО ТВД и экспериментальная концепция сотрудничества России и НАТО в этой сфере. Определены следующие направления сотрудничества: терминология ПРО ТВД, концепция ПРО ТВД, подготовка и проведение учений, системы ПРО ТВД и их возможности.

В дальнейшем под эгидой СРН предполагается продолжить военные тренировки и учения по нестратегической ПРО.

¹¹ Подписание 8 февраля 2003 г. в Мюнхене Рамочного документа между Российской Федерацией и НАТО по спасанию экипажей аварийных подводных лодок не только заложило правовую основу для дальнейшего развития сотрудничества в этой сфере, но и способствовало приобретению богатейшего опыта совместной работы в духе транспарентности российско-натовских отношений. В Рабочую программу на 2005 г. включены заседания рабочих групп по снаряжению и тактике действий боевых пловцов, а также по поиску и спасанию на море.

¹² Позитивную тенденцию развития приобретают обучение российских военнослужащих в учебных заведениях НАТО, достижение оперативной совместимости на основе совершенствования совместной подготовки и учений, оказание помощи России в вопросе утилизации противопехотных мин типа ПФМ-1, а также углубление сотрудничества в области военных реформ и их экономических аспектов, включая конверсию.

¹³ Сотрудничество в данной области направлено на изучение возможности противодействия новым вызовам и угрозам для безопасности в евроатлантическом регионе в рамках деятельности Комитета НАТО по вызовам современному обществу (КВСО); взаимодействие в области гражданского и военного контроля над воздушным пространством; расширение научного сотрудничества.

¹⁴ С.Б. Иванов на мюнхенской конференции по безопасности (11-13 февраля с.г.) объяснил, что все наши обязательства по ДОВСЕ выполнены, а базы и нахождение наших войск на территории Грузии – это дело двухсторонних отношений, процесс улучшения которых по вине Тбилиси не сдвигается с мертвой точки.

Очередную попытку в этом вопросе Россия предприняла 19 февраля с.г. в ходе рабочего визита в Грузию министра иностранных дел С.В. Лаврова, которая, к сожалению, успехом не увенчалась.

Что касается Молдавии, то Российская Федерация полностью и досрочно (к середине ноября 2001 г.) выполнила свои связанные с ДОВСЕ стамбульские обязательства по выводу с территории Молдавии и утилизации на месте своих ограничиваемых Договором вооружений и техники. Все факты вывода и утилизации вооружений должным образом документированы и подтверждены представителями ОБСЕ.

В настоящее время продолжается процесс реализации не относящихся к ДОВСЕ стамбульских решений, заключающийся в выводе из Молдавии и утилизации на месте военного имущества и боеприпасов.

ИЗМЕНИЛСЯ ПОЧТОВЫЙ АДРЕС

ПИР-Центра и редакции журнала «Ядерный Контроль»

с 1 февраля 2005 г. письма и рукописи в редакцию
следует направлять
по адресу:

**РОССИЯ, 123001, МОСКВА,
ТРЕХПРУДНЫЙ ПЕР., 11/13, СТР. 1, ОФИС 025.**

Номера телефонов и факсов остались прежними:

Тел. (095) 234-0525

Факс: (095) 234-9558

Старый почтовый адрес

*Россия, 123001, Москва, Трехпрудный пер., 9, стр.
1Б, офис 011*

**будет оставаться в силе по 28 февраля 2005 г.
включительно.**

Игорь Андрюшин

Виктор Михайлов

Юрий Трутнев

Александр
Чернышев

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ МАЛОЙ МОЩНОСТИ – ВОЗМОЖНАЯ ОСНОВА ЯДЕРНОГО АРСЕНАЛА НОВОГО ВЕКА

В ядерных оружейных программах тесно переплелись две линии развития, связанные с принципиально различными концепциями:

- создание оружия для решения военных задач и
- создание оружия возмездия – «ядерного сдерживания» для поражения военно-экономического потенциала (ВЭП).

Создание атомной бомбы было направлено первоначально на решение чисто военных задач: уничтожение группировок войск, военных баз, аэродромов, транспортных узлов и т.д. Вместе с тем практически сразу же были осознаны огромные возможности ядерного оружия для поражения ВЭП, подавления воли и возможностей противника к сопротивлению.

Гонка за превосходство в ядерном оружии на полях холодной войны стремительно нарастала. Появление термоядерного оружия многократно усилило как военные возможности, так и возможности ядерного сдерживания, поскольку небольшое количество термоядерных взрывов могло приводить как к уничтожению ключевых военных объектов, так и к неприемлемому ущербу ВЭП (недопустимым потерям населения и экономики). Возникла известная ситуация «ядерного пата», которая делала невозможным прямое военное столкновение двух сверхдержав – СССР и США – во второй половине XX века. В ядерной войне ощущалось приближение «апокалипсиса (страшного суда)». Лидерами двух стран в июне 1973 г. было подписано Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны. К этому времени ядерные арсеналы в США составляли порядка 30 тыс. и в СССР порядка 20 тыс. ядерных зарядов.

Ситуация «великого и страшного» противостояния реально разрешилась на наших глазах неожиданным образом – один из конкурентов исчез, произошел распад СССР. Этот исход многими рассматривается как катастрофическое событие, повлекшее за собой острый общественно-государственный и экономический кризис на всем постсоветском пространстве. В рамках всей мировой цивилизации этот исход, безусловно, сопровождался минимальными негативными последствиями по сравнению с возможными последствиями его разрешения в военном конфликте. Ядерное оружие позволило избежать крупнейшей катастрофы – апокалипсиса при военном столкновении СССР и США, двух союзников по Второй мировой войне.

Это была победа православия, христианства над глобальным «антихристом», как и во Второй мировой войне 1939–45 гг. против фашизма, когда в самые трудные годы – 1941–42 гг. – в стране были открыты православные церкви.

Россия является правопреемником СССР, и это определило и во многом определяет особенности системы вооружений нашей страны. Задачи и структура вооруженных сил вообще, и ядерных вооружений в частности, определяются не только объективными условиями существования государства в мировом сообществе и в системе международных отношений, но и социально-политическим государственным устройством.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ИЗ ИСТОРИИ

После Второй мировой войны главным фактором, определявшим развитие вооруженных сил страны, было военно-политическое противостояние стран Запада и стран социалистического лагеря. В соответствии с этим, в начале пятидесятых годов прошлого столетия на ядерное оружие возлагались две основные функции:

- функция ядерного сдерживания;
- функция решения ключевых военно-оперативных задач на возможном театре военных действий (ТВД), т.е. фактически функция ядерного разгрома войск противника.

Для выполнения этих функций в короткие сроки была создана стратегическая триада и ядерное боевое оснащение для всех видов и родов войск.

При этом предполагалось, что необходимые военные задачи наши вооруженные силы будут в состоянии решить в безъядерном конфликте. Из этого предположения вытекал известный принцип СССР о неприменении первыми ядерного оружия. Считалось, что применение ядерного оружия последует в ответ на применение ядерного оружия противником, который может это сделать в условиях близкой угрозы военного поражения в обычной войне. Стадия применения ядерного оружия на ТВД относилась к условиям ширококомасштабных военных действий. Ядерное оружие на ТВД должно было обеспечить полное военное поражение противника: уничтожение армейских группировок, военной инфраструктуры, систем управления и системы снабжения. Для этого ядерное оружие на ТВД включало в себя термоядерные боеприпасы значительной мощности. Поскольку одной из основных вероятностей рассматривалось противостояние государств Объединенного Варшавского Договора (ОВД) и Североатлантического Договора (НАТО), то подобная стадия конфликта являлась прямой угрозой для самого существования европейских государств. Иными словами, военным ответом на применение НАТО ядерного оружия на ТВД мог быть ядерный ответ, не только уничтожавший их вооруженные силы, но и фактически сами государства Европы. Поскольку подобное развитие событий было абсолютно недопустимо, то ядерное оружие СССР и на ТВД являлось не оружием «поля боя», а оружием «ядерного сдерживания», вынуждающим противника вести войну в рамках системы обычных вооружений.

В этом сценарии территория США не затрагивалась ядерными ударами, и фактически потери этой страны сводились к военным потерям на ТВД. Сдерживание масштабного ядерного конфликта «СССР – США» осуществлялось стратегическими ядерными силами (СЯС), в функции которых входила возможность гарантированного нанесения противнику неприемлемого ущерба, то есть фактического разрушения государства. Этот подход предполагал боевое оснащение СЯС мощным термоядерным оружием.

Таким образом, система ядерного вооружения СССР удовлетворяла принципу «двойного ядерного сдерживания»: уничтожения противника на ТВД и глобального уничтожения ВЭП. Принципиальным элементом этой стратегии являлось предполагаемое превосходство с применением обычных вооружений в условиях любых военных действий. Это была военная стратегия, которая начала разрушаться, как только возникли сомнения в отношении реальной дееспособности традиционных вооруженных сил и политического руководства. Как известно, это произошло в Афганистане. Факт, что «первая армия в мире» не смогла добиться быстрой и решительной победы в небольшой стране «третьего мира», подорвал уверенность в военно-политической мощи СССР и явился предвестником краха социалистической системы, ОВД, а затем и самого Советско-

го Союза. Хотя то же самое испытала армия США и во Вьетнаме, и в Ираке, и в Афганистане.

Сложилась опасная ситуация. Продолжала существовать огромная система «ядерного сдерживания», однако военное столкновение с использованием традиционных вооружений стало грозить военным поражением, а возможность применения ядерного оружия в «обычной войне» стала крайне проблематичной. Далее последовали «перестройка», развитие договорного процесса о взаимном сокращении (СССР и США) ядерных вооружений, политико-экономический кризис и развал СССР, появление нового российского государства.

Россия отказалась от претензий на мировое лидерство и перестала рассматривать США и НАТО как вероятного военного противника. Комплекс «Великого противостояния» стал уходить в прошлое. Огромные системы ядерного оружия стали сокращаться, ядерные боеприпасы поступали на демонтаж или на склады. Как правило, это процесс связывается с экономическими факторами и договорными обязательствами с демонстрацией взаимного доверия. Однако существует и еще одна вполне объективная причина – это радиологические последствия для флоры и фауны. Тогда и возникла идеологическая проблема – что, в принципе, делать с ядерным оружием, есть ли у ядерного оружия будущее и каково оно? Так закончилось XX столетие.

ЭЛЕМЕНТЫ НОВОЙ ЯДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI СТОЛЕТИЯ

Медленно и неуверенно формируются взгляды на ядерное оружие, исходя из его наличия сегодня уже не у пяти, а у семи государств мира.

Современное представление о возможной роли ядерного оружия России определяется целым рядом различных тезисов.

Военная доктрина РФ, в частности, определяет:

- ❑ Российская Федерация рассматривает ядерное оружие как фактор сдерживания, обеспечения военной безопасности РФ и ее союзников, поддержания международной стабильности и мира;
- ❑ Российская Федерация исходит из необходимости обладать потенциалом ядерного сдерживания, способным гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому государству-агрессору, либо коалиции государств в любых условиях и в любой обстановке;
- ❑ Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и ее союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения (ОМУ), а также в ответ на широкомасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических ситуациях для национальной безопасности РФ и ее союзников.

Первый тезис дает общее политическое подтверждение важности ядерного статуса России в современном мире, где существенно выросло число ядерных государств. Второй тезис поддерживает стратегию гарантированного ответного удара (угрозу поражения ВЭП) в весьма глобальной формулировке. Третий тезис новый и определяет возможность превентивного применения ядерного оружия в обычной войне и связан с недостаточностью традиционных вооруженных сил для отражения агрессии.

Ряд моментов по ядерной стратегии России был изложен в 2003 г. в докладе министра обороны С.Б. Иванова «Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации». Доклад был сделан 2 октября 2003 г. на совещании в Минобороны России под руководством президента РФ В.В. Путина.

В интересах адаптации российской военной политики к новым глобальным реалиям были пересмотрены некоторые основы военного планирования. Из части наиболее вероятных конфликтов, к которым готовились вооруженные силы, были исключены глобальная ядерная война и крупномасштабные войны с НАТО (США) с использованием обычных вооружений.

Ни одна из существующих конфликтных ситуаций силового плана в настоящее время не создает прямой военной угрозы безопасности РФ. Однако с учетом изменений геополитической обстановки в мире обеспечение безопасности РФ только за счет политических возможностей становится все труднее и труднее.

Российское военное планирование в первой половине XXI века будет определяться также существованием факторов неопределенности. Под фактором неопределенности понимается ситуация, конфликт или процесс, развитие которого может существенно изменить геополитическую обстановку в приоритетном для интересов России регионе или создать прямую угрозу безопасности РФ. Сам характер факторов неопределенности исключает возможность однозначного прогноза их развития. В общем виде к подобным первостепенным факторам неопределенности отнесено опасное для национальной безопасности России изменение военно-политической ситуации в ключевых странах мира, на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ) и в регионах, пограничных с государствами СНГ.

К числу наиболее значимых факторов неопределенности отнесена и возможность придания ядерному оружию свойств реального военного инструмента. В докладе министра обороны говорится, что отмечены попытки вернуть ядерное оружие в число допустимых военных инструментов за счет реализации «прорывных» разработок, превращающих ядерное оружие в относительно «чистое», с точки зрения долговременных последствий его применения. Проведение в ряде стран подобных НИОКР и принятие политических решений об их активизации рассматривается в Минобороны РФ как фактор, способный подорвать глобальную и региональную стабильность. Отмечается также востребованность в мире ОМП, включая ядерное, среди региональных держав, стремящихся создать инструмент гарантированного сдерживания возможных враждебных действий со стороны развитых государств.

Однако ядерное сдерживание, особенно применительно к сдерживанию угроз, связанных с применением противником обычных вооружений, может быть осуществлено эффективно только при наличии высокооснащенных и боеготовых сил общего назначения. Только в этом случае угроза применения ядерного оружия в ответ на нападение с использованием обычных вооружений будет выглядеть убедительно для обороняющейся стороны.

Для осуществления задач стратегического сдерживания вооруженные силы должны быть готовы к демонстрации военного присутствия и решимости применения военной силы. В качестве элементов стратегии может использоваться дозированное боевое применение отдельных компонентов стратегических сил сдерживания. Сдерживание основывается на способности стратегических сил в ответных действиях нанести ущерб, размеры которого поставили бы под сомнение достижение целей возможной агрессии.

Из приведенных выше тезисов следует целый ряд важных выводов. Считается, что:

- ☐ в настоящее время отсутствуют непосредственные угрозы военной безопасности России;
- ☐ Россия перестала рассматривать возможность масштабного конфликта с Западом (США и НАТО) в качестве вероятного события, причем это относится как к условиям использования обычного, так и ядерного оружия;
- ☐ в случае угрозы национальной безопасности России вследствие агрессии, она вправе использовать свой ядерный арсенал даже в том случае, если агрессия происходит в рамках применения только обычного оружия;

- важным обстоятельством, определяющим военное планирование России, является существование в мире факторов неопределенности, связанных с неоднозначным (непредсказуемым) изменением обстоятельств, процессов, условий, непосредственно влияющих на ее военную безопасность;
- осуществление ядерного сдерживания предполагает наличие современных и эффективных вооруженных сил, а также связано с реальной возможностью дозированного применения ядерного оружия.

Наряду с этим создание ядерного оружия «поля боя», обладающего минимальным побочным воздействием, рассматривается нами как фактор возможной дестабилизации основных условий безопасности.

В целом это достаточно общая система определяющих представлений о роли ядерного оружия в обеспечении военной безопасности. Заключение Договора между Россией и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) свидетельствует о взаимном размытии в двух странах комплекса «военного противника» по отношению друг к другу. Это положительный шаг. В практическом плане, для России – это продвижение в направлении сокращения возможностей ответного удара и ядерного сдерживания США. При этом Россия была готова и к более глубокому сокращению объемов СНП. Однако причина этого лежит не только в идеологии, но и в ограниченных экономических возможностях страны в условиях «старения» стратегического арсенала. В принципиальном плане Россия не готова отказаться от самого принципа ядерного сдерживания и радикально продвинуться к достижению «нейтральных» ядерных отношений. Определенным аналогом в возможной перспективе (к которой мы продвигаемся) представляются ядерные взаимоотношения США и Франции, в которых, в принципе, отсутствует идея ядерного сдерживания. На двойственность существующего подхода в российском понимании проблемы указывают такие моменты, как жесткая критика выхода США из Договора по противоракетной обороне (ПРО) и критика позиции США в отношении нератификации ДВЗЯИ и возможного возобновления ядерных испытаний. Эта критика непосредственно связана с остатками доктрины «ядерного сдерживания». В этом же контексте рассматриваются усилия США по существенному повышению точности стратегических ядерных сил и обычных вооружений, которые могут использоваться для превентивного удара не только по нашим СЯС, но и по одиночным угрожающим целям.

ПРОБЛЕМА ГАРАНТИРОВАННОГО ОТВЕТНОГО УДАРА И СОКРАЩЕНИЕ СЯС

Рассмотрим проблему гарантированного ответного удара на примере противостояния СССР и США, поскольку он хорошо иллюстрирует, как отмеченная выше острая реакция России связана с доктриной ядерного сдерживания.

Задача гарантированного обеспечения безопасности в условиях противостояния решалась путем количественного наращивания ядерных вооружений. При этом обеспечение задачи сдерживания («гарантированного ответного удара») требовало многократного превышения объема ядерных арсеналов над уровнем, необходимым для нанесения противнику «неприемлемого ущерба» с тем, чтобы такой ущерб мог быть нанесен в ответном ударе, когда основная часть ядерного потенциала СССР «погибала» после первого удара агрессора. В соответствии с этим, необходимый объем ядерного потенциала (Е) определялся тремя основными параметрами:

- совокупной мощностью ядерных боеприпасов (ЯБП), достаточной для нанесения «неприемлемого ущерба» (ϵ);
- совокупной живучестью средств (α) по отношению к средствам удара (α есть доля средств ответного удара, уцелевших после первого удара противника);

- совокупной живучестью (β) по отношению к преодолению средств ПРО ответного удара (β есть доля средств ответного удара, уцелевших после прохождения всех эшелонов ПРО, ПКО, ПВО).

Потенциал ответного удара определяется $E \cdot \alpha \cdot \beta$ для поражения целей противника после нанесения им первого удара.

Отсюда $E = \varepsilon \cdot 1/\alpha \cdot 1/\beta$. При $\alpha = \beta = 1$ $E = \varepsilon$, но при $\alpha = 1\%$, $\beta = 10\%$ полный объем средств для ответного удара E должен в 1000 раз превышать ε .

Ясно, что в оценки основных величин ε , α , β входит огромная масса конкретных физико-технических характеристик ЯБП и их носителей, стойкость к поражающим факторам (ПФ), сценариев конфликта, технических средств первого удара и ПРО, прогнозы их изменения и т.д.

Что касается оценки величины ε , то ее уровень определялся возможностью поражения сотни основных промышленных центров на территории противника. Для этого, по-видимому, было достаточно ~ 300 ЯБП с мощностью по $\sim 0,5$ Мт (мегатонн тротилового эквивалента) каждый, так что $\varepsilon = 150$ Мт. На самом деле этот вопрос весьма сложный, так как ответ на него дает только противник: что он считает для себя неприемлемым ущербом в широкомасштабном конфликте. Но это зависит от конкретной военно-политической ситуации (острота кризиса, масштаб угрозы основным национальным ценностям, наличие альтернативных возможностей и т.д.).

В мирных условиях ядерный взрыв с $E \sim 1$ кт является национальной трагедией, а в условиях антагонистического конфликта, подобного Второй мировой войне, совокупная ядерная мощность в ~ 1 Мт может не остановить агрессора. В этой ситуации обороняющаяся сторона обязана действовать с некоторым запасом.

К 1990 г. полная мощность СЯС сухопутного и морского базирования у нас может быть оценена в $E \sim 5$ Гт, что в ~ 30 раз превосходит уровень $\varepsilon = 150$ Мт. Отсюда видно, что данный потенциал обладал сдерживающими свойствами при уровне живучести $\alpha \cdot \beta \geq 3\%$. Это очень важная характеристика, поскольку от средств первого удара и средств преодоления ПРО противника в этих условиях требуется весьма высокая эффективность: $P_{\text{эф}} = 97\%$. Гарантировать такую эффективность в реальной жизни, по-видимому, практически невозможно, даже если чисто теоретическая эффективность системы составляет $P'_{\text{эф}} = 99,9\%$, поскольку всегда существуют неучтенные и случайные факторы, отсутствующие в моделях конфликта.

Однако при сокращении объемов ядерных арсеналов в ~ 10 раз ядерный арсенал будет обладать сдерживающими свойствами лишь при уровне живучести $\alpha \cdot \beta > 30\%$ и для нанесения первого удара будет достаточной совокупная эффективность средств противника $P_{\text{эф}} \sim 70\%$. В том случае, если противник за счет технологического отрыва достиг теоретической эффективности $P'_{\text{эф}} = 99\%$, ситуацию можно оценить, как опасную, поскольку может быть создана реальная материальная база для эффективного первого удара. В этом, собственно, и состояло основное препятствие на пути к радикальному сокращению ядерных арсеналов. Это рассматривается как основная причина энергичных работ в США над повышением эффективности стратегических наступательных вооружений первого удара и поисков возможностей создания эффективных систем ПРО различных видов (вспомним программу СОИ 1980-х гг.).

НЕОБХОДИМОСТЬ НОВОЙ ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Распад СССР привел к сокращению ядерной инфраструктуры, в особенности в отношении средств доставки ЯО. Наиболее радикально уменьшились возможности страны в традиционных вооруженных силах. В этом плане укрепление Содружества Независимых Государств (СНГ) очень важная задача.

В таблице 1 приведены некоторые данные, характеризующие изменения глобальных параметров ВЭП СССР – России, с одной стороны, и стран НАТО, с другой стороны.

Характеристики некоторых параметров военно-экономического потенциала
(по данным «The Military Balance», IISS, London)

	1985–1986				2001			
	N _н	N _а	ВВП	РО	N _н	N _а	ВВП	РО
СССР/Россия	284,8	3620 5650	2150	340	144,7	990 1400	1390	60
ОВД	398	4770 5950	2640	370				
США	245	2163 2243	6290	406	286	1414 1501	9350	303
НАТО (без США)	403	3222 3905	6213	187	513	2335 3020	7820	155
НАТО (с США)	648	5385 6148	12503	593	799	3749 4521	17170	458

N_н – численность населения (млн человек);

N_а – численность вооруженных сил (тыс. чел.). Верхнее значение относится к основным видам войск, нижнее значение включает также вспомогательные войска;

РО – расходы на оборону;

ВВП – валовой внутренний продукт.

ВВП и РО приведены в млрд долл. по ценам 1997 г. (по паритету покупательной способности).

Как отмечалось выше, в конце 1970-х гг. возможности традиционных вооруженных сил СССР (ОВД) воспринимались как достаточно убедительные для европейского ТВД, однако в настоящее время такие возможности России и НАТО слабо сопоставимы. Этот факт и лежит в основе тезиса о том, что крупномасштабное военное столкновение новой России и НАТО не рассматривается у нас в качестве вероятного события.

В таблице 2 приведены некоторые сравнительные характеристики ВЭП России и двух ее соседей: КНР и Турции. Военные конфликты с этими странами не считаются вероятными и не рассматриваются, однако приведенные данные говорят о фундаментальном относительном ослаблении военных возможностей России.

В этом плане возрождение достаточно мощной традиционной армии, способной отразить масштабную агрессию на различных ТВД, выглядит в данное время как благое пожелание. Естественно, что в подобной ситуации появилась идея о важной роли факторов неопределенности в военном планировании и ядерном сдерживании агрессии. Реальная возможность осуществления ядерного сдерживания в военном столкновении должна предполагать как осуществление решения широкого спектра военных и политических задач, так и адекватность, т.е. оправданность ядерного ответа и его приспособленность к конкретным военно-политическим ситуациям. Действительно, если военный конфликт с большим объемом вооруженных сил, в котором используется высокоточное оружие и адресное применение боевых действий против войск и военной инфраструктуры, не связан с гибелью населения и разрушением экономики, то вряд ли применение

ЯБП мощностью в сотни килотонн может рассматриваться как осмысленный ответ. Для обеспечения реальных военных потребностей в подобных ситуациях необходима система новых ядерных вооружений малой мощности, особенно на своей территории, или на территории союзников. Конечно, речь идет об оружии с минимальными радиологическими последствиями на сравнительно длительное время.

Таблица 2

Основные характеристики ВЭП России, КНР и Турции (2001 г.)

Параметр	Россия	КНР	Турция
Площадь (тыс. кв. км)	17075	9600	781
Длина сухопутных границ (км)	19917	22150	2627
Численность населения (млн чел.)	144,7	1284	66,5
Численность населения в 2050 г. (млн чел.)	121,8	1322	103,6
ВВП по обменному курсу (млрд долл.)	311	1170	148
Оборонный бюджет по обменному курсу (млрд долл.)	7,5	17	5,7
Численность вооруженных сил (тыс. чел.), в том числе сухопутные войска	990 320	2270 1600	515 402

Следует отметить, что подобные взгляды появились уже на ранней стадии развития ядерных оружейных программ и даже оказали на их развитие конкретное практическое влияние. Так, уже в середине 1950-х гг. член КАЭ США Т. Мюррей высказался за ограничение энерговыделения ядерного оружия. Он, в частности, отмечал: «Новое направление в нашей политике можно охарактеризовать тезисом «рациональное ядерное вооружение». Этот тезис означает, что параметры нашего боезапаса должны удовлетворять двум принципам. Военный принцип предполагает, что оружие, которое мы производим, должно быть действительно пригодно для целей реальной войны. Второй принцип предполагает, что использование этого оружия в войне диктуется моральными соображениями».

Мюррей предполагал ввести ограничения на энерговыделение и количество зарядов с большим энерговыделением в боезапасе и настаивал на усилении разработок боеголовок с небольшим энерговыделением. Он отмечал: «Мое третье предложение состоит в том, что в боезапасе должен быть масштабно представлен широкий спектр малого ядерного оружия. Причина этого предложения одновременно и военная, и моральная. Ограниченная ядерная война возможна, так как моральный принцип может ее принять. Когда я говорю о малом оружии, я имею в виду очень малое оружие. Когда я говорю о большом количестве, я имею в виду десятки тысяч единиц оружия этого класса. Эти десятки тысяч боеприпасов составят широкую и твердую основу нашего боезапаса. Такой боезапас позволит использовать наши силы для умеренного и выборочного действия против всех видов агрессии, включая агрессию минимального размера».

У нас в России объем СНП к 2012 г. сократится по сравнению с 1990 г. в 5–6 раз, и его возможности для осуществления гарантированного ответного удара существенно уменьшатся. К 2020 г. эти тенденции могут серьезно усилиться в связи с дальнейшим сокращением объема СЯС и с развитием неядерного противостратегического оружия и

средств ПРО и ПВО. В то же время ядерный потенциал, состоящий более чем из 1000 ЯБП с энерговыделением в сотни тысяч килотонн, сам по себе будет представлять опасный провоцирующий фактор неопределенности, так как ядерный потенциал тотального уничтожения существует и оправданием ему служит только непредсказуемое изменение факторов безопасности. Надуманность и опасность такого подхода в стратегии нам очевидна.

Важнейшая задача развития системы ядерных вооружений малой мощности состоит в радикальном снижении уровня военно-технического ядерного противостояния России и США. Замена боевого оснащения на заряды малой мощности, с одной стороны, радикально сократит уровень связанной с ним глобальной угрозы, а с другой стороны, придаст ему качество реального оружия «поля боя», применимого в любом регионе планеты.

Третья существенная задача, решаемая при этом, это сокращение риска несанкционированного применения ядерного оружия. Само наличие ядерного оружия неизбежно порождает эту угрозу, и можно говорить только об уровне мер безопасности, снижающих ее риск до очень малой величины. В то же время в этот риск всегда входит такой сложный параметр, как человеческий фактор, зависящий от состояния различных сторон жизни. Поэтому исключение из боеготового оружия СНП термоядерных ЯБП дополнительно в сотни (тысячи) раз уменьшит риск, связанный с этой угрозой.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯДЕРНОГО АРСЕНАЛА МАЛОЙ МОЩНОСТИ

Практическая реализация создания ядерного арсенала малой мощности может быть связана с несколькими путями или этапами. Наиболее очевидные возможности представляют реорганизация стадийного термоядерного оружия, например, ЯБП СНП. Это оружие представляет собой наибольшую потенциальную военно-техническую угрозу во взаимоотношениях ядерных стран.

Как известно, стадийный термоядерный заряд включает в себя первичный модуль (бустированный ядерный заряд) и вторичный модуль, обеспечивающий основное энерговыделение в результате процесса радиационной имплозии, создаваемого при нормальной работе первичного модуля. Бустинг первичного модуля обеспечивается работой специального конструкционного устройства, представляющего собой, по открытым публикациям США, баллон с ТД-газом, запускаемым по команде в первичный модуль. В случае изъятия этой команды или самого устройства, содержащего ТД-смесь, первичный модуль работает в небустированном, сниженном режиме, и энерговыделение стадийного заряда радикально уменьшается. Тем не менее, при этом будет реализован ядерный взрыв в субкилотонном масштабе. Такой уровень, с одной стороны, на три порядка меньше полномасштабного взрыва термоядерного заряда, а с другой стороны, на три порядка выше энерговыделения химических ВВ соответствующей массы. Это и есть ядерное оружие малой мощности, не приводящее к тотальному уничтожению противника, но существенно превосходящее энергетические возможности традиционных вооружений. Применение такого оружия в ответ на значимое применение обычных вооружений или террористические действия, повлекшие за собой утрату важных объектов инфраструктуры и гибель десятков или сотен человек, вполне может быть оправдано по моральным соображениям. В то же время это оружие будет эффективно для поражения отдельных объектов инфраструктуры на территории противника, военных баз, узлов коммуникаций, центров снабжения и т.д. Тем более, такое оружие может быть применено в средствах ПВО, ПРО и противокорабельной обороны.

На определенных этапах рассматриваемый подход может быть реализован указанным способом. При этом для решения отдельных военных задач часть термоядерных боеприпасов может быть сохранена (по крайней мере, на первых этапах), однако их доля должна быть невелика, а сами они должны предусматривать регулируемый режим работы («небустированный»-«полномасштабный») и находиться в нормальном состоянии на минимальном уровне энерговыделения. Такая программа позволит, с одной стороны, практически исключить принцип ядерного сдерживания, а с другой стороны, придаст

ядерному арсеналу практические возможности боевого ядерного сдерживания в ограниченной войне. Принципиальной проблемой должен стать пересмотр ядерной взрывчатки в первом модуле, исключив химические и радиационно-токсичные материалы.

Существенно, что все эти действия на первом этапе могут быть реализованы в рамках существующих видов ядерного оружия.

Следующим возможным шагом представляется переход на оснащение ядерными боевыми припасами (ЯБП), автономными ядерными зарядами, исключив из ядерного арсенала стадийные заряды. В этом случае представляется возможным вводить ограничения на массу и длину боевого блока (ББ), которые реально не позволят применять в нем мощные термоядерные заряды. При необходимости, может быть предусмотрена специальная разрешительная процедура, гарантирующая интересы сторон.

В качестве ограничения мощности отдельного ЯБП можно выбрать условие $E_1 \leq 5$ кт, а в качестве ограничения общей мощности ЯБП каждой из сторон $E = 25$ Мт. В то время как реализация Договора о сокращении СНП позволит уменьшить мегатоннаж ядерного арсенала по сравнению с 1990 г. в ~ 5 раз, предложенный подход более радикален и приведет к уменьшению объема мегатоннажа в ~ 200 раз. Как и в рассмотренном выше сценарии, такие ядерные боевые припасы (ЯБП) могут иметь небустированный уровень энерговыделения субкилотонного класса, дополнительно радикально сокращающий степень дозированного воздействия.

При сохранении полезной нагрузки боевой ракеты (БР) переход на легкие ББ рассматриваемого типа позволит выделить значительные ресурсы веса на средства преодоления ПРО, что в значительной степени может осложнить задачи ПРО по перехвату средств ответного удара и будет дополнительно стабилизировать положение.

Переход на подобные структуры ядерных арсеналов сильно повысит их деэскалационные возможности, поскольку при этом возрастет реальная возможность обеспечения адекватного ответа на ранних стадиях конфликта, то есть, возрастет военное сдерживание и при этом на существенно более низком уровне, чем в настоящее время.

Сохранение большого количества стратегических ЯБП также будет оказывать дополнительное стабилизирующее действие при возникновении угроз стабильности.

Во всех этих сценариях одним из главных факторов будет существенное уменьшение радиоактивного поражения флоры и фауны на длительный период. В конце концов, речь идет, в том числе, о новом механизме выделения ядерной энергии.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

В XXI веке развитие глобальных и региональных кризисов может привести к возникновению острых угроз военной безопасности России. В условиях относительной слабости традиционных, неядерных, возможностей Вооруженных Сил, ядерное оружие будет оставаться важным элементом обеспечения безопасности РФ.

Принципиальное значение для определения количественной и качественной структуры ядерных сил России имеет развитие отношений с США.

США продолжают рассматривать СЯС России в качестве основной потенциальной угрозы. По-видимому, в обозримом будущем любое развитие политических отношений может только изменять оценку риска этой угрозы.

Представляется исключительно важным последовательно работать над реализацией ликвидации такой угрозы в принципе. Для исключения возможности военного столкновения с США необходим особый уровень доверительных отношений, это кардинально укрепит безопасность РФ и ее союзников. Это позволит легко решать все остальные проблемы по уменьшению ядерной угрозы. Вопрос состоит в том, чтобы в рамках таких особых отношений были в достаточной степени обеспечены долгосрочные национальные интересы и России, и ее союзников.

В сложившихся условиях одним из основных возможных сценариев развития системы ядерных вооружений в ближайшем будущем представляется появление новых ядерных арсеналов с зарядами малой мощности, развернутых как на тактических носителях, так и в стратегических ядерных силах. Появление таких систем вооружений будет обусловлено требованиями обеспечения стратегической стабильности и возможностями деэскалации вооруженных конфликтов различного типа.

Необходимость ядерного оружия для обеспечения безопасности не только России, но и ее союзников определяется не только перспективой взаимоотношений с США, но и возможным обострением мировых кризисов к середине XXI века.

Природные ресурсы России в этих условиях могут явиться причиной различных видов агрессии, так же, как возможны и религиозные, и этнические причины агрессии.

СТАНЬ АВТОРОМ НОВОГО НАЗВАНИЯ ДЛЯ ЖУРНАЛА

Уважаемые читатели!

Журнал *Ядерный Контроль*, который в 2004 г. отпраздновал 10-летний юбилей, повзрослел, и ему становится тесно в его нынешних «ядерных» одеждах. Как вы заметили, в последние годы список тем журнала постоянно расширяется, и наряду с вопросами собственно ядерной проблематики и нашей традиционной проблематики по нераспространению ОМУ в журнале стали появляться статьи и по иным вопросам международной безопасности: информационной, энергетической, экологической. Опубликованы или готовятся к выходу в свет статьи по вопросам будущей архитектуры европейской безопасности, борьбы за влияние в Центральной Азии, военно-технического сотрудничества России с другими государствами, развития авиационной и морской техники в XXI веке...

Такое разнообразие неизбежно привело нас к мысли о том, что обложка с заслуженным и, конечно, привычным для всех нас логотипом *Ядерный Контроль* невольно вводит читателей, особенно новых – а наша читательская аудитория заметно расширяется вместе с расширением проблематики, – в заблуждение. Поэтому Редакция издания приняла принципиальное решение о смене названия журнала. Смена эта будет плавной: *Ядерный Контроль* просуществует под старым названием весь 2005 г., продолжая курс на расширение проблематики, а вот начало 2006 г. (кстати, это будет год саммита «восьмерки» на российской земле) ознаменуется сменой названия, и вы получите наш журнал в прежнем формате и с прежней периодичностью, но уже под новым заголовком...

И вот здесь мы пока сделаем паузу. Ведь, как рассудили члены редколлегии, сами читатели журнала, как никто другой, могут наилучшим образом охарактеризовать динамику нашего развития и дать журналу новое имя. Именно по этой причине редакция журнала *Ядерный Контроль* объявляет сегодня конкурс на название для его преемника. Причем, конечно, на двух языках: русском и английском. **Автор победившего варианта будет награжден годовой подпиской-2006 на соответствующем языке.** Подпиской на российский журнал по вопросам международной безопасности.

Редакционная коллегия журнала *Ядерный Контроль*

В декабре 2004 г. Бразилия приступила к обогащению урана. В ноябре 2004 г. МАГАТЭ официально дало «зеленый свет» этим программам, после того как бразильское правительство заверило руководство Агентства в том, что полученный материал будет использован в исключительно мирных целях – в качестве топлива для АЭС². Эти работы осуществляются в рамках правительственной программы по развитию атомной отрасли страны, согласно которой предполагается построить 4 новых АЭС мощностью в 300 МВт³. Особо подчеркивается, что новые энергоблоки будут построены исключительно с использованием бразильской технологии⁴.

Возможно, что в осуществлении столь амбициозных замыслов бразильскому руководству помогут наработки, выполненные национальной промышленностью в ходе НИОКР по проектированию первой бразильской атомной подводной лодки *SNAC-2*. Так, известно, что в настоящее время Бразилия обладает собственной центрифугой для обогащения урана, которая, по словам бразильских официальных лиц, использует принципиально новый способ, обогащающий уран на 30% эффективнее всех известных зарубежных аналогов⁵.

ИСТОРИЯ ПРОЕКТА

Трудно сказать точно, когда бразильские военные пришли к выводу о необходимости введения в состав флота атомной подводной лодки (АПЛ). Скорее всего, это произошло в середине 1970-х гг. При обосновании решения о начале работ над проектом использовались следующие доводы: протяженность бразильской береговой линии составляет 7400 км, и наличными силами практически невозможно ее прикрыть на всех участках. А АПЛ представляет собой высококомобильное средство защиты, в первую очередь, от возможных десантов на территорию страны. При этом наличие АПЛ в составе бразильских ВМС даст им неоспоримое превосходство над любым другим флотом в Латинской Америке, включая аргентинский, который традиционно рассматривался в качестве вероятного противника №1.

Забегая вперед, можно сказать, что на бразильское военное руководство произвела сильное впечатление и война между Аргентиной и Великобританией за Фолклендские (Мальвинские) острова. С одной стороны, аргентинцы продемонстрировали, как удаленные территории могут быть уязвимы к высадке десанта, с другой стороны, ответная операция англичан наглядно показала невозможность удержания таких территорий при утрате превосходства на море. Но самым очевидным доказательством превосходства АПЛ стало потопление аргентинского крейсера *General Belgrano* британской АПЛ *Conqueror* 2 мая 1982 г. Тогда аргентинским ДЭПЛ не удалось добиться успеха, хотя дизель-электрическая подводная лодка (ДЭПЛ) *San Luis* в течение длительного времени

оперировала в районе действия британского флота и трижды предпринимала торпедные атаки на британские корабли. Данный конфликт наглядно продемонстрировал, насколько сложно в современных условиях оказывать эффективное противодействие современным ПЛ и каким универсальным и мобильным средством являются АПЛ.

С 1976 по 1978 г. руководство бразильского ВМФ неоднократно выходило с идеей о том, что Бразилии необходима АПЛ, которая будет являться важным морским инструментом обороны и проецирования силы⁶. Проанализировав имеющийся в стране научный потенциал в области атомной энергии, ВМС решили подключить к программе разработки АПЛ Институт энергетических и атомных исследований (ИЭАИ) в Сан-Паулу (центр «Арамар»), который разрабатывал технологии обогащения с помощью центрифуг⁷. Предполагалось, что в институте проводятся опыты по обогащению до 70% урана, пригодного для использования в лодочном реакторе⁸.

Фактически, к работам над АПЛ приступили в конце 1978 г. Проект по разработке ядерной технологии в интересах ВМС получил кодовое наименование «Chalana» («Шаланда»)⁹. Программа включала в себя четыре проекта: «Zarcao» («Антикоррозийное покрытие»), «Ciclone» («Циклон»), «Remo» («Весло») и «Costado» («Борт корабля»). Проект «Zarcao», завершённый в 1982 г., позволил приобрести технологию получения циркония и гафния. Проект «Ciclone», завершившийся в 1986 г., привел к развитию технологии центрифужного обогащения урана, причем первый опыт обогащения на ультрацентрифугах, полностью изготовленных в Бразилии, был зафиксирован в 1982 г.¹⁰. В период расцвета программы в центре «Арамар» находилось 5600 ультрацентрифуг, объединенных в 14 каскадов, что позволяло производить до 5,5 тонн ядерного топлива в год¹¹. Бразильская технология обогащения получила название «магнитная левитация» и предусматривает вращение центрифуги со скоростью 1300 км/час, в результате чего образуется электромагнитный поток и происходит обогащение урана¹². Цель проекта заключалась в создании необходимой базы для производства ядерного топлива для АПЛ на случай введения международных мер контроля. Кроме того, обогащенный до 20% уран предусматривалось использовать в медицине и сельском хозяйстве¹³.

Однако наиболее важными проектами стали «Remo» и «Costado». Первый имел целью создание водо-водяного реактора, пригодного для размещения в ограниченном пространстве АПЛ. При наличии необходимого и постоянного уровня финансирования АПЛ планировалось спустить на воду в 1993 г.¹⁴. Но из-за задержек в ходе реализации программы «Costado» срок спуска был перенесен на 1995 г.¹⁵. Вторая программа предусматривала адаптацию корпуса конвенциональной ПЛ к ЯЭУ¹⁶.

Программа строительства АПЛ являлась элементом грандиозной программы по модернизации ВМС: в период с 1985 по 2000 г. планировалось построить авианосец противолодочной обороны, 16 корветов типа *Inhauma*, 12 ДЭПЛ и несколько АПЛ¹⁷. Однако из-за спада в экономике программа начала «пробуксовывать» буквально с первых же месяцев.

В 1982 г. Бразилия заключила контракт с Германией, который фактически «запустил» национальную программу подводного флота, и ее кульминацией должен стать спуск первой атомной бразильской АПЛ между 2015–2020 гг. Первый контракт предусматривал строительство 4 ДЭПЛ германского проекта 209 (Тип 1400), в бразильском флоте названный «тип *Tupi*». Лодка данного типа относится к четвертой модификации германских ДЭПЛ типа 209/1400. Отличия состоят в дополнительных двух запасных торпедах в боекомплекте и увеличенной дальности плавания в подводном положении. На лодках данного типа увеличена мореходность за счет большего водоизмещения и увеличенной высоты надводного борта, а также запаса плавучести, составляющего 14% от величины подводного водоизмещения¹⁸.

Головная ПЛ (*Tupi*) была построена в Германии и вошла в состав бразильского флота в 1989 г.; за ней последовали *Tamoio* (в составе флота с 1994 г.), *Timbira* (в составе флота с 1996 г.) и поднявшая в 1999 г. бразильский военно-морской флаг *Tapajo*¹⁹. Последние три лодки в серии строились на военно-морской верфи в Рио-де-Жанейро. В ходе строительства предусматривалась модульная конструкция, которая позволила бы применять

в строительстве бразильские технологии. Причем в строительстве последних трех лодок серии широко использовались бразильские компоненты и ноу-хау, что, несомненно, расширяло возможности Бразилии в развитии собственной кораблестроительной базы и подготавливало почву для строительства АПЛ²⁰. В среднем стоимость каждой ПЛ составила примерно 200 млн долл., а всей программы – 1 млрд долл.²¹. При этом строительство второго и третьего корпусов в серии сопровождалось задержками, вызванными нехваткой средств²². Отметим, что постройка *Taraço* некоторое время было под вопросом, так предполагалось, что строительство будет отменено в пользу проекта *SNAC-1* (в дальнейшем переименован в *SMB-10* – «Submarino Medio Brasileiro» – «Средняя бразильская подводная лодка»)²³.

Следующим этапом программы предусматривалось строительство ДЭПЛ, которая являлась бы развитием базового германского проекта. Лодку планировалось назвать *Tikuna*, или *Улучшенный Тури*. Предполагалось, что эта лодка будет переходным звеном между стандартным дизельными ПЛ бразильского флота класса *Turi* и новой конвенциональной ПЛ *SNAC-1/SMB-10*. Однако, вероятнее всего, проекты *Улучшенный Тури*, *SMB-10* и *SNAC-1* являются одной и той же программой ДЭПЛ. Для ясности, далее по тексту программа конвенциональной ПЛ будет именоваться *SMB-10*, поскольку это более поздний и принятый в настоящее время вариант.

Предусматривалось строительство одной-двух *SMB-10*, водоизмещение которой должно было составить 2500 т, длина – 67 м, диаметр прочного корпуса – 8 м²⁴. Лодка данного проекта должна была быть построена полностью из бразильских комплектующих, что подразумевало также и установку полностью бразильской боевой информационно-управляющей системы (БИУС)²⁵. По сообщениям западных источников, в 2002 г. в Бразилии приступили к строительству головной ПЛ данного типа²⁶. По мнению некоторых экспертов, отказ от продолжения сотрудничества с немцами и желание перейти на строительство ПЛ по полностью бразильским технологиям было вызвано тем, что на немецкие ПЛ было невозможно поставить атомный реактор²⁷.

Нельзя исключать, что лодка проектировалась/проектируется фактически как «демонстратор технологий», то есть все общекорабельные системы и вооружение будут такими же, как на будущей атомной ПЛ, в то время как силовая установка на ней будет дизель-электрическая. При готовности лодочного реактора реакторный отсек врезается в корпус *SMB-10*, и Бразилия получает свою первую АПЛ. В дальнейшем, по мере наработки опыта, серийные АПЛ изначально будут строиться с реактором. Эти предположения также подтверждаются и схожим водоизмещением будущей АПЛ и заявленным у *SMB-10*. Но даже если это не так, унификация кораблей обоих проектов будет значительной, отличия предусматриваются только в специфических для АПЛ деталях (компоновка отсеков и т.д.).

Информация о стоимости программы бразильской АПЛ до сих пор носит оценочный характер. До 1990 г. все ассигнования по этому проекту проходили через Совет национальной безопасности (СНБ) Бразилии в рамках «параллельных» программ, которые были направлены преимущественно на нужды ВМС. По некоторым оценкам, СНБ контролировал почти 3 млрд долл.²⁸. Ряд источников приводит следующие цифры: на 31 декабря 1992 г. на проект в целом было израсходовано около 566 млн долл., а в бюджете 1993 г. на данный проект было заложено 76 млн. долл.²⁹. Несмотря на раскрытие в 1986 г. тайны существования параллельных счетов, средства на них продолжали поступать. Однако при правлении президента Коллора СНБ был реформирован в Секретариат по стратегическим вопросам (ССВ), и финансирование упомянутых программ сократилось³⁰. При этом оставалась непонятной даже приблизительная дата спуска АПЛ на воду. Руководитель Комиссариата по атомной энергии Р. Назаре в середине 1980-х гг. заявил, что «спуск АПЛ должен состояться где-нибудь после 1992 г.»³¹. А в 1993 г. представители ВМС Бразилии предполагали, что спуск состоится «между 1997 и 2002 гг.»³². Однако уже в 1995 г. в ССВ и Национальном комиссариате по атомной энергии отмечали, что АПЛ не удастся ввести в эксплуатацию и к 2020 г.³³.

О масштабах программы также говорит и размах кооперации – в проект было вовлечено примерно 200 бразильских предприятий-субподрядчиков³⁴. В целом, на начало

1990-х гг. удалось довести долю бразильских ноу-хау, комплектующих и т.п. до 86%³⁵. В рамках программы впервые в Бразилии была начата разработка паровой турбины, паровых конденсаторов, насосов, электромоторов и т.п.³⁶.

Чем дольше затягивались сроки реализации проекта, тем сильнее росла уверенность в том, что нет никакой необходимости тратить огромные суммы на проект корабля, который может устареть еще на стадии проектирования, что станет особенно заметно на фоне мировых достижений в области атомной энергетики и в области атомного подводного судостроения³⁷. У многих складывалось впечатление, что сам факт проектирования и строительства АПЛ был своеобразным символом, особенно укрепившимся стараниями бразильских военных, которые представляли АПЛ как совершенно необходимый элемент сохранения суверенитета страны. И после смены режима программа во многом идет по своеобразной «инерции» и соответственно усилиям военного лобби. Хотя с приходом к власти президента Л. Силвы программа снова получила одобрение на самом высоком уровне.

В сентябре 1995 г. военно-морской министр М.С. Перейра в интервью журналистам огласил небольшую сенсацию. В тот момент, когда в Конгрессе шли слушания по бюджету 1996 г., он заявил, что продолжение работ по проекту лодки является глупостью³⁸. По словам министра, у ВМС изменились планы, и теперь приоритет отдается строительству ДЭПЛ. Это заявление прозвучало как гром среди ясного неба, так как с 1989 г. представители ВМС пытались заверить депутатов, что строительство АПЛ жизненно необходимо.

Спустя два месяца ситуация и вовсе стала напоминать детектив: представители правительства и военные стали делать совершенно противоположные заявления. Так, руководитель Технического центра флота контр-адмирал И.А. Виана заявил, что спуск АПЛ состоится между 2006 и 2007 гг., причем затраты составят 2,2 млрд. долл. США. Так как на момент данного заявления на работы по данной программе уже было затрачено 800 млн. долл., то получалось, что для завершения работ требовалось еще 1,4 млрд долл. В ходе выступления И.А. Виана были озвучены и некоторые ТТХ будущей АПЛ: длина – 90 м, один водо-водяной реактор, скорость подводного хода – 30 узлов³⁹. Предусматривалась глубина погружения в 280 м⁴⁰. Контр-адмиралом было также отмечено, что «АПЛ будет лучшим средством обороны и поддержания мира», но это заявление противоречило предшествующим заявлениям военно-морского министра⁴¹.

Руководство ВМС в течение всего 1995 г. проводило «пропагандистскую» работу среди депутатов и журналистов, имеющих отношение к распределению бюджетных средств, для того, чтобы получить стабильное финансирование проекта в бюджете 1996 г. По официальным заявлениям представителей ВМС, в середине 1990-х гг. на проект АПЛ флоту ежегодно выделялось 20 млн реалов (по средневзвешенному валютному курсу 1995–1998 гг. эта сумма составляет примерно 20 млн долл. США)⁴². Отмечалось, что это самый низший уровень с 1979 г.⁴³. Однако благодаря лоббистским усилиям, в частности, усилиям заместителя главы парламентского комитета по науке и технологии П. Хесландера, в бюджете 1996 г. удалось «выкроить» еще 30 млн реалов (примерно 33 млн долл.) по линии министерства науки и технологии.⁴⁴

Очередное заявление военных моряков вновь заставило задуматься о ставшей почти уже мистической судьбе проекта АПЛ. 2 февраля 1996 г. военно-морской министр М.С. Перейра опроверг ранее появившиеся «откровения» И.А. Вианы. Он подчеркнул, что «флот отказывается от постройки бразильской АПЛ. Причина такого решения кроется в нехватке средств»⁴⁵. При этом адмирал добавил, что в ходе реструктуризации бюджета ВМС лишаются примерно 50 млн долл. США, которые пойдут на строительство АЭС и ДЭПЛ. Кроме того, он заявил, что прототип реактора должен быть введен в строй в 2002 или 2003 гг.⁴⁶. Был назван и возможный срок пуска АПЛ – 2007 г.⁴⁷. Однако для этого требовалось не менее 60 млн долл. ежегодно⁴⁸.

К слову, подобное «перераспределение» средств в пользу АЭС настораживает, так как изначально бразильские гражданские атомные программы и разработки флота были практически неразделимы. Стало также известно, что флот ведет подобные разработки

уже на протяжении 17 лет, и на них в общей сложности было израсходовано 670 млн. долл.⁴⁹. Однако ничего не было сказано о дальнейшей судьбе 1000 центрифуг, располагавшихся в «Арамаре», которые, по словам бразильских официальных лиц, были способны производить уран оружейного качества.

Косвенным подтверждением этих слов стали значительные увольнения среди рабочих и служащих центра «Арамар». В 1995–1996 гг. была уволена примерно половина из двухтысячного коллектива предприятия, включая значительное число научных работников и инженеров⁵⁰ (по другим данным, между августом 1994 г. и мартом 1995 г. своих рабочих мест лишились 700 человек из 1600 сотрудников, однако и в этом случае налицо двукратное сокращение⁵¹). «Масла в огонь» подлили и публикации в прессе, которые разоблачили ряд произошедших в центре за истекшие 4 года инцидентов, сопровождавшихся облучением персонала и загрязнением территории. Руководство ВМС, в свою очередь, заявляло, что происшествия были незначительными и не подпадали под классификацию МАГАТЭ.

Однако 17 июня 1996 г. И. Акино, выступая на празднованиях, посвященных 40-летию основания Национального комиссариата по атомной энергии, неожиданно возвратился к проблеме АПЛ. Он подчеркнул, что проект АПЛ не похоронен, хотя и продвижение идет относительно медленными темпами из-за нехватки средств⁵².

А в период с 1983 по 1988 г. при ИЗАИ был построен исследовательский реактор ИПЭН/МБ-01. 28 ноября 1988 г. он был запущен⁵³. Все работы осуществлялись под руководством ВМС. Характеристики реактора неизвестны, однако нельзя исключать, что в нем мог быть использован ряд технологий, пригодных для создания реактора АПЛ. В том же году ВМС объявили о завершении первого этапа в разработке топлива для АПЛ – получение технологий по обогащению урана⁵⁴. Об уровне технологий, достигнутом в ходе исследований по «лодочной» тематике, говорит тот факт, что технологии по обогащению урана, полученные в центре «Арамар» в 1994 г., были приобретены государственной компанией «Nuclear Industries of Brazil» в рамках контракта, оцениваемого в 130 млн долл. США⁵⁵.

На пути создания прототипа реактора предполагалось построить специальную наземную лабораторию, в которой был бы размещен прототип реактора мощностью 11 МВт (RENAP-11 – реактор морского типа мощностью 11 МВт)⁵⁶. Лабораторию удалось ввести в строй только в 2002 г.⁵⁷. Уран, который будет использоваться в реакторе, планируется обогащать до 20%⁵⁸. Отмечается, что система контроля полностью автоматизирована и отражает последние достижения в области реакторостроения. На строительство наземных сооружений было направлено 6 млн реалов (около 2 млн. долл.)⁵⁹. По заявлению руководителя центра «Арамар» О. Пингейра де Сильва, сделанному им в марте 1993 г., в центре не производится уран с обогащением выше 20% «по политическим соображениям»⁶⁰.

RENAP-11 должен был стать промежуточным звеном на пути к собственно лодочному реактору RENAP-50 фактической тепловой мощностью в 48 МВт⁶¹. Предполагается, что его постройку удастся завершить между 2007 и 2011 гг. На сегодняшний день на территории НИИ ВМС осуществляется постройка здания, в котором будет находиться прототип реактора⁶². Нельзя исключать, что кроме отработки технологии строительство реактора имеет целью создание учебного центра ВМС по подготовке флотских специалистов для обслуживания лодочных реакторов, чтобы к моменту спуска АПЛ на воду обладать штатом квалифицированного персонала.

О тесной взаимосвязи «мирного» и «военного» атома, а также о высоком уровне ядерных технологий в Бразилии говорит и тот факт, что в настоящее время в этой стране рассматривается вопрос о строительстве нескольких небольших АЭС мощностью от 40 до 60 МВт, которые будут опреснять морскую воду и перекачивать речные воды на сельскохозяйственные плантации северо-востока страны⁶³. Скорее всего, эти АЭС будут построены на базе технологий, полученных в ходе НИОКР по RENAP-11 и RENAP-50.

В конце 1990-х гг. стало известно, что в целом с 1979 г. на упомянутую программу был потрачен 1 млрд. долл. США и требовалось еще 200 млн долл. для завершения програм-

Объекты ядерной инфраструктуры Бразилии

мы. Но, начиная с 1994 г., объем выделяемых на программу средств неизменно сокращался и к 1999 г. практически иссяк⁶⁴. Этот период пришелся на правление президента Ф. Кардозо. Характерен следующий эпизод: в апреле 1996 г. президент Ф. Кардозо посетил центр «Арамар», где ему было доложено о плачевной ситуации с финансированием. Он выслушал докладчика, но ничего не ответил⁶⁵. В 2002 г. директор Технологического центра ВМС контр-адмирал А. Арту заявил, что для завершения проекта и строительства первой АПЛ необходимо от 5 до 9 лет и примерно 500 млн долл.⁶⁶ В 2003 г. А. Арту в одном из комментариев журналистам отметил, что ВМС ежегодно вкладывают примерно 40 млн реалов (примерно 13–14 млн долл.) в ядерную программу, которая включает и разработку АПЛ⁶⁷.

В интервью бразильским СМИ, бывший координатор специальных проектов ВМС адмирал в отставке О. Пинхейра де Сильва вновь назвал общую сумму затраченных на проект средств – 1 млрд долл. США, при этом он добавил, что на доводку реактора АПЛ необходимо 200 млн. США⁶⁸. Говоря о реальном размере выделяемых средств, он заявил, что при существующих темпах финансирования «строительство АПЛ затянется на сто лет»⁶⁹. По оценкам западных экспертов, в конце 1990-х гг. на строительство наземного прототипа реактора и самой АПЛ необходимо было затратить около 1,4 млрд долл., при этом дата спуска АПЛ на воду определялась на 2010 г.⁷⁰ Известны цифры стоимости отдельных направлений программы: 180 млн.долл. было затрачено на НИ-ОКР в области обогащения топлива и 225 млн.долл. – на разработку реактора⁷¹. При этом отмечалось, что на окончательную доводку реактора требуется еще 120 млн долл.⁷².

По словам профессора Военно-инженерного института, бывшего президента Национального комиссариата по атомной энергии Р. Альвеса, сокращение расходов на программу АПЛ соотносится с общим курсом по уменьшению расходов на вооруженные силы, однако в случае с АПЛ сокращение носит самый обвальнйй характер⁷³. Для наглядности отметим, что за период с 1990 по 1993 г. военные расходы Бразилии сократились с 8,8 млрд долл. до 5,8 млрд долл. соответственно⁷⁴. Кроме того, он отметил, что атомному сектору страны не хватает людских ресурсов, а также подчеркнул, что необходимо возвести атомную программу в разряд приоритетных национальных программ⁷⁵.

С приходом к власти социалистического правительства президента Л. Сильвы ситуация вокруг АПЛ значительно улучшилась. В 2003 и 2004 гг. на проект было выделено по 45 млн реалов соответственно⁷⁶. Весной 2004 г. федеральное правительство Бразилии приняло решение об ускорении программы разработки и постройки АПЛ. Специальным постановлением на эти цели было ассигновано 25 млн реалов для строительства наземного прототипа лодочного реактора (RENAP-50). В своем послании руководству центра «Арамар» в мае 2004 г. президент вновь заявил о своей поддержке «наибольшего развития» программы. Министр обороны Х. Филхо и министр науки и технологий Э. Кампос передали послание президента при посещении объектов центра⁷⁷. Однако даже эти улучшения, особенно заметные на фоне предыдущих лет, не смогли воспрепятствовать увольнению из-за нехватки средств еще 75 технических специалистов из центра «Арамар»⁷⁸.

Принимая во внимание рост финансирования программы, ряд бразильских экспертов полагает, что строительство АПЛ может быть завершено к 2017 г.⁷⁹. Для расширения источников финансирования программы президент Л. Сильва разрешил Национальному банку экономического и социального развития финансировать некоторые проекты, имеющие отношение к программе разработки АПЛ⁸⁰.

Косвенным подтверждением того, что в Бразилии АПЛ будет введена в строй не раньше 2010–2015 г., может служить факт строительства хранилища ОЯТ (в первую очередь, для топлива с АЭС). Согласно Закону 10.308 от 2001 г., предусматривается строительство хранилища ОЯТ к 2009 г.⁸¹.

Точно не известно, сколько АПЛ планируется в серии, однако в бразильской прессе появлялись цифры, говорящие о примерной стоимости серийной АПЛ – 440 млн долл.⁸².

ВОЗМОЖНОЕ УЧАСТИЕ РОССИИ

Нельзя полностью исключать вариант «революционного» скачка в развитии проекта *SNAC-2*. Проект явно затянулся по срокам и очевидно, что лодка морально устаревает. В этой связи Бразилия может пойти по индийскому пути и обратиться за помощью к России. Вариант со сдачей АПЛ в лизинг, как было в случае с Индией в 1988–1991 гг., мало-реален, в первую очередь, из-за ожидаемого противодействия США и соседей Бразилии, но оказать техническое содействие Россия в состоянии. Это предположение косвенно подтверждается и в западной прессе: по их данным, в ходе визита российского министра обороны С.Б. Иванова в Бразилию в октябре 2003 г., кроме вопроса об участии истребителя Су-35 в тендере ВВС, обсуждалась также возможная помощь Бразилии со стороны России в работах над АПЛ⁸³. В пользу данного предположения говорит и факт заключения в апреле 2002 г. между двумя странами межправительственного Меморандума о взаимодействии по вопросам сотрудничества в области военных технологий. Примечательно, что в ходе визита министром обороны России С.Б. Ивановым было сделано заявление о том, что в ходе его переговоров с бразильскими коллегами намечены конкретные области взаимодействия в космической и *военно-морской областях* (выделено мной – А.Ф.)⁸⁴.

То, что это заявление было сделано не ради соблюдения дипломатического этикета, подтверждает и то, что год спустя среди приоритетных областей российско-бразильского сотрудничества премьер-министр М.Е. Фрадков упомянул космос, энергетику (включая атомную) и военно-техническую сферу⁸⁵. А в интервью президента В.В. Путина бразильским СМИ накануне его визита в Бразилию было отмечено, что Россия готова сотрудничать с Бразилией в ядерной области «во всех аспектах», учитывая хороший опыт и разработки России в этой сфере⁸⁶. Также отмечалось, что Россия и Бразилия «могли бы быть интересными партнерами» друг для друга в этой сфере⁸⁷.

Также симптоматично, что Бразилия проявила интерес к российским ядерным энергетическим установкам. Так, в проходившей в Сан-Паулу в ноябре 2004 г. выставке принимал участие Росатом, и бразильцы проявили большой интерес к российскому проекту плавучей АЭС малой мощности. По словам начальника управления по связям с общественностью Росатома Н.Э. Шингарева, особый интерес бразильской стороны вызвало использование этих АЭС «для опреснения воды в южных районах Бразилии»⁸⁸.

Однако нельзя исключать и то, что фактически речь идет об ознакомлении с технологиями лодочного реактора, так как в проектах российских плавучих АЭС широко использованы наработки по реакторам АПЛ. В данном случае может и не понадобиться прямая передача АПЛ из России, даже если предположить такую возможность.

УСТРОЙСТВО АПЛ

Итак, что же будет представлять собой первая бразильская АПЛ? Как уже отмечалось выше, длина АПЛ составит примерно 90 м, ширина прочного корпуса – 8 м, водоизмещение надводное – 2900 т, подводное – 3500 т. Лодка будет оснащена одним водо-водяным реактором, предположительно «французского» типа с реактором RENAP-50, работающим на обогащенном до 20% уране, мощностью 48–50 МВт⁸⁹. Заявленная бразильцами подводная скорость АПЛ в 25–30 узлов представляется достижимой, так как у близких к ней по размерам и водоизмещению французских АПЛ класса *Rubis* скорость в подводном положении достигает 25 узлов при мощности реактора 48 МВт⁹⁰.

По немногочисленным опубликованным в прессе изображениям даже не самой АПЛ, а ДЭПЛ *SMB-10*, можно сделать предположение о внешнем виде будущей АПЛ: в ней очень заметны черты немецких «прародительниц» пр.209/1400, рули глубины расположены на ограждении выдвинутых устройств, и лодка своим внешним видом напоминает российскую ДЭПЛ 4 поколения пр.677 *Санкт-Петербург*.

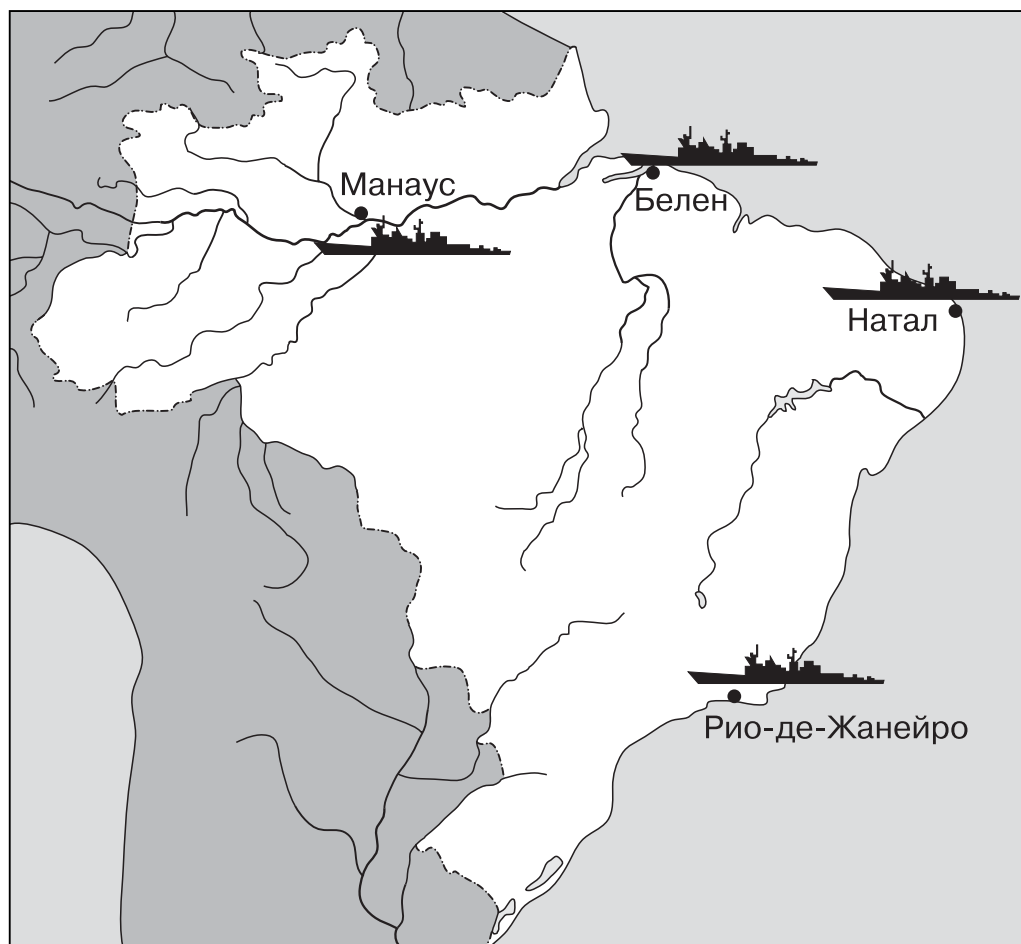
Корпус лодки выполнен из стальных сплавов, информации об использовании титана в корпусных конструкциях автору встречать не приходилось. Глубина погружения оцени-

вается в 280 м, что в некотором смысле может свидетельствовать о том, что бразильскими инженерами не исключается возможность врезка в корпус ДЭПЛ реакторного отсека, соответственно, общая прочность корпуса уменьшится.

Вооружение лодки, судя по всему, будет схожим с семейством *Улучшенный Tupi/SMB-10*. Опираясь на информацию о вооружении ПЛ *Tupi* и *Улучшенный Tupi/SMB-10*, можно предположить, что основное вооружение АПЛ составят 8 носовых торпедных аппаратов калибра 533 мм⁹¹. Основным вооружением АПЛ будут торпеды иностранного производства: либо *Marconi Mk24 Tigerfish*, либо *Bofors Torpedo 2000*. По некоторым данным, Бразильскому НИИ ВМС удалось разработать образец противолодочной торпеды, которая «имеет скорость 45 уз. и дальность 18 км»⁹². На сегодняшний день Бразилии не удалось разработать собственные образцы противокорабельных ракет (ПКР), пригодных для размещения в подводной лодке, к которым предъявляются требования подводного старта и калибра не более 533 мм. Нельзя исключить, что Бразилия может приобрести ПКР типа *Exocet* (производитель – Франция), или *Sub Harpoon* (США). В этом случае Бразилия получает действительно многоцелевую АПЛ, которая сможет эффективно поражать надводные цели.

Схема 2

Места базирования ВМС Бразилии

Но самым оптимальным вариантом для Бразилии видится оснащение АПЛ российскими ракетами *ЗМ54*, *ЗМ54М1*, *ЗМ14* (соответственно, противокорабельные ракеты и ракета для нанесения ударов по земле). В свете российско-бразильского сближения такой сценарий не кажется совсем невероятным.

Скорее всего, АПЛ сможет нести и мины, *Улучшенный Turpi* может принять вместо торпед до 32 мин *IrqM/Consub* бразильской разработки.

Радиоэлектронные системы, судя по всему, будут представлены образцами европейских производителей, так как национальная промышленность, несмотря на ряд успехов в сфере разработки и производства собственных электронных систем, пока не в состоянии предоставить конкурентоспособную продукцию. Однако бразильские эксперты не исключают применения бразильского БИУС, который будет модификацией БИУС *IPqM/Esca Siconta Mk II*, установленных на фрегатах типа *Niteroi* и корвете *Barroso*⁹³.

Стоимость АПЛ оценивается в 350–400 млн долл. без учета стоимости предшествующих разработок⁹⁴. Цифра кажется несколько заниженной, вполне вероятно, что при ее оглашении воспользовались аналогией с французской АПЛ *Rubis*, стоимость которой по некоторым оценкам как раз составила 500 млн. долл.⁹⁵ С учетом того, что современные ДЭПЛ уже вплотную приближаются к стоимости в 400–500 млн долл. за единицу, представляется наиболее вероятным, что *SNAC-2*, будучи к тому же еще и головной АПЛ, обойдется бразильскому бюджету в 600–700 млн долл.⁹⁶.

Выводы

Основываясь на опыте Бразилии и Индии⁹⁷, можно прийти к следующим выводам.

Первое. Сравнивая историю атомных подводных флотов стран-постоянных членов Совета Безопасности ООН, нельзя не прийти к выводу, что сроки постройки 1 АПЛ в этих странах были относительно невелики. При этом в Китае, который обладал наименьшими техническими и экономическими возможностями для строительства АПЛ, строительство головной АПЛ заняло самый продолжительный срок, и лодку преследовали многочисленные недоделки и аварии, так что в состав флота она вошла спустя 4 года после спуска на воду. Отметим, что все 5 государств, имеющих на вооружении атомные АПЛ, имели значительный опыт в строительстве ДЭПЛ (у Китая практика строительства была наименьшей, однако в 1960–1970-х гг. Китай строил многочисленные ДЭПЛ пр. 033). Таким образом, в условиях отсутствия помощи извне (как в случае с Великобританией) и при относительно низком уровне технологического и экономического развития доведение НИОКР по АПЛ до стадии строительства представляется сомнительным: и Индия, и Бразилия развивали программы АПЛ *одновременно* со строительством конвенциональных ПЛ по иностранным лицензиям, причем в обоих случаях эталоном были немецкие ДЭПЛ пр. 209/1400. Небезынтересно отметить, что лицензии на производство ДЭПЛ были приобретены Бразилией и Индией практически одновременно.

В этой связи представляется вероятным, что проекты строительства АПЛ могут осуществиться в странах «второго эшелона» только при колоссальной концентрации ресурсов на протяжении довольно длительного периода. Очевидно, что наряду с развитой судостроительной промышленностью необходимо обладать развитыми ядерными технологиями, в первую очередь такими, которые способны привести к созданию компактного и безопасного водо-водяного реактора – самого распространенного и наиболее доступного для размещения в ПЛ. В таком случае державам, стремящимся к обладанию атомным подводным флотом, не придется учиться на своих ошибках, распыляя ресурсы, например, на проекты АПЛ с реакторами с жидкометаллическим теплоносителем.

Второе. Проект АПЛ наряду с космической программой во многом служит национальным символом и является элементом самосознания этих государств как стран первого эшелона. Отметим, что старт программы бразильской АПЛ был дан при правительстве, возглавляемом военными, и, несмотря на изменения режима, программа продолжала существовать и при более демократичных правительствах.

Третье. В случае Бразилии программа разработки АПЛ послужила катализатором общего развития атомной энергетики в стране. В первую речь идет о технологиях обогащения урана и разработки проекта водо-водяного реактора, а также подготовки необходимого технического персонала. Симптоматично, что технологии, полученные в рамках работ по проекту «Шаланда», были приобретены гражданской компанией «Nuclear Industries of Brazil» (которая, правда, принадлежит государству).

Четвертое. На основе опыта Бразилии и Индии, а также стран, уже обладающих атомным подводным флотом, следует отметить, что успешная разработка и строительство АПЛ может иметь место в случае развитой гражданской атомной энергетики. Однако даже наличие относительно развитой атомной инфраструктуры не гарантирует немедленный результат.

Пятое. Неожиданным образом Россия получает дополнительную нишу на мировом рынке оружия: лизинг и (или) консултации в проведении НИОКР по АПЛ. В настоящее время международные режимы нераспространения напрямую не запрещают перемещение АПЛ из одной страны в другую, к тому же Россия обладает уникальным опытом по сдаче в аренду АПЛ (в 1998–1991 гг. Индия арендовала у СССР АПЛ пр. 670). Кроме того, Россия или другая страна с развитой промышленностью в области морских вооружений, может поставлять ряд комплектующих для строящихся ПЛ, значительно удешевляя и ускоряя работы над ней (однако при этом в жертву приносится независимость проекта от иностранных комплектующих).

Итак, для вхождения страны в клуб обладателей атомного подводного флота необходимо наличие следующих факторов:

- ☐ политическая воля руководства страны продолжать работы по АПЛ до логического завершения;
- ☐ наличие необходимого уровня технологического развития;
- ☐ наличие длительного опыта эксплуатации атомных реакторов;
- ☐ наличие опыта строительства ПЛ по лицензионным /национальным проектам;
- ☐ наличие необходимых финансовых ресурсов, направляемых исключительно на разработку и строительство АПЛ;
- ☐ наличие необходимой инфраструктуры (базирование, ремонт, доставка и производство ядерного горючего, выгрузка ОЯТ);
- ☐ наличие технологий для производства компактного водо-водяного реактора;
- ☐ наличие наземной атомной установки, аналогичной применяемой на ПЛ;
- ☐ производство в стране большинства корабельных систем и оборудования;
- ☐ наличие «союзнических» отношений с государством, имеющим опыт строительства и эксплуатации АПЛ.

Примечания

¹ Автор выражает благодарность Козелецкому Г.В. и Штыкало В.С. за помощь, оказанную в работе над статьей.

² Печников Борислав. Бразилия с декабря начнет работы по обогащению урана. *РИА Новости*. 2004, 11 ноября.

³ Кургузов Андрей. Правительство Бразилии намерено пересмотреть программу развития атомной отрасли и построить четыре новых АЭС. *РИА Новости*. 2004, 22 октября.

⁴ Там же.

- ⁵ Брагин Михаил. МАГАТЭ проверяет Бразилию. *Парламентская Газета*. 2004, 23 октября.
- ⁶ Submarino Nuclear SMB-10. <http://planeta.terra.com.br/educacao/inventabrazil/subnuc.htm>
- ⁷ В Бразилии существовала определенная «специализация»: так, армейские программы опирались на реакторы-наработчики плутония, а ВВС сделали ставку на лазерное обогащение урана. Однако только ВМС удалось довести свою программу до опытного производства – в лабораториях ИЭАИ были запущены центрифуги, в исследовательском центре ВМС «Арамар» в Иперо было создано производство, на котором стало возможным производить обогащенный уран, пригодный в том числе и для создания атомного оружия. Цит. по: Rodney W. Jones, Mark G. McDonough, Toby F. Daton, Gregory D. Koblenz. Brazil. <http://www.ceip.org/files/Publications/TrackingBrazil.asp?p=8>
- ⁸ Phil Smith-Eivemark, Subir Guin. Going Nuclear: Brazil and India. <http://www.peacemagazine.org/archive/v04n2p08.htm>
- ⁹ Programa Nuclear Paralelo. Programa Autonomo de Tecnologia Nuclear. <http://www.energiatomica.hpg.ig.com.br/pnp.html>
- ¹⁰ Submarino Nuclear SMB-10. <http://planeta.terra.com.br/educacao/inventabrazil/subnuc.htm>
- ¹¹ Geraldo Lesbat Cavagnari Filho. R&D Militar: Situacao, Avaliacao e Perspectivas. <http://www.unicamp.br/nee/premissas/prem5.1.pdf>
- ¹² Ibid.
- ¹³ Geraldo Lesbat Cavagnari Filho. Op. cit.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Brazil. *Jane's Naval Construction and Retrofit Markets*. 2004, July 26.
- ¹⁸ Александров Ю.И., Гусев А.Н. Боевые корабли на рубеже XX-XXI веков. Ч.1. Подводные лодки. С-Пб., 2000. С.124.
- ¹⁹ SSK Tupi class attack submarine, Brazil. http://www.naval-technology.com/project_printable.asp?ProjectID=1569
- ²⁰ Freeman Sam Perlo. Offsets and the developments of the Brazilian arms industry. Paper prepared for International Conference on Offsets and International Developments, University of Cape Town, 2002, September 25–27.
- ²¹ Submarino Nuclear SMB-10. <http://planeta.terra.com.br/educacao/inventabrazil/subnuc.htm>
- ²² Jane's fighting ships 1990–1991. Jane's Information Group Limited. 1991. P. 55. (Строительство головной ПЛ с момента закладки до вхождения в состав флота заняло 4 года, второй – 8 лет, третьей – 9 лет и четвертой – 3 года соответственно= А.Ф.)
- ²³ Jane's fighting ships 1992–1993. Jane's Information Group Limited. 1993. P. 55.
- ²⁴ Submarino Nuclear SMB-10. <http://planeta.terra.com.br/educacao/inventabrazil/subnuc.htm>
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Brazil. *Jane's Naval Construction and Retrofit Markets*. 2004, July 26.
- ²⁷ Morten Bremer Maerli. Deep Seas and Deep-Seated Secrets: naval Nuclear Fuel Stockpile and the Need for Transparency. *Disarmament Diplomacy*. 2000, №49, August.
- ²⁸ Phil Smith-Eivemark, Subir Guin. Op. cit.
- ²⁹ Geraldo Lesbat Cavagnari Filho. R&D Militar: Situacao, Avaliacao e Perspectivas. <http://www.unicamp.br/nee/premissas/prem5.1.pdf>
- ³⁰ Malheiros Tania. Lancamento de submarine nuclear tem sido uma incognita. http://www.ien.gov.br/ien_midia/midia_arquivo/oestsp_201296.htm
- ³¹ Phil Smith-Eivemark, Subir Guin. Op. cit.
- ³² Malheiros Tania. Op. cit.

³³ Ibid.

³⁴ Signals, Brazil defers SNAC-2 programme. *Jane's Navy International*. 1995, May 1. P. 12.

³⁵ Geraldo Lesbat Cavagnari Filho. R&D Militar: Situacao, Avaliacao e Perspectivas. <http://www.unicamp.br/nee/premissas/prem5.1.pdf>

³⁶ Submarino Nuclear SMB-10. <http://planeta.terra.com.br/educacao/inventabrasil/subnuc.htm>

³⁷ Так, в начале 1990-х гг. в России и США шла серийная постройка многоцелевых АПЛ третьего поколения пр.971 и *Improved Los-Angeles* соответственно; в США в 1989 г. заложили и в 1995 г. спустили на воду АПЛ 4-го поколения класса *Seawolf*, а в России в 1993 г. также была заложена АПЛ 4-го поколения пр. 885 *Северодвинск*. В 1997 г. в Великобритании была заказана АПЛ нового поколения класса *Astute*.

³⁸ Malheiros Tania. Op.cit.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Armed Forces: Brazil. Jane's Sentinel Security Assessment – South America. 2004, November 15.

⁴¹ Malheiros Tania. Op.cit.

⁴² Ibid.

⁴³ Brazilian navy seeks support for SSN. *Jane's Navy International*. 1996, January 1. P. 4.

⁴⁴ Malheiros Tania. Op.cit.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Programa Nuclear Paralelo. Programa Autonomo de Tecnologia Nuclear. Op.cit.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Brazilian navy seeks support for SSN. *Jane's Navy International*. 1996, January 1. P. 4.

⁴⁹ Rodney W. Jones, Mark G. McDonough, Toby F. Daton, Gregory D. Koblentz. Brazil. <http://www.ceip.org/files/Publications/TrackingBrazil.asp?p=8>

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Nuclear Weapons Programs. <http://www.globalsecurity.org/wmd/world/brazil/nuke.htm>

⁵² Malheiros Tania. Op.cit.

⁵³ Edvaldo Fonseca. Homenagens marcam comemoracao pelos 15 anos do reator Ipen/Mb-01. http://www.ipen.br/scs/orbita/2003_11_12/ipenmb01.htm

⁵⁴ Jose Maria Tomazela. Marinha precisa de 10 anos para terminar submarine nuclear. <http://www.estadao.com.br/ciencia/noticias/2002/abr/15/122.htm>

⁵⁵ Scott Hartmann. Brazil: New facility to Produce Enriched Uranium. http://www.nti.org/d_newswire/issues/newswires/2002_5_29.html#4

⁵⁶ Aldo Rebelo defende conclusro de Angra 3 e programma nuclear de Marinha. <http://www.aben.com.br/texto9-07.htm>

⁵⁷ Submarino Nuclear SMB-10. <http://planeta.terra.com.br/educacao/inventabrasil/subnuc.htm>

⁵⁸ Marinha tera submarine com energia nuckear. <http://an.uol.com.br/2002/ago/04/0pai.htm>

⁵⁹ Aldo Rebelo defende conclusro de Angra 3 e programma nuclear de Marinha. <http://www.aben.com.br/texto9-07.htm>

⁶⁰ Cirincione Joseph. Deadly Arsenals: tracking weapons of mass destruction. Brookings Institution Press. 2002. P.349.

⁶¹ Submarino Nuclear SMB-10. <http://planeta.terra.com.br/educacao/inventabrasil/subnuc.htm>

⁶² Ibid.

⁶³ Кургузов Андрей. Правительство Бразилии намерено пересмотреть программу развития атомной отрасли и построить четыре новых АЭС. *РИА Новости*. 2004, 22 октября.

⁶⁴ Aldo Rebelo defende conclusro de Angra 3 e programma nuclear de Marinha. Op.cit.

- ⁶⁵ Jose Maria Tomazela. Governo vai aclear projeto do submarine nuclear. <http://www.estadao.com.br/agestado/noticias/2004/mai/21/18.htm>
- ⁶⁶ Marinha tera submarine com energia nuclear. <http://an.uol.com.br/2002/ago/04/0pai.htm>
- ⁶⁷ Ministro destaca programa nacional de energia nuclear. <http://www.horadopovo.com.br/2003/outubro/03-10-03/pag2a.htm>
- ⁶⁸ Chco Otavio, Toni Marques. Por que pressionam os americanos. <http://www.quadranews.com.br/index.php?materia=20864>
- ⁶⁹ Por Que Pressionam os Americanos. *O Globo*. 2004, Abril 11.
- ⁷⁰ Feature, troubled birth: India's embryonic SSN program and its ATV ambition. *International Defense Review*. 1999, January 1. P. 26.
- ⁷¹ Submarino Nuclear SMB-10. <http://planeta.terra.com.br/educacao/inventabrasil/subnuc.htm>
- ⁷² Ibid.
- ⁷³ Aldo Rebelo defende conclusao de Angra 3 e programma nuclear de Marinha. <http://www.aben.com.br/texto9-07.htm>
- ⁷⁴ Scott D. Tollefson. The Myth of Tutelary Democracy. <http://lanic.utexas.edu/project/lasa95/tellefson.html>
- ⁷⁵ Ibid.
- ⁷⁶ Governo acelera projecto de submarino nuclear. <http://gazetaweb.globo.com/Canais/Supermaquinas/Frame.php?f=Noticias.php?c=799>
- ⁷⁷ Jose Maria Tomazela. Governo vai aclear projeto do submarine nuclear. <http://www.estadao.com.br/agestado/noticias/2004/mai/21/18.htm>
- ⁷⁸ Governo acelera projecto de submarino nuclear. <http://gazetaweb.globo.com/Canais/Supermaquinas/Frame.php?f=Noticias.php?c=799>
- ⁷⁹ Jose Maria Tomazela. Governo vai aclear projeto do submarine nuclear. <http://www.estadao.com.br/agestado/noticias/2004/mai/21/18.htm>
- ⁸⁰ Ibid.
- ⁸¹ Fyrom reine parlamanares e especialistas em torno dp Programa Nuclear Brasileiro. http://www.electronuclear.gov.br/novo/sys/interna.asp?ldsecao=306&secao_mae=4
- ⁸² Energia nuclear status atual e futuro. Precisamos de Submarinos nucleares? <http://www.iis.com.br/~mporto/nuclear2.htm#Submarinos>
- ⁸³ Military Balance 2004–2005. IISS. Oxford University Pres, 2004. P. 333.
- ⁸⁴ Семенова Ольга. Оборонные предприятия России и Бразилии смогут создавать продукцию для экспорта на рынки третьих стран. *РИА Новости*. 2003, 11 октября.
- ⁸⁵ Председатель правительства РФ Михаил Фрадков считает, что у России и Бразилии большая перспектива сотрудничества по пути технологического и инновационного развития. *ИТАР-ТАСС*. 2004, 12 октября.
- ⁸⁶ Россия готова сотрудничать с Бразилией в реализации ее мирной ядерной программы, подтвердил Путин. *ИТАР-ТАСС*. 2004, 21 ноября.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Соломатин Герман. Бразилия проявляет интерес к российским ядерным энергетическим установкам. *ИТАР-ТАСС*. 2004, 26 ноября.
- ⁸⁹ Для сравнения: по некоторым данным, в реакторах американских АПЛ используется уран с 97,3% обогащением. Цит. по: Leonam dos Santos Guimaraes. Nuclear Submarines in the Third World: a Proliferation Issue? http://www.faa.br/revista_faa/rel_internacioais/nuclear.htm
- ⁹⁰ Jane's fighting ships 1998–1999. Jane's Information Group Limited. 1993. P. 215.
- ⁹¹ Информация по ТТХ ДЭПЛ *Улучшенный Тупи* взята из Jane's fighting ships 1998–1999. Jane's Information Group Limited. 1993. P. 57.

⁹² SSK Tupi class attack submarine, Brazil.

http://www.naval-technology.com/project_printable.asp?ProjectID=1569

⁹³ Submarino Nuclear SMB-10. <http://planeta.terra.com.br/educacao/inventabrasil/subnuc.htm>

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Александров Ю.И., Гусев А.Н. Цит. соч. С. 26.

⁹⁶ Так, по различным оценкам, стоимость японской ДЭПЛ *Oyashio* составляет 530 млн долл.; китайской *Song* – 420 млн долл.; французской *Agosta 90B*, построенной по лицензии в Пакистане – 410 млн долл.; австралийской *Collins* – 470 млн долл. Данные о стоимости ДЭПЛ приводятся по: Александров Ю.И., Гусев А.Н. Цит. соч. С. 22.

⁹⁷ Подробнее о программе Индии по строительству пилотной АПЛ см.: *Ядерный Контроль* № 2, 2003.

Готовится к публикации монография ПИР-Центра

БЕСПИЛОТНЫЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ: история, применение, угроза распространения и перспективы развития

Парадигма оружия массового уничтожения в XX веке претерпела серьезные изменения. Было запрещено и уничтожается химическое и бактериологическое оружие. Многие видные ученые считают, что логика современного технологического развития постепенно и непременно приведет в XXI веке к отходу и от ядерного оружия. Со временем высокоточное оружие (ВТО), как оружие сегодняшних «войн малой интенсивности», сможет решать стратегические задачи на любом театре военных действий.

Уже в наши дни сопряжение информационно-разведывательных технологий с высокоточным оружием ближнего и дальнего боя позволяет сокрушать даже хорошо оснащенного противника не входя с ним в прямое соприкосновение. Удар таким оружием по атомным электростанциям, крупным топливно-энергетическим объектам, химическим и биологическим производствам неизбежно приведет к «неприемлемым потерям». ВТО обладает контрсилowym потенциалом, то есть, – может угрожать стратегическим объектам, включая и объекты Стратегических ядерных сил, а с другой стороны – оно может стать средством проведения масштабного террористического воздействия.

Одной из мер противодействия угрозе беспилотных летательных аппаратов (БЛА) должно стать ужесточение контроля над распространением собственно БЛА и их технологий. Чтобы выработать действенные меры контроля, необходимо представлять: что же такое БЛА? Между тем у специалистов и экспертов до сих пор нет единого подхода к определению БЛА.

Авторы монографии рассказывают об угрозах, рожденных массовым внедрением БЛА, в том числе, с которыми Россия может столкнуться уже в ближайшее время, приводят прогноз развития беспилотных крылатых ударных средств как фактор, влияющий на степень военной угрозы России.

Книга открывается предисловием командующего Ракетными войсками стратегического назначения генерал-полковника Н.Е. **Соловцова** и генерального директора корпорации «Тактическое ракетное вооружение» д.т.н. Б.В. **Обносова**.

Авторы монографии: старший советник ПИР-Центра генерал-лейтенант (в отставке) Г.М. **Евстафьев**, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ к.в.н. И.К. **Макаренко**, профессор Академии военных наук к.в.н. М.И. **Павлушенко**.

Издание предназначено для специалистов и широкого круга читателей, включая представителей дипломатического корпуса, военных экспертов, ученых, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

Заявки на приобретение монографии следует направлять в Компанию *Триалог* по тел. +7 (095) 764-9896, e-mail: info@trialogue.ru, <http://www.trialogue.ru>

Мировая цивилизация отличается постоянно возрастающей уязвимостью. Это видно по последствиям участвовавших природных и техногенных катастроф, чудовищных, небывалых по жестокости террористических актов и локальных конфликтов разной степени интенсивности с применением все более совершенных видов вооружений. Многие политики и военно-технические эксперты стали чаще говорить о возможности ядерного, химического и бактериологического терроризма. Надо признать, эта возможность у т.н. негосударственных игроков, т.е. террористических и экстремистских организаций и групп, появилась только потому, что правительства многих государств рассматривали ОМУ-вооружения как универсальное средство достижения своих долгосрочных внешнеполитических целей и обеспечения национальной безопасности, создав соответствующую структуру и потенциалы, которые стали весьма уязвимы в смысле возможной утечки технологий, материалов и «неосоздаваемой передачи» знаний. То, что случилось в Пакистане с технологиями ядерного оружия – конкретный пример. Однако в последние десятилетия XX века парадигма ОМУ стала претерпевать серьезные изменения — запрещено и уничтожается химическое и бактериологическое оружие. Все чаще ставится под сомнение ядерная парадигма, хотя до отхода от нее пройдет еще много времени. Академик Е.А. Федосов считает, что логика современного технологического развития непременно приведет в XXI веке к постепенному отходу от ядерной парадигмы XX века и к смене всей политики вооруженной борьбы¹. Не вызывает сейчас сомнения, что в результате непрерывной научно-технической революции стремительно меняются средства ведения войны. Уже состоявшиеся и возможные военные конфликты XXI века все чаще называют «бесконтактными» войнами, что означает резкое повышение ставки на т.н. «интеллектуальное» оружие, характеризующееся фантастическим (по представлениям середины прошлого века) сопряжением информационно-разведывательных технологий с высокоточным оружием ближнего и дальнего боя, позволяющим сокрушать даже хорошо оснащенного противника, зачастую не входя с ним в прямое соприкосновение. Атомные электростанции, крупные топливно-энергетические объекты, химические и биологические производства и т.п. при избирательном применении высокоточного оружия (ВТО) уже стали такими целями, которые неизбежно приведут, в случае их поражения ВТО, к «неприемлемым потерям» для любого государства. В определенном смысле ВТО становится все более эффективным средством «сдерживания». И это только начало.

ЧТО ТАКОЕ БЕСПИЛОТНЫЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ (БЛА) И ИХ РАЗНОВИДНОСТИ

Среди боевых средств, все более сопрягаемых с ВТО и призванных решать многоплановые задачи в современных военных конфликтах, включая и те, которые называются «войнами малой интенсивности», в последнее время значительное развитие получили

крылатые ракеты (КР) и беспилотные летательные аппараты (БЛА). По мнению многих специалистов, эти две разновидности составляют пока единый класс оружия и имеют большие перспективы для дальнейшего развития и совершенствования. В военной литературе до сих пор практически нет согласованного определения, что такое БЛА. Зато в «Договоре между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности», подписанном в Вашингтоне 8 декабря 1987 г., была предпринята попытка определить термин «крылатая ракета». По этому Договору (см. п.2 статьи 2) термин «крылатая ракета» означает беспилотное, оснащенное собственной двигательной установкой средство, полет которого на большей части его траектории обеспечивается за счет использования аэродинамической подъемной силы. Термин «КРНБ» означает «крылатую ракету наземного базирования», которая является средством доставки оружия. И далее (это важно для целей нашего дальнейшего обсуждения): термин «ракета средней дальности» означает баллистическую ракету (БРНБ) или (КРНБ), дальность которой превышает 1000 километров, не превышает 5500 километров. В свою очередь, термин «ракета меньшей дальности» означает БРНБ или КРНБ, дальность которой равна или превышает 500 километров, но не превышает 1000 километров. Это было почти 20 лет назад и совершенно очевидно, что определение крылатой ракеты по нынешним меркам несколько устарело, однако в последующем, к сожалению, дополнительного развития и договорного оформления не получило. К определению БЛА как боевого средства тогда даже не подступались, поскольку это было на тот момент не актуально, хотя БЛА тогда уже лет 20 как существовали.

Главное счетное управление (ГСУ) Конгресса США — весьма влиятельный орган в американских государственных структурах, также попыталось дать свои определения крылатым ракетам (КР) и БЛА. В частности, БЛА определено как «беспилотное воздушное судно, которое действует как аэроплан и может быть использовано для различных военных хозяйственных целей»². Что касается КР, то она определена как «беспилотное воздушное судно с фюзеляжем, разработанным для одноразового использования, которое перемещается в воздушном пространстве, как аэроплан, доставляя свой груз»³. Как мы видим, некоторые различия в определениях имеются. За прошедшие с момента заключения Договора об РМСД годы произошла колоссальная революция в развитии компьютерных и лазерных технологий, а также в средствах радиоэлектроники и информатизации, что буквально перевернуло все системы вычислений и телекоммуникаций и навигации и открыло небывалые возможности для их применения и в военном деле. Российский специалист Н.Я. Василин дает уже более развернутое описание беспилотных аппаратов: «К управляемым без экипажа летательным аппаратам относятся дистанционно пилотируемые и автономно управляемые беспилотные летательные аппараты (БПЛА) самолетной схемы, а также автоматические космические аппараты. БЛА могут быть боевыми, ударными и разведывательными, а также использоваться в качестве мишеней одно- и многократного применения». Но российские определения БЛА несколько отличаются от последних американских версий. В недавнем справочнике министерства обороны США «Военные термины и определения» дается, на наш взгляд, формулировка с дальним прицелом в развернутом виде. Она выглядит следующим образом: «Беспилотный летательный аппарат (БЛА) — это летательный аппарат с силовой установкой, не имеющий на борту пилота-оператора, использующий аэродинамическую подъемную силу во время полета, способный летать автономно или с использованием дистанционного управления (ДУ), предназначенный для многократного использования и имеющий возможность нести оружие летального или нелетального типа»⁴. В отличие от ГСУ Конгресса США, в Пентагоне не относят к одному классу категории БЛА и крылатые ракеты и артиллерийские снаряды. Как мы увидим из последующего анализа, это не случайно. На повестку дня поставлена необходимость выработки единого международного определения этого быстро развивающегося класса оружия. В более широком смысле к БЛА относятся также беспилотные авиационные самолеты (БАС) и управляемые ракеты различного назначения⁵. В аналитических статьях встречается также термин «ДПЛА» — он означает ту разновидность БЛА, которая называется дистанционно пилотируемыми аппаратами, т.е. машинами, управляемыми оператором с наземного, воздушного или корабельного пунктов управления. Такие аппараты, как правило, большую часть своей

траектории выполняют по заранее введенной программе, но оператор имеет возможность, в случае необходимости, взять управление на себя и, таким образом, снять ранее введенную задачу. Перечисленные определения дают уже более полное представление о сферах применения БЛА. Однако они далеко не исчерпывают все многообразие этого бурно развивающегося класса летательных машин. По сообщениям американской печати, идет стремительное внедрение беспилотных аппаратов в гражданскую хозяйственную деятельность. К 2012 г., как ожидают, в США будет в коммерческих и муниципальных службах использоваться не менее 8000 беспилотных аппаратов различных типов и назначения⁶.

Правда, российский специалист Н.В. Чистяков, проанализировав практику применения российских беспилотных аппаратов – комплекса *Строй-П* с ДПЛА *Пчела-1*, утверждает, что такие комплексы, изначально созданные как военные, неудобны и непомерно дороги для гражданских служб и перспективу могут иметь лишь новые комплексы и новые ДПЛА, специально ориентированные на гражданскую эксплуатацию и могущие составить конкуренцию пилотируемым гражданским самолетам, применяемым для аналогичных целей. С другой стороны, южнокорейские эксперты уверены, что к 2008 г. существенно расширятся сферы применения и возрастет производство гражданских БЛА и, зная технологическую и коммерческую цепкость южнокорейских деловых кругов, можно быть уверенным, что Южная Корея в ближайшие годы войдет в число ведущих стран в области БЛА, тем более, что и в этой стране в 2002 г. была выработана национальная программа по БЛА для использования в военных и гражданских целях.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Первоначально по сравнению с другими аппаратами авиационной техники, прежде всего пилотируемыми, военные комплексы беспилотных машин выглядели достаточно упрощенными из-за своих конструкций и использования минимально необходимого набора бортового оборудования, а также, как правило, весьма малой полезной нагрузки. В силу этого они решали ограниченный круг военных задач. Но в то же время они выгодно отличались тем, что не требовали специальных аэродромов для своего базирования, поскольку запуск производится, как правило, со специальных мобильных пусковых установок, и, кроме того, обладая высокой автономностью, эти аппараты не требуют той сложной аэродромной инфраструктуры, которая уже давно стала неотъемлемой составляющей для пилотируемых машин. Более того, это преимущество беспилотников стало становиться со временем все более привлекательным – потеря любого аппарата не была связана с почти неизбежной потерей пилотов, которые сейчас являются самой ценной и одновременно самой дорогостоящей компонентой современных авиационных систем. Кроме того, при использовании БЛА не играет роли такой существенный фактор, как усталость пилота при выполнении длительных и сложных полетов.

В последнее время американские военные специалисты усиленно разрабатывают концепцию «цифрового поля боя» или, другими словами, разведывательно-ударной операции, которая сводит в единый узел разведывательные сенсорные системы, распределение добытой информации, целеуказания и системы ударного оружия. При этом интегрированные боевые системы оперативно-тактического уровня включают в себя, прежде всего, беспилотные летательные аппараты с радиоэлектронным, тепловизионным и другим оборудованием, в том числе обеспечивающим ведение радиоэлектронной борьбы. На поле боя они позволяют действовать в режиме «реального времени». Немаловажным обстоятельством является и то, что если дорогостоящие и немногочисленные ДРЛО со значительным, фактически штучным, людским персоналом, так же, как и БЛА, остаются достаточно уязвимыми со стороны зенитных и авиационных средств противника, то применение против обороны противника существенно более дешевых и значительно более многочисленных БЛА, не связанных с болезненными, а зачастую политически неприемлемыми людскими потерями даже при их существенных утратах, в конечном итоге, ослабляет систему ПВО противника, делая ее менее эффективной и для подавляющего числа стран экономически непосильной. Так, в ходе агрессии НАТО против

СРЮ союзниками по блоку было потеряно около 45 БЛА: 17 – США, 7 – Германия, 5 – Франция, 14 – Великобритания и др.⁷. Интересно отметить, что для общественного мнения даже эти достаточно высокие потери БЛА прошли практически незамеченными, в то время как известные потери нескольких самолетов и захват в плен их пилотов вызвали неблагоприятную политическую реакцию населения собственной страны. Конечно, по мнению большинства специалистов, БЛА, по-видимому, не смогут полностью заменить пилотируемые аппараты на поле боя, но они являются прекрасным дополнением к ним. Беспилотники могут быть эффективно использованы для большинства миссий, связанных с т.н. «черновой работой», оставляя для пилотируемой авиации только те операции, в которых присутствие экипажа, так сказать, «у штурвала» крайне необходимо для выполнения поставленного задания. Кроме того, обучение операторов БЛА требует значительно меньше времени, чем пилотов современных самолетов.

Хотя история беспилотных летательных аппаратов насчитывает уже несколько десятилетий, новая страница в их развитии была открыта в середине 90-х гг. прошлого столетия. В рамках данной статьи не ставится задача проследить всю историю развития БЛА. Скорее, хотелось бы обратить внимание на некоторые принципиальные решения, принятые за рубежом и у нас, а также на их последствия. Прежде всего, следует отметить, что именно в эти годы окончательно было осознано значение и определилась роль военного применения беспилотных летательных аппаратов и пошли многомиллионные заказы и контракты от военных ведомств различных стран, и не только ведущих. Таким образом, в настоящее время разработкой и серийным производством БЛА различного назначения занимаются фирмы свыше 50 стран. На середину 2003 г. общее число созданных ими типов БЛА приблизилось к 300, из них серийно выпускаемых было 68⁸. БЛА различных типов состояли на вооружении армий уже 75 государств⁹.

Конечно, уровень развития этого направления в разных странах далеко не одинаков. Наибольшего продвижения за рубежом в этой области добились страны с высокоразвитой авиационной и электронной промышленностью: США, Израиль, Франция, Германия, Великобритания, Швеция и Канада, между которыми существует одновременно и активная конкуренция на разрастающемся рынке БЛА и очевидная кооперация в решении некоторых научно-технических задач. Известно, что специалисты в Пентагоне достаточно долго скептически относились к предложению американских фирм по созданию аппаратов, способных одновременно совмещать ведение разведки и ударный потенциал. Прорыв произошел в ходе создания и внедрения аппаратов *GNAT-750* и *1-GNAT*, хотя они и были выпущены небольшой серией. Характерно, что сначала наибольший интерес к ним проявили секретные службы. Однако уже на этом этапе состоялся их выход на международный рынок вооружений – 6 аппаратов были закуплены Турцией.

Характерно, что в упомянутых выше странах работы по БЛА поддерживаются и зачастую целенаправленно финансируются государством. В США в этом деле ключевую роль играет Управление перспективных исследований министерства обороны – (DARPA). Уже в июне-июле 1996 г. «Проектная группа 35» НАТО выпустила набор технических спецификаций относительно архитектуры систем БЛА, предпочтительных вариантов проектов и наиболее важных элементов интерфейса между БЛА, информационного обеспечения и систем наземного контроля¹⁰. Примерно в это же время появился знаменитый теперь *Предейтор*, успех которого, по мнению американских военных экспертов, предreshил последующие крупные сдвиги в пользу ускоренного развития и совершенствования многочисленных систем БЛА в американских вооруженных силах. Этот аппарат стал родоначальником целого семейства однотипных машин, приспособленных к нуждам Сухопутных сил, ВВС и ВМС (*MARINER*, *ALTAIR*). Последняя версия *Предейтора* MQ-9 (*Предейтор В*) вообще является образцом БЛА нового поколения. На 2002 г. парк военных БЛА в США выглядел следующим образом :

- MQ-1 *Предейтор А* – построено 80, в ВВС и ВМС развернуто 22, заказано 93 шт.
- RQ-2 *Пионер* – построено 175, в ВМС развернуто 10, проводится модернизация.
- RQ-5 *Хантер* – построено 72, в Армии развернуто 41, проводится модернизация.

- ❑ RQ-6 *Аутрайдер* – производство завершено. Построено 19, в Армии развернуто 0.
- ❑ RQ-7 *Шэдоу* – построено 32, в Армии развернуто 24.
- ❑ *Дрэгон Ай* – построено для Корпуса морской пехоты 40, развернуто 0, заказано 933 шт.
- ❑ MQ-9 *Предейтор В* – построено 2 для ВВС, развернуто 0, заказано 6 шт.
- ❑ RQ-4 *Глоубал Хоук* – построено для ВВС, развернуто 0, заказано 51 шт.

О последнем аппарате хочется сказать подробнее. *Глоубал Хоук* предназначен для ведения стратегической воздушной разведки в глубине территории противника в течение длительного времени. На нем может быть установлено сразу 3 подсистемы разведывательной аппаратуры, действующие одновременно на разных длинах волн. Имеется РЛС с синтезированной апертурой, работающая в любых погодных условиях и позволяющая получать радиолокационное изображение местности с разрешением до 1 метра. За сутки может быть обработано до 138000 кв. км площади. В марте 2001 г. впервые в истории авиации беспилотный *Глоубал Хоук* пересек Тихий океан, взлетев в Калифорнии и проделав за 22 часа беспосадочно 13840 км на высоте 20 км, приземлился в Австралии. С этой машиной активно работают – три экземпляра уже потеряно в ходе испытаний и практического использования (1 аппарат в Афганистане в результате аварии). Но *Глоубал Хоук* дал впечатляющие результаты во время боевых действий в Ираке в марте-апреле 2003 г., когда с его помощью удалось обнаружить 55 % всех выявленных иракских «чувствительных объектов», т.е. таких постоянно перемещающихся целей, которые могут быть «открыты» для удара только весьма короткое время¹¹. При таком начале не вызывает сомнения, что у этой тяжелой машины (взлетный вес более 11,5 тонн, полезная нагрузка около 5 тонн) большое будущее, и *Глоубал Хоук* может быть превращен со временем в мощный разведывательно-ударный БЛА. А в планах «Northrop Grumman» имеются планы создания БЛА с атомным двигателем. Цель ведущихся работ – создать аппарат, который сможет непрерывно находиться в воздухе до нескольких месяцев. Под этот БЛА разрабатывается принципиально новый ядерный реактор¹².

Вместе с некоторыми другими типами БЛА, выпущенными малой серией, число развернутых в ВС США оперативно-тактических БЛА составляло 95 комплексов. А общая цифра сделанных заказов превысила 1200 единиц¹³. 5 аппаратов MQ-1 *Предейтор* в 2001 г. были закуплены Италией и участвовали в иракской войне. Интересно отметить, что один аппарат был потерян итальянцами в процессе обучения. В 2001 г. в Пентагоне была создана совместная рабочая группа из представителей всех родов войск по проблемам развития беспилотной авиации.

А уже в 2002 г. была утверждена «Программа развития беспилотных летательных аппаратов на 2002–2027 гг.». Фактически это долгосрочная, во многом уникальная многоаспектная программа, дающая большую перспективу БЛА как новому классу вооружений. Надо отметить, что «мода» на БЛА охватила и многие другие страны, хотя ни одна из западных стран не может конкурировать с Соединенными Штатами по уровню технологического совершенства и типового разнообразия. В основном, за пределами США поиск пока идет в сфере разработки и создания легких БЛА для ведения ближней разведки в интересах небольших воинских подразделений, а также разведывательных БЛА с взлетной массой от 200 до 300 кг, достаточно ограниченной целевой нагрузкой до 50 кг и боевым радиусом действия до 200 км. При этом максимальная продолжительность полета, как правило, не превышает 3 часов. Наилучших результатов на этом направлении добились французы: созданные известной фирмой *САЖЕМ* аппараты *Кресерель*, *Спервер* и совместный франко-германский БЛА *Бревел* получили достойную часть складывающегося рынка БЛА. Последний аппарат разведывательного назначения является технологически сложной системой, включающей в себя 5–7 БЛА, наземную базу управления и обработки разведывательной информации, блок средств связи, пусковую установку и транспортные средства для обнаружения, подбора и перевозки БЛА.

В России также набирает темпы процесс разработки и строительства современных БЛА. В 2003 г. были приняты важные государственные управленческие решения, вытекающие из рассмотренных Советом безопасности РФ «Основ военно-технической политики на период до 2015 г. и дальнейшую перспективу». Они создают благоприятные стимулы для технологического рывка на этом важном направлении. Развернулось международное сотрудничество с Израилем – признанным лидером в создании легких разведывательных аппаратов, а также с Францией¹⁴. Это, конечно неплохо, хотя отставание от передового международного уровня пока не преодолено, но здесь, на наш взгляд, определяющим моментом будет востребованность различных типов БЛА в российских Вооруженных Силах и правоохранительных органах. Вообще-то процесс, как говорится, «пошел». В ноябре 2004 г. на авиационной выставке в Китае были показаны 3 модели аппарата серии *Зонд-1, -2, -3* КБ им. Сухого. Причем *Зонд-1* явно относится к аппаратам тяжелого типа — его взлетный вес 12 тонн, вес полезной нагрузки 1,5 тонны, высота полета от 14 до 16 км, а длительность полета 18 часов при скорости 590 км/час. Это весомая заявка на перспективу, которая показывает, что первоначальное отставание в 7-10 лет для такой великой авиационной державы, как Россия, хотя и неприятно, но еще не окончательно критично. Усилия национальной промышленности начинают давать первые серьезные результаты — завершаются государственные испытания новой модификации комплекса воздушной разведки *Строй – ПД* с беспилотным летательным аппаратом *Пчела-1К*. В состав бортового оборудования комплекса входят инфракрасная и телевизионная аппаратура, а также специальное оборудование для круглосуточного применения этого комплекса для целей воздушной разведки. Его с нетерпением ожидают в войсках¹⁵.

НАРАСТАНИЕ ТРЕВОЖНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В РАЗВИТИИ БЛА И ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ ПРЕВРАЩЕНИЯ В НОВУЮ УГРОЗУ БЕЗОПАСНОСТИ И ВОЕННОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

На наш взгляд, тревожные тенденции для нашей безопасности в области развития БЛА имеют несколько измерений.

Стратегическое

Если подавляющее большинство стран все еще не подступилось даже к созданию оперативно-тактических БЛА, то в Соединенных Штатах на повестку дня поставлен и практически решается вопрос о создании БЛА, выполняющих стратегические задачи и призванных вкупе с другими средствами воздушной войны обеспечивать превосходство Вашингтона на всех мировых театрах военных действий, в том числе и на огромном удалении от территории собственно США. Уже с задействованием специально подготовленных, выше упоминавшихся оперативно-тактических БЛА *Предейтор* и *Глоубал Хоук* за многие тысячи километров от столицы США решались важные боевые задачи в Афганистане, Ираке и Йемене. Однако пока это выглядит скорее промежуточным, подготовительным этапом к приобретению США более угрожающего и могущего иметь далеко идущие стратегические последствия результата – оснащения ВС США дополнительным стратегическим ударным потенциалом в виде новейших комплексов БЛА. Достаточно сказать, что *Предейтор В* (MQ-9) уже в 4 раза тяжелее, чем *Предейтор А*. Он более скоростной, со значительно более мощным двигателем фирмы «Ханивел», чем первые версии *Предейтора*, оснащен самой разносторонней электронной аппаратурой и радаром с синтезированной апертурой. Важным преимуществом *Предейтора В* является наличие 6 пилонов, на которых размещаются боевые средства весом до 3750 фунтов, среди них бомбы с лазерным наведением¹⁶. Но американцев не полностью удовлетворяет и эта продвинутая машина. Американский журнал «Беспилотные летательные аппараты» сообщает, что, истратив за 10 лет (1991–1999 гг.) 3 млрд долл., Пентагон до 2010 г. намерен вложить в БЛА еще 10 млрд долл. и довести численность БЛА в ВС к 2015 г. до 1/3 всего парка военных воздушных судов.

В последние месяцы появились сообщения о том, что ВВС США поставили задачу создания таких «тяжелых БЛА», которые могли бы закрыть то, что было названо как «супер-брешь» в боевых наступательных возможностях американской авиации — существующая сейчас неспособность наносить удары с помощью истребителей и бомбардировщиков по таким целям, как мобильные ракетные системы с их растущими возможностями, и баллистические ракеты ТВД, находящиеся глубоко внутри вражеской территории. Примерные параметры для таких БЛА выглядят впечатляюще: взлетный вес — 45 и более тонн, боевая нагрузка 4,5–7 тонн. Продолжительность непрерывного нахождения в воздухе более 50 часов. Эта машина уже получила название — «Unmanned Combat Air Vehicle —UCAV» или «Боевая беспилотная авиационная система — ББАС». В этих машинах будет реализована технология «стелс», применяемая в самолете F-117, а также современная система дозаправки в воздухе. Существенно повышается такой важный критерий, как кратность использования каждого беспилотного аппарата. По словам представителей ведущей американской фирмы «Northrop Grumman», которой передан заказ на 3 тяжелых БЛА X-47B (так называется этот прототип БЛА), в нем будет заложена возможность дальнейшего технологического совершенствования и повышения боевых возможностей. Над этой же проблемой работает и корпорация «Boeing», строящая также 3 аппарата X-45C¹⁷.

На наш взгляд, ведущиеся в США работы в области БЛА, особенно т.н. «БЛА тяжелого типа», будут иметь в долгосрочном плане большой дестабилизирующий эффект. В самом деле, мы являемся свидетелями появления ударного оружия в новом классе вооружений беспилотных боевых авиационных летательных аппаратов, которые вскоре по своему боевому потенциалу могут сравняться с уже существующими оперативно-тактическими и стратегическими авиационными и ракетными системами. В сочетании это создаст предпосылки для формирования новой парадигмы в средствах вооруженной борьбы, особенно в контексте перехода к высокоточному оружию. Представляется, что тенденции в повышении потенциала т.н. тяжелых БЛА таковы, что в обозримом будущем этим машинам будет по силам доставлять в заданные районы мира аппараты на «иных физических принципах», что откроет немалые новые возможности для систем глобальной ПРО, особенно в том, что касается перехвата ракет на т.н. разгонном этапе полета. Беспокоит, и все больше, то обстоятельство, что развитие нового класса вооружений — БЛА — проходит безо всяких ограничений и самоограничений и пока с подавляющим преимуществом одного государства — США. Теперь становится ясным и подтекст приведенного выше определения БЛА, на котором настаивает Пентагон. Известно, что, принимая решение по передаче на вооружение ВС первого боевого варианта *Предейтора*, в военном ведомстве США внутренне нервничали насчет того, как эти БЛА впишутся в условия советско-американских договоров об ограничении наступательных вооружений, особенно РСМД. *Предейтор* изначально рассчитывался на дальность 3500–3700 км и как носитель ракетного оружия¹⁸. Выход был найден в толковании терминологии, т.е. в формальном отделении крылатых ракет, ограничиваемых по РСМД, от БЛА, на которые никакие международные ограничения до сих пор не распространяются, а, значит, и все претензии и жалобы на их фактически бесконтрольное развертывание юридически не обоснованы. А пока будут, как обычно, затяжно вестись дискуссии на тему «что делать?», основные задачи по БЛА американцы уже решат. По-видимому, пентагоновские правовики тогда решили пойти путем «разграничения», и дело можно в худшем случае «заморозить» на уровне, который сохранит американское превосходство на многие годы. В данном случае пострадает стабильность и относительное военное равновесие, а для таких стран, как Китай, это будет на длительное время угроза «обнуления» его стратегического ракетно-ядерного потенциала. Кроме того, количество «игроков» на ничем не ограниченном поле БЛА будет стремительно расти. Фактически уже сейчас мы стоим, а может, и переступили порог новой гонки вооружений, хотя и стараемся этого не замечать. Конечно, непросто найти пути и средства решения проблем в условиях уже сложившегося дисбаланса, однако это не должно стать причиной бездействия. Даже по такому трудному вопросу, как контроль за ПЗРК, Россия и США нашли в конце концов определенное взаимопонимание.

Параллельно с процессом создания ударных БЛА, выполняющих стратегические задачи, в армиях западных стран началось активное насыщение БЛА подразделений на бригадном и дивизионном уровне. 1 декабря 2004 г. в Сент-Луисе представители американской армии изложили свои требования к БЛА (т.н. CLASS-11 и CLASS-111), которые имеются в виду заполнить на вооружение на ротном уровне в 2014 г. Известно, что массовые поступления различных типов БЛА в вооруженные силы стран-участниц НАТО ожидаются начиная с 2007 г. В Пентагоне исходят из того, что к 2008 г. желательно согласовать вопрос о включении в перечень стандартного вооружения армейской бригады от 150 до 200 БЛА различного назначения. В этом смысле важные для нас практические последствия будут представлять собой корректировки упомянутого выше плана на 2002–2027 г., которые Пентагон намеревается внести в конце 2005 г. Известно, что они будут сводиться к активизации внедрения БЛА в структуру и практическую деятельность американских ВС, а также к резкому повышению уровня межвидовой совместимости. Отмечается, что «аппетит военных к БЛА становится неутолим»¹⁹. По сообщениям американских источников, в последней иракской компании одновременно применялись 12 типов БЛА. Некоторые российские военные специалисты прогнозируют, что в обозримом будущем численность парка БЛА на Центрально-Европейском ТВД может достигнуть 60 тысяч машин, из которых 60 процентов, по-видимому, будет приходиться на микро- и мини-беспилотники²⁰. Не вызывает сомнений, что небывалое усиление разведывательных возможностей в т.н. «реальном времени» с помощью БЛА на уровне батальонного и бригадного звена в сочетании с придаваемыми средствами разведывательно-ударного плана, в том числе БЛА, приведет к существенным изменениям в планировании и ведении сухопутных операций на ТВД, и тот, кто будет лучше оснащен высокоэффективными средствами разведки и постоянного наблюдения за полем боя, получает огромное преимущество для обеспечения своего превосходства на ключевых направлениях борьбы и, в конце концов, победы.

Хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что в согласованном списке ОДВТ (ограничиваемые по договору вооружения и техника), приложенном к Договору об ограничении вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ), нет никаких упоминаний о БЛА и в помине. Это понятно. Никто не мог предвосхитить феномен БЛА 15 лет назад. Но это также не повод для того, чтобы, по крайней мере, нам не ставить вопрос о корректировке списка ОДВТ по ДОВСЕ и досогласовании по этой категории вооружений международных мер по ограничению их количества или, по крайней мере, о распространении на них согласованных мер доверия. Это будет своевременным и полезным шагом в сфере укрепления военной безопасности на европейском континенте и национальной безопасности России в условиях непрекращающегося продвижения НАТО к нашим государственным границам.

Нераспространенческое

Как и многие другие виды вооружений, беспилотные летательные аппараты довольно быстро становятся доступными все большему числу государств и даже т.н. «негосударственным игрокам» на международной арене. Более того, с течением времени БЛА могут превратиться реально в обоюдоострое оружие. В январе 2004 г. все то же ГСУ Конгресса США сделало вывод: «Крылатые ракеты и БЛА представляют растущую угрозу национальной безопасности США как весьма точные и сравнительно недорогие средства доставки для обычных, химических и биологических вооружений [...] Широкое распространение и доступность на коммерческой основе таких технологий, как системы глобального позиционирования и легкие по весовым параметрам двигатели существенно облегчили для государств, а также и для террористов возможности создания, по крайней мере, примитивных КР и БЛА. Некоторые специалисты также выражают озабоченность относительно возможности установки автопилотов на малую авиацию и превращение ее в БЛА, способные доставлять химические и биологические вооружения и устройства»²¹. Министр обороны США Д. Рамсфелд неоднократно предупреждал о нарастающей угрозе со стороны КР и БЛА, против которых, по его словам, нет на данном

этапе у американцев адекватной защиты. В руководстве Госдепартамента США также придерживаются той точки зрения, что БЛА идеально подходят для доставки химического и биологического оружия, учитывая их способность распылять аэрозоли в нужном месте и на нужной высоте»²². Специалисты НАТО считают, что в этом плане БЛА являются более эффективными, чем артиллерийские снаряды или баллистические ракеты. С учетом технологий и материалов, доступных сейчас на коммерческом рынке, можно создавать примитивные БЛА, способные доставлять десятки килограммов груза и наносить удары как по войскам на ТВД, так и по городам. Бывший заместитель госсекретаря США Дж. Болтон высказал мнение, что [...] с помощью БЛА организовать атаки ОМУ могут, прежде всего, государства, тем не менее, и у террористических групп имеется возможность произвести или заполучить в свои руки мини-БЛА для нанесения ударов химическим или биологическим оружием»²³.

Первый звонок уже прозвучал. 7 ноября 2004 г. военизированная экстремистская ливанская группировка «Исламское сопротивление» провела облет северных районов Израиля с помощью БЛА *Mirsad-1*. При этом израильские силы обороны не засекли этот полет и были проинформированы о нем гражданскими лицами. Говорят, что этот БЛА похож на 80-килограммовый БЛА *Мохаджир-4* производства иранской компании «Код индас-триз».

В этом факте прослеживаются два серьезных момента. Во-первых, экстремисты и террористы действительно могут освоить БЛА для осуществления своих жестоких целей. Во-вторых, около 15 стран, производящих БЛА, не входят в состав участников Режима по контролю над распространением ракетных технологий (РКРТ) и, как следствие, ничто по существу не ограничивает их намерения продавать соответствующие товары, включая БЛА. Отсюда вывод – участникам РКРТ, видимо, надо искать наиболее рациональные пути выхода из нынешнего состояния «закрытого клуба» государств.

То, что экспортный контроль (ЭК) не панацея, говорилось и раньше. Но сейчас все более становится очевидным, что в борьбе с «утечками» опасных технологий, прежде всего, в области средств доставки к экстремистам и террористам ЭК вряд ли сможет закрыть те лазейки, которые связаны с относительно примитивными технологиями. А это как раз те технологии, которые лучше всего освоены на данном этапе. Госдепартамент США весьма гордится своей программой мониторинга и контроля над экспортом контролируемых технологий «Голубой фонарь». Однако сложившаяся система контроля нацелена, прежде всего, на государства, недружественные Вашингтону, и на их фирмы а, во-вторых, эффективность этой системы со стороны ГСУ Конгресса США подвергается сомнению.

Таким образом, мировое сообщество продолжает стоять перед поиском путей предотвращения попадания в руки террористов технологий и конкретных образцов средств доставки взрывных устройств на основе ОМУ-технологий и, прежде всего, БЛА, которые сегодня по многим параметрам смотрятся как «идеальное средство доставки» для осуществления терактов.

НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С РАЗВИТИЕМ БЛА

Прежде всего, мы не должны забывать о тех дополнительных возможностях, которые предоставляет ускоренное развитие беспилотной авиации, все более активно вторгающейся во многие сферы жизни. БЛА имеют существенный потенциал для наблюдения за большими лесными массивами с целью своевременного выявления пожарных ситуаций. Ряд экспертов выделяют у отдельных типов БЛА такие возможности, как способность отслеживать каналы наркотрафика, незаконной иммиграции и т.п. Есть также точка зрения о том, что БЛА могут стать дополнением к тем средствам, которые сейчас задействованы для выполнения международных соглашений в сфере разоружения, в частности в рамках соглашения об «Открытом небе».

Однако эти и другие возможности смогут реально заработать только в том случае, если использование БЛА будем должным образом введено в правовые рамки. На сегодняшний день большинство БЛА в США, например, не имеют официального разрешения Фе-

дерального Авиационного Агентства (FAA) на постоянные полеты в воздушном пространстве США. Исключение составляет лишь упоминавшийся нами *Глоубал Хоук*, отличающийся высоким уровнем безаварийности²⁴. Этот вопрос не является праздным. Известен факт, что американский БЛА в Калифорнии «уронил» незаряженную 250-фунтовую бомбу и чуть было не поразил грузовик. Один из руководителей национальной общественной организации, отслеживающей проблему авиакатастроф, заявил: «Мы уже имеем проблемы с воздушным движением, наше воздушное пространство уже сильно перегружено. Зачем же в эту кашу еще вбрасывать БЛА»?²⁵ Пока международные договоренности ограничивают использование «гражданского воздушного пространства» большинством типов БЛА, однако на эту норму усиливается атака со стороны ведущих компаний-производителей беспилотной техники. А пока все тот же *Глоубал Хоук*, сбившись с маршрута, без разрешения залетел в воздушное пространство Великобритании из Германии, где проходили его испытания, и английские контролеры вынуждены были дать ему т.н. «пурпурный коридор», обычно зарезервированный для английской королевской семьи. Оппозиционный спонсор по вопросам обороны Дж. Ховарт так оценил сложившуюся ситуацию: «Сообщения о залете БЛА говорят о том, что не существует контроля за использованием БЛА в гражданском воздушном пространстве».

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ И СООБРАЖЕНИЯ

Как представляется, с учетом всего вышеизложенного, можно дать утвердительный ответ на поставленный вопрос — развитие БЛА как нового класса вооружений несет в себе серьезные угрозы и является дестабилизирующим феноменом, если не обеспечить его дальнейший прогресс международно-правовыми рамками.

Мировое сообщество должно уделить этой нарастающей проблеме должное и своевременное внимание, с тем чтобы предупредить нежелательные последствия с точки зрения возникновения нового направления гонки вооружений.

Учитывая новизну и многоплановый характер возникающей проблемы, по-видимому, было бы целесообразно сформировать для всестороннего изучения ситуации вокруг БЛА в рамках первого Комитета Генеральной Ассамблеи ООН рабочую группу правительственных экспертов с соответствующим мандатом.

Примечания

¹ *Российское Военное Обозрение*. № 5, май 2004. С. 6–7.

² General Accounting Office. Nonproliferation: Improvements Needed to Better Control Technology Exports for Cruise Missiles and Unmanned Aerial Vehicles. GAO-04-175. 2004, 23 January. P. 1.

³ Ibid.

⁴ Беляев В. Война в воздухе, новая угроза. *Авиация и Космонавтика*. № 4, 2004. С. 8.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ *Российское Военное Обозрение*. №10, 2004. С.19.

⁷ Василин Н.Я. Беспилотные летательные аппараты. Минск: *Попурри*, 2003. С.13–14.

⁸ *Unmanned Vehicles*. Vol. 2, № 2, February 1997. P. 18.

⁹ Pokob Tibor. Surveillance of UAVs.
<http://www.zmka.hu/tanszekek/ehc/konferencia/april2001/prokob.html>

¹⁰ *Unmanned Vehicles*. Vol. 2, № 2, February 1997. P.18.

¹¹ Unmanned Aerial Vehicles: Improved Strategic and Acquisition Planning Can Help Address Emerging Challenges. Testimony before the Subcommittee on Tactical Air and Land Forces, Committee on Armed Services, House of Representatives. GAO-05-395T. 2005, March 9.

¹² *Интерфакс*. 2005, 19 января.

¹³ *Jane's Defence Weekly*. 2005, January 19. Беляев В. Война в воздухе, новая угроза. *Авиация и Космонавтика*. № 4, 2004. С. 9.

¹⁴ *Aviation Week*. 2004, July 19. P. 54.

¹⁵ Агентство *ТС ВПК*. 2004, 3 декабря.

¹⁶ *Независимое Военное Обозрение*. 2003, 7 марта.

¹⁷ *Unmanned Aerial Vehicles*. 2005, February 10.

¹⁸ *International Defence Digest*. 2005, January 1.

¹⁹ Беляев В. Хищник выходит на охоту. *Авиация и Космонавтика*. № 1, 2005. С. 18.

²⁰ General Accounting Office. Nonproliferation: Improvements Needed to Better Control Technology Exports for Cruise Missiles and Unmanned Aerial Vehicles. GAO-04-175. 2004, January 23 . P. 2–4.

²¹ Беспилотники – дальний прицел. *Российское Военное Обозрение*. № 10, 2004. С. 17–18.

²² *Unmanned Aerial Vehicles: Improved Strategic and Acquisition Planning Can Help Address Emerging Challenges*. Testimony before the Subcommittee on Tactical Air and Land Forces, Committee on Armed Services, House of Representatives. GAO-05-395T. 2005, March 9.

²³ Improvements Needed for Controls on Exports of Cruise Missile and Unmanned Aerial Vehicle Technology. Statement of Joseph A. Christoff, Director International Affairs and Trade. GAO-04-493T. 2004, March 9.

²⁴ General Accounting Office. Nonproliferation: Improvements Needed to Better Control Technology Exports for Cruise Missiles and Unmanned Aerial Vehicles. GAO-04-175. 2004, January 23 . P. 11–12.

²⁵ *Aviation Week & Space Technology*. 2004, January. P. 105.

А
К
И
М
Е
Л
О
П

ПИР-Центр политических исследований в России
выпустил в свет

DVD-диск

«ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО СТРАН «БОЛЬШОЙ ВОСЬМЕРКИ» ПРОТИВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ И МАТЕРИАЛОВ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ».

*По материалам одноименной Конференции, проведенной
23–24 апреля 2004 г.*

Конференция «Глобальное партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения», **организованная ПИР-Центром и Советом по устойчивому партнерству для России (СУПР)**, собрала для обсуждения актуальных вопросов Глобального партнерства более **260 крупнейших специалистов из 21 страны мира**. В ходе двух дней участники обсудили основные аспекты программы, включая *химическое разоружение, утилизацию атомных подводных лодок, физическую защиту, учет и контроль ядерных материалов, биологическую безопасность, обучение и переподготовку специалистов-оружейников*.

Участники конференции не только обсуждали существующие проблемы, но и активно вырабатывали пути их решения: всего **было сделано более 60 докладов**. Среди докладчиков были *Чрезвычайные и Полномочные Послы, руководители крупнейших транснациональных компаний и предприятий, высокопоставленные правительственные эксперты, авторитетные генералы и крупнейшие российские и зарубежные ученые*, не понаслышке знающие проблематику Глобального партнерства.

В этой связи материалы конференции и плоды звучавших на ней дискуссий представляют несомненный интерес для всех, кто интересуется вопросами международного содействия России в области нераспространения и разоружения. Прекрасно осознавая этот факт, ПИР-Центр при поддержке Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон, США) и фонда «Инициатива по снижению ядерной угрозы» выпустил DVD-диск по материалам Международной конференции «Глобальное Партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения».

Диск содержит исчерпывающую информацию об этом представительном международном форуме, включая:

- ☐ Программу конференции;
- ☐ Видеоматериалы конференции;
- ☐ Аудиозаписи докладов;
- ☐ Тексты выступлений;
- ☐ Презентации докладов;
- ☐ Информацию о спонсорах конференции;
- ☐ Информацию об организаторах конференции.

За более подробной информацией по вопросам приобретения диска следует обращаться в компанию *Триалог* – официальному партнеру ПИР-Центра – по телефону (095) 764-9896, факсу (095) 234-9558 или электронной почте info@trialogue.ru

Чудовищный террористический акт 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, последовавшие вслед за ним взрывы поездов в Испании, захваты заложников в России («Норд-Ост», Беслан), когда количество человеческих жертв исчислялось сотнями и тысячами, показывают, что для террористов априори не существует моральных барьеров. Они не останавливаются перед применением самых варварских способов уничтожения людей. Поэтому столь опасно попадание в их руки ядерных боеприпасов, которые способны вызвать массовые разрушения и гибель уже не сотен и тысяч, а миллионов людей.

Эту угрозу чаще всего связывают с возможностью обладания террористами малогабаритными ядерными боеприпасами, так называемыми «ядерными чемоданчиками».

В середине 1990-х гг. в средствах массовой информации (СМИ) ряда стран стали появляться различного рода публикации об обладании террористическими организациями и экстремистскими движениями «ядерными чемоданчиками». При этом, как правило, декларировалось либо советское, либо российское происхождение этих «чемоданчиков», приобретенных террористами (или экстремистами) чуть ли не по случаю у якобы все распропадавших российских военных.

Истины ради следует заметить, что раздуванию этой «шумихи» в СМИ во многом способствовали имевшие место «утечки» информации из тогдашних российских спецслужб. Так, осенью 1995 г. в СМИ появились сообщения со ссылкой на Службу внешней разведки РФ о том, что дудаевские боевики приобрели в 1992 году в Латвии у российских военных два ядерных спецбоеприпаса. Тогдашний секретарь Совета безопасности РФ О.И. Лобов даже официально обращался по этому поводу к начальнику Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генералу армии М.П. Колесникову с просьбой дать соответствующие разъяснения. Ему был дан ответ, что информация о каких-либо пропажах советских или российских ядерных боеприпасов не соответствует действительности, а заявления дудаевцев и им подобных являются дезинформацией, направленной на запугивание мировой общественности.

Полагаю, что нет необходимости сегодня перечислять все имевшие место публикации в СМИ о пропаже советских и российских ядерных боеприпасов и попадании их в руки тех или иных террористических групп и бандформирований. Пожалуй, стоит упомянуть лишь об особом резонансе в мире, который вызвали заявления бывшего секретаря Совета безопасности РФ А.И. Лебеда и выступления член-корреспондента РАН А.В. Яблокова в 1996–1998-х гг. о якобы имевших место пропажах «ядерных чемоданчиков» советского производства в период распада Советского Союза.

После последовавших из Минобороны России ответов и разъяснений на эти и другие аналогичные выступления, а также на публикации в СМИ, казалось бы, проблематика, связанная с «ядерными чемоданчиками», себя исчерпала. Но недавно в США вышла кни-

га известного публициста П. Вильямса «Мечь Усамы», в которой он утверждает, что международная террористическая организация «Аль-Каида» обладает десятью «ядерными чемоданчиками», похищенными со складов в России. При этом автор ссылается на данные спецслужб и уверяет, что эти «чемоданчики» уже доставлены в США.

Представляется, что утверждения П. Вильямса, наряду с другими побудительными мотивами, преследуют цель в очередной раз «выставить» Россию как страну, не способную гарантированно обеспечить сохранность и безопасность своего ядерного оружия, и тем самым она будто бы представляет угрозу для человечества. И при этом вновь используется тема российских «ядерных чемоданчиков».

В этой связи я как должностное лицо, которое в бытность начальником одного из управлений аппарата Совета безопасности РФ (1997–2002 гг.) имело непосредственное отношение к разрешению проблемных вопросов, связанных с обладанием Россией малогабаритными ядерными боеприпасами, полагаю своим долгом изложить соображения по вышеобозначенной проблематике. Ибо, как патриот своей страны, считаю, что ее имидж не должен страдать из-за бытующих еще недомолвок о проводимой Россией ядерной политике. Безусловно, при этом никаких государственных секретов я раскрывать не собираюсь, но убежден, что следует развеять существующие мифы о «ядерных чемоданчиках» и рассказать, в пределах допустимого, о реально созданных в мире малогабаритных ядерных боеприпасах.

Широко употребляемый различными СМИ **термин «ядерный чемоданчик» – это жаргонное выражение.** В действительности речь идет о малогабаритных ядерных боеприпасах специального назначения ранцевого типа – специальных ядерных минах.

Поэтому прав был начальник 12-го главного управления Минобороны России¹ И.Н. Валинкин, в то время еще генерал-лейтенант, когда он 2 декабря 1997 г. в интервью корреспонденту «Независимой газеты» сказал: «Никакие чемоданчики, саквояжи, ридикюли и прочие сумочки с ядерной начинкой [...] никогда реально не существовали».

Первые в мире малогабаритные ядерные боеприпасы были созданы американцами. В 1960 г. в Лос-Аламосской национальной лаборатории США был сконструирован миниатюрный ядерный заряд W54-плутониевый, импloffивного типа. Его мощность, в зависимости от боевого предназначения, могла быть изменена специальным регулятором в пределах от 10 до 1000 тонн тротилового эквивалента. Вес этого ядерного заряда составлял около 27 кг. Он использовался в нескольких типах ядерных боеприпасов. Все они объединялись одним названием – «специальное атомное разрушающее оружие» (Special Atomic Demolition Munition, сокращенно – SADM).

Первоначально ядерный заряд W54 использовался как «начинка» артиллерийских ядерных боеприпасов калибра 120 и 155 мм. С 1964 г. он стал применяться и для создания специальных ядерных мин двух типов – M129 и M159, известных в США как «ранцевый» вариант атомной бомбы. Специальная ядерная мина M159 выпускалась в двух модификациях: M159-V1 и M159-V2. Конструктивно эти модификации мало чем отличались друг от друга. Их принципиальное различие состояло в величине минимальной мощности ядерного заряда: у мины M159-V1 эта величина составляла 10 тонн тротилового эквивалента, у мины M159-V2 – 250 тонн тротилового эквивалента.

Габариты специальных ядерных мин M129 и M159 были одинаковыми: длина – 70 см, максимальный диаметр – 31 см. Помещались они в транспортно-переносной контейнер H913, в котором помимо ядерной мины размещалось и другое необходимое оборудование – замковое кодоблокировочное устройство, приемное радиоустройство, таймер и т.п. Контейнер H913 имел размеры 87×65×67 см. Его вес в снаряженном состоянии составлял 68 кг. Он мог переноситься одним человеком в специальном заплечном ранце или же двумя с использованием специальных лямок. Взрыв ядерного заряда мин M129 и M159 осуществлялся либо таймером, либо дистанционно путем передачи специального радиосигнала.

Всего за 1964–1983 гг. Лос-Аламосской национальной лабораторией США было произведено порядка 600 единиц специальных ядерных мин M129 и M159. В 1983 г. их производство было прекращено.

«Ранцевые» атомные бомбы состояли на вооружении армейских «зеленых беретов», «тюленей» Военно-Морского флота и спецподразделений морской пехоты США. Они предназначались для совершения диверсионных актов в тылу противника, главным образом для уничтожения аэродромов, портов, крупных мостов, плотин, заглубленных командных пунктов, других подобных объектов, а также крупных скоплений живой силы. Это было эффективное ядерное оружие – компактное, позволяющее скрытно доставлять его в тыл противника и надежно поражать запланированные объекты. Для наглядности можно указать основные параметры ядерного взрыва мощностью в 1000 тонн тротилового эквивалента: радиус ударной волны давлением во фронте в 0,3 кг/кв.см – 800 м, тепловое излучение – 3,8 кал/кв.см, ионизирующее излучение – 670 бэр. Такая ударная волна способна разрушить сооружения, находящиеся на расстоянии 800 м от эпицентра ядерного взрыва, и уничтожить все живые существа в них, а тепловое излучение – вызвать пожары.

Во времена холодной войны специальные ядерные мины M129 и M159, помимо территории США, размещались на американских военных базах в Западной Европе (ФРГ, Италия), Республике Корея, островах Гуам и, возможно, Окинава. Во время войны во Вьетнаме эти мины находились на военной базе Кларк на Филиппинах. Есть информация, что американцы планировали использовать специальных ядерных мин для разрушения горных перевалов на знаменитой «тропе Хо Ши Мина» – главной транспортной артерии между Севером и Югом Вьетнама. Правда, эти планы так и не были осуществлены, якобы из-за опасности сильного радиоактивного заражения местности.

Применению специальных ядерных мин американцы обучали и подразделения спецназа ряда стран-членов НАТО (ФРГ, Италия и другие). Но после начавшейся в 1987 г. «разрядки» в противостоянии с СССР и возглавляемой им Организации Варшавского договора это обучение было свернуто, а все специальные ядерные мины были вывезены из Западной Европы и других мест их размещения и складированы на территории США.

В конце 1991 г. – начале 1992 г. все оставшиеся на тот период специальные ядерные мины (в количестве около 300 единиц) были разобраны и утилизированы на предприятии PANTEX в г. Амарилло, штат Техас (в рамках выполнения одностороннего 1991 г. заявления президента США Дж. Буша-ст. о глубоком сокращении американских нестратегических ядерных вооружений).

В Советском Союзе выпуск малогабаритных ядерных боеприпасов специального назначения был начат в 1967 г., три года спустя после американцев. Эти ядерные боеприпасы ранцевого типа были названы «специальными минами». Вероятно, потому, что они предназначались исключительно для оснащения специальных подразделений Вооруженных Сил СССР – бригад спецназа главного разведывательного управления Генерального штаба и спецчастей морской пехоты.

Конструкция советских специальных мин, особенно первых модификаций, если не во всем, то во многом была аналогичной американским специальным ядерным минам. Соответственно, их боевые и весогабаритные характеристики были примерно одинаковыми.

Всего в Советском Союзе специальных мин четырех модификаций было выпущено чуть менее половины от количества американских специальных ядерных мин. Наиболее совершенна конструкция у последней модификации советской специальной мины – РА115, о существовании которой в свое время упоминал А.И. Лебедь. Весогабаритные характеристики этой мины существенно лучше, чем у американских аналогов.

Основным производителем советских специальных мин являлся ныне рассекреченный завод «Авангард» в г. Сарове Нижегородской области (прежний адрес – Арзамас-16). Все изготовленные специальные мины поступали на предназначенный для их хранения и обслуживания единственный в своем роде арсенал 12-го главного управления Министерства обороны СССР, расположенный на территории РСФСР (ныне территория Рос-

сии). За весь советский период, не говоря уж о новой России, специальные мины из этого арсенала или с завода-изготовителя никогда в войска не передавались (это подтверждено документально). А поэтому они физически не могли быть утеряны либо похищены в воинских частях. Диверсионные группы советских, а затем и российских бригад спецназа и спецчастей обучались на тренажерах, а свои действия на местности отрабатывали с использованием грузомакетов специальных мин. Не исключено, что определенная часть таких грузомакетов могла остаться в вооруженных силах новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР.

Не соответствует действительности появившаяся в конце 1990-х гг. в ряде зарубежных СМИ информация о том, что некоторое количество советских специальных мин («ядерных чемоданчиков») было изготовлено по заказу КГБ СССР и, соответственно, поставлено в это ведомство. Достоверно установлено, что всемогущий КГБ СССР никогда не был заказчиком или созаказчиком какого-либо типа ядерных боеприпасов, а следовательно, и не мог претендовать на поставки этого вооружения. Функции органов КГБ СССР, кстати, как и органов ФСБ России, ограничивались надзором за соблюдением на заводах-изготовителях и в вооруженных силах установленных правил, соответственно, производства и обращения с ядерными боеприпасами.

На начало 1990-х гг. в СССР сохранилась лишь последняя модификация специальных мин (РА115) в количестве менее 200 единиц. Специальные мины более ранних годов выпуска были к этому времени возвращены на заводы-изготовители, там разобраны и утилизированы с соблюдением установленного порядка. Во второй половине 1990-х гг. этот факт был документально подтвержден в ходе специально проведенной комиссионной проверки, о которой в статье будет сказано позже.

Все сохранившиеся специальные мины РА115 в соответствии с уже упомянутыми односторонними американо-советскими инициативами 1991 г. по сокращению нестратегических ядерных вооружений, которые после распада СССР в январе 1992 г. поддержал первый президент России Б.Н. Ельцин, подлежали утилизации до 2000 г.

В апреле 2000 г. в ходе Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия тогдашний министр иностранных дел РФ И.С. Иванов заявил, что «Россия [...] практически завершила уничтожение [...] ядерных мин». Это позволяет утверждать, что взятое Россией обязательство по уничтожению ядерных мин выполнено, если не в первой, то наверняка во второй половине 2000 г.

Таким образом, сегодня ни США, ни Россия не имеют в своем ядерном арсенале малогабаритных ядерных боеприпасов специального назначения ранцевого типа («ядерных чемоданчиков»). Хотя, безусловно, эти ядерные державы располагают необходимой технологической и производственной базой для возобновления производства такого типа ядерных боеприпасов.

Как известно, недавно Вашингтон принял решение о проведении опытно-конструкторской работы по разработке миниатюрных ядерных зарядов. При этом правительство США утверждает, что эти ядерные заряды, если будет принято соответствующее решение, будут использованы для создания высокоточных ядерных боеприпасов проникающего действия, предназначенных для поражения «точечных» высокозащищенных объектов, а отнюдь не для возобновления производства специальных ядерных мин. Так ли это на самом деле, утверждать, как и опровергнуть, невозможно. Как говорится, поживем – увидим.

Может ли какое-либо другое ядерное государство, помимо США и России, иметь в своем ядерном арсенале малогабаритные ядерные боеприпасы специального назначения? Однозначного ответа на этот вопрос у меня нет.

По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира, помещенным в его Ежегоднике 2001 г., **Китай обладает ядерными фугасами, а Израиль – подрывными ядерными устройствами.** Однако сведения о весе, габаритах и мощности этих ядерных боеприпасов отсутствуют. Поэтому не представляется возмож-

ным оценить, подпадают они или нет под категорию малогабаритных ядерных боеприпасов специального назначения.

Теперь представляется необходимым **возвратиться к попыткам обвинения России в неудовлетворительном хранении ее нестратегического ядерного оружия и «расползании» малогабаритных ядерных боеприпасов специального назначения («ядерных чемоданчиков»)**. Уже упоминавшийся А.В. Яблоков в свое время даже утверждал, что «у России есть ядерные заряды, которые не контролирует президент» (имелось в виду, что «ядерные чемоданчики» могут быть приведены в действие – попросту говоря, подорваны – без санкции президента России).

В развязанную в середине 1997 г. по инициативе А.В. Яблокова кампании по обвинению России в якобы допущенных «провалах» в контроле за своим нестратегическим ядерным оружием внес свою лепту и А.И. Лебедь, по большей части в силу личной некомпетентности в вопросах ядерных вооружений и излишней доверчивости к непроверенной информации, которой его обильно потчевали, как представляется, не бескорыстно, находившиеся в запасе или отставке офицеры главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР/РФ.

Президент РФ Б.Н. Ельцин, хотя и с опозданием, среагировал на поднявшуюся «шумиху» в мировом сообществе по поводу «расползания» теперь уже российского ядерного оружия и поручил министрам обороны и атомной энергии провести целевую проверку наличия и сохранности ядерных боеприпасов всех типов как нестратегических, так и стратегических. Для выполнения поручения Б.Н. Ельцина была специально сформирована совместная комиссия Минобороны и Минатома России. Эта **комиссия**, поработав во всех структурах Вооруженных Сил РФ, имеющих отношение к ядерному оружию, и на предприятиях атомной промышленности, причастных к производству ядерных боеприпасов, **пришла к выводу: существующая в России система заказа, учета, распределения и утилизации ядерных боеприпасов, а также постоянный контроль за их сохранностью на всех этапах жизненного цикла и проводимые на постоянной основе систематические проверки показывают, что все ядерные боеприпасы России в наличии, случаев утраты и хищения за все время существования советско-го/российского ядерного оружия не выявлено.**

Результаты работы этой комиссии, по согласованию с Б.Н. Ельциным, в начале декабря 1997 г. были доведены представителями Минобороны и Минатома России до мировой общественности посредством публикаций в СМИ. Правда, следует признать, что, стремясь не разгласить государственную тайну, информация о результатах работы комиссии была подана скупой и не очень убедительно.

Поэтому не удивительно, что в начале 1998 г. вновь активизировались нападки на Россию по обвинению ее в утратах малогабаритных ядерных боеприпасов, которые якобы попали в руки различного рода террористов и экстремистов. Правда, теперь речь уже не шла о других типах российских нестратегических ядерных боеприпасов.

Б.Н. Ельцин дал специальное поручение А.А. Кокошину, в то время секретарю Совета безопасности РФ, досконально разобраться с «ядерными чемоданчиками» и доложить истинную картину.

Проведенная весной 1998 г. группой экспертов аппарата Совета безопасности РФ, в число которых был включен и я, целевая проверка с поштучным просчетом и перекрестной сверкой всех учетных данных о выпуске, утилизации и наличии специальных мин как в ранее упомянутом арсенале Минобороны России, так и на заводах-изготовителях Минатома России подтвердила вывод совместной комиссии Минобороны и Минатома России – случаев утраты и хищения специальных мин нет, учетные данные соответствуют истине. Одновременно экспертами были даны рекомендации по повышению безопасности содержания специальных мин, ожидавших своей очереди по утилизации, которые в сжатые сроки были реализованы как в Минобороны России, так и на предприятиях Минатома России.

Несколько позднее, чтобы навсегда «закрыть» проблематику, связанную с российскими малогабаритными ядерными боеприпасами специального назначения, по инициативе А.А. Кокошина был подготовлен и издан указ президента РФ о запрещении разработки и производства в России когда-либо в будущем подобного типа ядерных боеприпасов.

Что касается утверждения А.В. Яблокова о наличии в России ядерных зарядов, которые могут быть приведены в действие без санкции президента, то, в пределах допустимого, считаю возможным пояснить следующее.

На этапе создания первых образцов специальных мин советского производства вопросам санкционирования их применения, действительно, уделялось недостаточное внимание. Меры по предотвращению их несанкционированного применения базировались, главным образом, на организационных мероприятиях. Но вскоре это «слабое место» было устранено. Последующие модификации специальных мин уже обладали механическими кодоблокировочными устройствами, которые исключали несанкционированный подрыв. Наиболее полно технологические меры по предотвращению несанкционированного задействования ядерного заряда были реализованы в конструкции специальной мины РА115, которая имела электромеханическое кодоблокировочное устройство.

Учитывая, что к началу 1990-х гг. у России, помимо специальных мин РА115, не осталось других модификаций этих подрывных устройств, то заявление А.В. Яблокова о неподконтрольности президенту России «ядерных чемоданчиков», которое он сделал в 1997 г., нельзя воспринимать всерьез. **И тогда, и сегодня применение как нестратегического, так и стратегического ядерного оружия, которым обладает Россия, возможно только с санкции президента РФ**, являющегося по должности Верховным главнокомандующим Вооруженных Сил. Уверен, что так будет всегда, пока Россия будет обладать ядерным оружием. Другого просто не дано.

Если задаться вопросом, возможно ли сегодня создать предельно малогабаритные ядерные боеприпасы, которые бы помещались в контейнер размером с небольшой чемоданчик, саквояж или ридикюль, то на него можно ответить следующим образом.

Современный уровень достижений в области разработки ядерных боеприпасов в принципе позволяет создать предельно малогабаритный «ядерный чемоданчик» весом в 10–12 кг. Но для этого потребуются не оружейный плутоний, не говоря уж о высокообогащенном уране, а трансплутониевые материалы, имеющие малую критическую массу, но и малый период полураспада. Это повлечет за собой необходимость разработки новых оружейных технологий, создание ориентированных на трансплутониевые материалы новых производств, имеющих колоссальную стоимость по сравнению с существующими оружейными ядерными материалами. Безусловно, потребуются и проведение серии ядерных испытаний.

Такие легко переносимые «ядерные чемоданчики» были бы настолько дороги, что не по карману любому даже самому богатому государству. К тому же они имели бы очень короткий срок эксплуатации вследствие быстрого распада ядерной начинки – несколько месяцев. Помимо этого, короткоживущие элементы имеют, как правило, гораздо более мощное радиоактивное излучение, что в сильной степени усложнило бы хранение предельно малогабаритных ядерных боеприпасов и приводило бы к переоблучению обслуживающего персонала. Как говорится, «овчинка выделки не стоит».

Если же всерьез оценивать возможности террористических организаций и экстремистских движений по обладанию ядерными взрывными устройствами, то, прежде всего, **следует учитывать доступность создания ими так называемых «грязных атомных бомб»**. Такого типа взрывные устройства настолько просты, что могут быть изготовлены кустарным способом. По сути, это контейнер с расщепляющимися материалами, обложенный обычным взрывчатým веществом. При его подрыве радиоактивные материалы не вступают в цепную реакцию, а распыляются. Все живое поражает не ядерный взрыв, его просто не происходит, а радиация.

Различных радиоактивных материалов в природе довольно много, к тому же они широко применяются в промышленности и для других народнохозяйственных нужд. Всего же

государств, способных производить расщепляющиеся материалы, более сотни. Как это не прискорбно признавать, необходимые для изготовления «грязной атомной бомбы» расщепляющиеся материалы теперь можно сравнительно легко приобрести на де-факто существующем международном «черном рынке» ядерных технологий и материалов. К месту будет сказано, что совсем недавно выяснилось, кто возглавлял этот «черный рынок». Оказалось, что не люди из так называемых «стран-изгоев», а «отец» пакистанской ядерной бомбы доктор А.К. Хан. Президент Пакистана П. Мушарраф великодушно простил А.К. Хана и даже отказал МАГАТЭ в общении с ним, лишив этот международный орган возможности хотя бы прояснить ситуацию с «черным рынком».

Вот откуда исходит реальная угроза безопасности мирового сообщества, а не от выдумок о «расползании» по миру советских (или российских) «ядерных чемоданчиков».

Единственно эффективный способ предотвращения террористических актов с использованием «грязных атомных бомб» – поставить под полноохватный контроль МАГАТЭ все производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других взрывных устройств. Проект такого международного соглашения, пусть и не в окончательном виде, существует уже более пяти лет, но его до сих пор не удается согласовать в рамках Конференции по разоружению в Женеве. Существуют серьезные разногласия между государствами, обладающими ядерным оружием, и государствами, которые не имеют ядерного оружия. К тому же ряд стран опасаются, что в случае принятия этого соглашения они лишатся возможности развивать свою ядерную энергетику.

И все же мировое сообщество обречено на принятие Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов, если оно хочет жить в условиях, когда террористические акты с применением ядерных боеприпасов и их суррогатов – «грязных атомных бомб» – станут невозможными, не говоря уж о появлении новых государств, обладающих ядерным оружием. Но это отдельный вопрос, который в данной статье не рассматривается.

Примечание

¹ 12-ое главное управление Минобороны России отвечает в Вооруженных Силах РФ за заказ, хранение и эксплуатацию ядерных боеприпасов.

Если Вы профессионально занимаетесь и интересуетесь вопросами международной безопасности, имеете опыт редакторской работы и хотите стать частью научно-исследовательской организации с международной репутацией, то эта информация для Вас.

ПИР-Центр объявляет конкурс на замещение вакансии ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛА ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Должностные обязанности:

- ☐ научное редактирование рукописей, принятых к публикации;
- ☐ постоянная координация с научными рецензентами;
- ☐ осуществление взаимодействия с авторами журнала как по поручению Главного редактора, так и самостоятельно, включая ведение переговоров, заказ статей и контроль над их подготовкой, доведение замечаний рецензентов до сведения авторов, согласование текста статьи и графических материалов с автором перед подписанием номера в печать;
- ☐ участие в выработке редакционной политики журнала, ведение плана текущего номера журнала и стратегического плана редакции;
- ☐ участие в формировании портфеля и развитии журнала по поручениям Главного редактора, Редакционной коллегии и инициативно. Последнее особенно важно с учетом того, что в текущем году планируется значительное расширение проблематики журнала и в связи с этим ставится задача освоения тем, ранее не затрагивавшихся в журнале, и привлечения новых авторов;
- ☐ осуществление взаимодействия с Редакционной коллегией журнала на постоянной основе, подготовка заседаний Редакционной коллегии;
- ☐ координация работы редакции журнала с издательством;
- ☐ самостоятельная подготовка статей и материалов для ряда разделов журнала по заданному плану;
- ☐ участие в научных мероприятиях, проводимых ПИР-Центром, наравне с научными сотрудниками.

Требования:

- ☐ высшее образование (предпочтительно: международные отношения, политология, международная журналистика);
- ☐ опыт научного редактирования рукописей;
- ☐ наличие опубликованных собственных научных работ по проблематике международной безопасности и(или) международных отношений;
- ☐ свободное владение английским языком (знание других языков приветствуется, но не является обязательным);
- ☐ знание компьютера на уровне опытного пользователя: Internet Explorer, Word, Excel, Outlook Express, программы редактирования (основная работа с текстом в Редакции осуществляется в электронном формате);
- ☐ активность, аналитический склад ума, широкий кругозор, желание и умение обучаться, ответственность, обязательность, умение работать в команде, умение работать в цейтноте.

Условия:

- ☐ вакансия выпускающего редактора журнала открыта с 1 марта 2005 г.;
- ☐ полный рабочий день, 40 часов в неделю, пятидневная рабочая неделя (выходные в субботу и воскресенье);
- ☐ работа в штате на контрактной основе;
- ☐ предлагается привлекательная заработная плата (по результатам собеседования).

Резюме с указанием вакансии следует направлять на имя Главного редактора журнала В.А. Орлова по адресу: orlov@pircenter.org или по факсу (095) 234-95-58

Несмотря на многообразие и различие сценариев будущего энергетического развития, есть ряд положений, незыблемых для составления прогнозов в этой области:

- ☐ рост населения и глобального энергопотребления в мире;
- ☐ ужесточающаяся конкуренция за ограниченные и неравномерно размещенные ресурсы органического топлива;
- ☐ нарастающая зависимость от нестабильной ситуации в районах стран-экспортеров нефти;
- ☐ нарастающие экологические ограничения;
- ☐ нарастающее различие в уровне энергопотребления богатейших и беднейших стран.

В этих условиях возрастает роль ядерной энергетики (ЯЭ) как стабилизирующего фактора энергетического и социально-политического развития.

Несмотря на все свои проблемы, «ядерная» Россия остается великой державой как с точки зрения военной мощи, так и в рамках экономического развития (ядерные технологии в экономике России).

Именно президент России выступил в ООН на Саммите тысячелетия (сентябрь 2000 г.) с инициативой обеспечения энергетической стабильности развития на основе ядерных технологий. Эта инициатива оказалась исключительно своевременной и нашла поддержку мирового сообщества: в четырех резолюциях Генконференции МАГАТЭ и в двух резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН приветствуется инициатива президента России как отвечающая чаяниям развивающихся стран и как путь гармонизации отношений индустриальных стран с развивающимися странами.

Инициатива президента РФ – политическая акция, а не технический проект. Так это было принято мировым сообществом и нашло свое отражение в международном проекте МАГАТЭ ИНПРО – по развитию инновационной концепции АЭС и ядерного топливного цикла (ЯТЦ), исключающей использование в мировой энергетике наиболее «чувствительных» материалов и технологий – «свободного» плутония и высокообогащенного урана, и «открывающей миру принципиально новые перспективы жизни» (сентябрь 2000 г.).

Реализация международного проекта ИНПРО позволила объединить усилия экспертов 21 страны – членов МАГАТЭ, и разработать требования и критерии развития ЯЭ, АЭС и ЯТЦ.

Акцент на содержание предложений президента как политической инициативы позволил «оздоровить» атмосферу МАГАТЭ, рассматриваемую западными странами как организацию с полицейскими функциями, ориентировав МАГАТЭ на роль мирового форума по обсуждению места ЯЭ в мире, и, в особенности, для развивающихся стран – в соответствии с инициативой президента. Более того, инициатива президента РФ подразумевает передачу новой инновационной ядерной технологии АЭС и ЯТЦ новому поколению ученых и инженеров – как наследие наших знаний и опыта. Новая программа МАГАТЭ в области «сохранения знаний» сконцентрирована на сохранении знаний и опыта в самой передовой и ключевой для будущего развития (но не востребованной сегодня) области ядерной энергетики – реакторах на быстрых нейтронах в замкнутом ЯТЦ.

Сохранение и передача знаний новому поколению накладываются на задачу глобальной кооперации в области ЯЭ: «Запад – Восток» и «Север – Юг»; на передачу знаний как во времени, так и в пространстве – в новые регионы (в первую очередь, в развивающиеся страны, где проживает 4/5 населения планеты и используется менее 1/25 мощностей ЯЭ).

Это послужило причиной для выдвижения инициативы по созданию Международного ядерного университета (по инициативе МАГАТЭ, поддержанной Всемирной ядерной ассоциацией (ВЯА, WNA) и Всемирной ассоциации операторов АЭС (BAO, WANO)) – логичное развитие инициатив президента РФ.

Однако в практической реализации программы развития ЯЭ внутри страны и в реализации наших технических проектов на международном рынке все более отчетливо проявляются негативные тенденции. Первый звонок уже прозвучал: проигрыш тендера в Финляндии, означающий для специалистов практическую потерю шансов на место на рынке не только в Европе, но и (по тем же причинам, что и в Финляндии) снижение шансов на успех в ближайшие десятилетия в Китае, а также в других странах Азии. Более того, в ближайшем будущем ситуация на международном рынке будет становиться гораздо менее благоприятной в силу следующих причин:

- ☐ вывод из эксплуатации энергоблоков АЭС, на которые Росатом (концерн ТВЭЛ) поставляет топливо (Игналинская АЭС, ряд блоков «Козлодуй» и др.);
- ☐ вступление в Евросоюз стран Восточной Европы – владельцев АЭС с реакторами типа ВВЭР;
- ☐ окончание поставок в США ядерного топлива по контракту ВОО-НОУ после 2013 г.;
- ☐ ввод завода с центрифужной технологией в США после 2006 г.;
- ☐ создание транснациональных корпораций в ядерной сфере (концентрация ресурсов, снижение издержек);
- ☐ реализация новых конкурентных проектов АЭС, разрабатываемых США (AP-1000, HTGR) и другими странами (EPR).

Вдобавок имеется и ряд внутренних трудностей, осложняющих развитие ядерной отрасли (наряду с недостатком инвестиционных средств):

- ☐ вывод из эксплуатации АЭС по истечении срока службы;
- ☐ закрытие трех промышленных реакторов в Железногорске и Северске;
- ☐ сокращение запасов дешевого уранового сырья, накопленного в прошлые годы;
- ☐ ограничения в правах государственных унитарных предприятий;
- ☐ несовершенная инвестиционная и тарифная политика.

Даже при максимально возможном использовании собственных средств концернов (в соответствии с энергетической стратегией России) вклад АЭС в энергетический баланс

страны будет очень скромным, несмотря на огромный технологический и кадровый потенциал «ядерной» державы.

Ситуация существенно усугубилась в последнее время в связи с реформированием ядерного комплекса России и превращением мощного органа государственного управления Минатома в агентство Росатом. На начальном этапе успешного развития ядерного оборонного и энергетического комплекса роль государства была определяющей во всех отношениях: организационном, финансовом и научном, т.к. этот комплекс определял державную мощь и будущую экономику страны. Для специалистов очевидно, что ядерный щит страны и ядерные технологии мирового использования – две стороны единого научно-технологического комплекса. Без экономически эффективного мирного использования ядерных технологий «ядерный щит» или обрушит экономику России, либо станет «щитом», не обеспечивающим полную безопасность страны.

При этом основной механизм и фундамент державности России – ядерный комплекс оказался вне сферы прямого влияния руководителя государства – президента России.

Как следствие, отсутствие четкости в реальной ядерно-энергетической стратегии приводит к потере преемственности поколений. Так, Россия – наиболее продвинутая страна в развитии реакторов на быстрых нейтронах и в области высшего ядерного образования – не имеет сейчас национальной программы сохранения ядерных знаний и опыта, так же, как не имеет и национальной программы участия во Всемирном ядерном университете.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Дальнейшее эффективное развитие ядерных технологий в силу их особой «чувствительности» невозможно без тесной международной кооперации. При этом очень важно корректно определить ту технологическую и «рыночную» нишу, где еще имеется приоритет отечественных разработок.

На мировом рынке традиционной ЯЭ в ближайшем будущем будет происходить дальнейшая экспансия Европейского энергетического реактора (EPR), выигравшего тендер в Финляндии, а также американского AP-1000 и азиатских (корейского и японского) реакторов.

Отсутствие завершеного технического проекта и неопределенность со сроками референтной демонстрации ВВЭР нового поколения (ВВЭР-1500), а также отсутствие «стандартного», полностью законченного проекта ВВЭР-1000, делает уязвимой позицию России на внешнем рынке традиционных энергетических блоков. Для выбора программы действий необходим, прежде всего, сопоставительный анализ основных показателей отечественных проектов ВВЭР-1000 и ВВЭР-1500 с их западными конкурентами на момент реализации.

В этих условиях, учитывая контрактные обязательства в Китае и Индии, необходима концентрация средств на завершении и демонстрации для внутреннего и внешнего рынков стандартного конкурентоспособного ВВЭР-1000 и выполнение технического проекта ВВЭР-1500, сравнимого по показателям с EPR.

Потенциально благоприятным для России может быть рынок (внутренний и внешний) инновационных малых АЭС. Огромный отечественный опыт разработки и создания ЯЭУ для военно-морского и ледокольного флота (более 500 ЯР) и уникальность отечественных водо-водяных и жидкометаллических (Pb-Bi) ядерных энергетических установок ЯЭУ, наряду с потенциально огромным энергетическим рынком развивающихся стран, делает это направление приоритетным для внутреннего и внешнего рынков. Россия является идеальным полигоном для демонстрации гармоничного развития традиционной ЯЭ (с блоками ВВЭР-1000) и инновационных разработок малых ЯЭУ (электричество, обессоливание, теплофикация). При этом может быть продемонстрирована возможность лизинговой поставки «продукта» (ЯЭУ, топливо), а не технологии, что является одной из возможностей решения проблемы «нераспространения».

Решающим здесь может оказаться создание малых транспортабельных АЭС (например, плавающих) со сроком непрерывной работы (без перегрузки в течение всего срока работы) ~ 10–20 лет.

Общепризнанной является роль реакторов на быстрых нейтронах для будущего развития ЯЭ как основы решения проблемы топливообеспечения с использованием как уран-плутониевого, так и торий-уранового замкнутых топливных циклов.

Важна роль разработки и внедрения нового поколения реакторов-размножителей ядерного топлива на быстрых нейтронах и новых методов переработки ядерного топлива для замыкания ядерного топливного цикла и решения проблемы практически неограниченного топливообеспечения ядерной энергетики. Признанный передовой уровень технологии быстрых реакторов в России – единственной стране, эксплуатирующей коммерческий реактор этого типа, в сочетании с опытом переработки ядерного топлива позволит России в долгосрочной перспективе претендовать на роль одного из лидеров мировой ЯЭ, снабжающего услугами по производству и переработке ядерного топлива многие страны мира при одновременном снижении опасности распространения ядерного оружия, в том числе путем энергетической утилизации «оружейного» плутония.

Необходимым и обязательным условием решения этой проблемы является, прежде всего, развитие полностью замкнутого ядерного топливного цикла, что потребует достаточно серьезных капиталовложений в:

- ☐ комплекс по производству плутониевого топлива для быстрых реакторов и МОХ-топлива для ВВЭР-реакторов;
- ☐ комплекс по переработке плутониевого топлива;
- ☐ комплекс по производству и переработке ториевого топлива.

Сложным для решения в настоящее время является вопрос о строительстве АЭС с БН-800. Строительство требует многих затрат. В качестве доводов в пользу необходимости скорейшего строительства БН-800 приводится следующее:

- ☐ отработка уран-плутониевого топлива;
- ☐ энергетическая утилизация «излишков» оружейного плутония;
- ☐ сохранение знаний и опыта разработки быстрых реакторов в России.

В то же время удельные капиталовложения и себестоимость отпускаемой электроэнергии для БН-800 существенно превышают показатели АЭС с реакторами ВВЭР.

Кроме того, накладным представляется выполнение всего комплекса производств по замыканию топливного цикла и его использование только для одного БН-800.

Реализация преимуществ ЯЭ невозможна в полной мере без ее участия в производстве искусственного жидкого топлива для транспорта и других промышленных применений. Создание АЭС с высокотемпературными гелиевыми реакторами – это путь использования ядерной энергии для производства водорода и его широкого применения в эре водородной экономики. Для достижения этой цели необходимо завершение разработки проекта и создание демонстрационного блока для развития направления высокотемпературных реакторов с гелиевым теплоносителем, способных вырабатывать тепло с температурой до 1000°C, для производства электроэнергии с высоким КПД в газотурбинном цикле и для снабжения высокотемпературным теплом и электричеством процессов производства водорода, а также технологических процессов опреснения воды, химической, нефтеперерабатывающей, металлургической и других отраслей промышленности.

Большинство аналитиков признают, что инновационные задачи ядерной энергетики должны быть решены в течение ближайших двух десятилетий, с тем чтобы обеспечить коммерческое внедрение новых технологий в тридцатые годы этого века.

Таким образом, сегодня мы стоим перед острой необходимостью разработки и внедрения технологических инноваций, обеспечивающих долговременное и масштабное развитие ядерной энергетики страны, ядерных технологий, обеспечивающих реализацию их исторической роли в будущем России. Решение этой задачи невозможно в одиночку. Требуется активное сотрудничество с мировым ядерным сообществом. Однако это мировое сообщество проявляет намерение оставить нас на обочине ядерной дороги.

Разработка инновационных ядерных технологий – это трудная капиталоемкая задача. Ее решение не под силу одной стране. Поэтому в мировом сообществе складывается сотрудничество по разработке инновационных ядерных технологий – как на межправительственном уровне, так и на уровне промышленных компаний. Показательно в этом отношении подписанное 28 февраля 2005 г. США, Англией, Францией, Японией и Канадой Соглашение о разработке ядерных энергетических систем нового поколения: быстрый гелиевый реактор; быстрый натриевый реактор; быстрый свинцовый реактор; реактор на расплавах солей; легководный реактор со сверхкритическими параметрами; сверхвысокотемпературный реактор. Россия, обладающая уникальным опытом по некоторым из этих технологий, не участвует в этом партнерстве. Что это: временное отлучение или устойчивая позиция наших западных партнеров?

НЕОБХОДИМЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Необходима активная государственная политика в топливно-энергетическом комплексе страны, направленная на обеспечение ускоренного развития ядерной технологии: с концентрацией усилий и средств для увеличения государственной поддержки в инвестиционной политике и в инновационных проектах ЯЭ.

Необходимо формирование финансово-экономических механизмов поддержки и стимулирования инновационной деятельности в сфере ядерной энергии.

Очевидно, что рынок без дополнительных мер государственного регулирования не выводит экономику страны на высокотехнологичную траекторию развития, а атомная энергетика и ядерно-топливный цикл являются одним из направлений структурного сдвига в экономике страны и прорывных технологий XXI века.

Представляется необходимым восстановление эффективных корпоративных связей в цепочке «наука – проект – промышленность» на основе экономических методов при усилении роли ведущих государственных научных центров, которые являются и будут являться «коллективными экспертами», гарантирующими компетентность решений государственных структур в сфере ядерных технологий.

Нужна приоритизация инновационных проектов (в том числе с активным участием российских экспертов в международном проекте МАГАТЭ ИНПРО), концентрация усилий (финансовых и организационных) на технологиях и достижениях, способных обеспечить России достойное место на международном рынке ядерных технологий и расширить экспортные возможности страны. Необходимо налаживание международного сотрудничества по разработке ядерных систем нового поколения.

Необходимо обеспечение аккумулирования, сохранения и передачи знаний и опыта в ядерной области, с активным привлечением исследователей в ядерную отрасль путем экономического (финансового и др.) и организационного стимулирования студентов, аспирантов и привлечения ведущих инженеров, исследователей и ученых к работе в «головных» ядерных университетах и кафедрах страны: МИФИ, ОИАТЭ, МВТУ, МЭИ, МФТИ, МАИ, МГУ и др. Практическая реализация задачи сохранения ядерных знаний и опыта может быть достигнута путем разработки, утверждения и реализации «национальной программы» в этой области, создания Российского Центра ядерных знаний и технологий (интегрированного научно-образовательного центра).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Долгосрочные интересы энергетической и национальной безопасности России, а также устойчивое развитие страны требуют увеличения доли ядерной энергии в производстве электричества, водорода, промышленного и бытового тепла. Накопленные за 50 лет существования в стране ЯЭ огромный технологический опыт и научно-технический потенциал позволяют России, при соответствующих условиях и инновационной политике, выйти на «ядерную передовую» и стать одним из лидеров следующей ядерной эры на благо своего народа, а также ведущим поставщиком ядерных технологий, оборудования, знаний и опыта в развивающиеся страны.

Регион Центральной Азии в последнее время привлекает к себе все больше внимания. Во-первых, в данном регионе, система безопасности которого неразрывно связана с глобальной системой безопасности, проблема «новых вызовов» стоит особенно остро. Международный терроризм, религиозный экстремизм и этно-национальный сепаратизм, организованная преступность, незаконный оборот наркотических средств и оружия, нелегальная миграция нашли благодатную почву на территории «евразийских Балкан»¹.

Проблема международного терроризма заслуживает отдельного рассмотрения: в центрально-азиатском регионе оперируют международные террористические организации или их подразделения, радикально настроенные исламские фундаменталисты, экстремистские группировки, что, вне всякого сомнения, вызывает обеспокоенность как государств региона, так и всего мирового сообщества. Территориальная близость Афганистана, который, несмотря на относительный «успех» операции антитеррористической коалиции, все еще остается «осиным гнездом» терроризма и наркобизнеса, также является дестабилизирующим фактором.

Во-вторых, с геополитической точки зрения, а также ввиду богатых человеческих и природных ресурсов, в частности, энергоносителей², Центральная Азия представляет собой стратегически важный регион, где пересекаются интересы многих участников – будь то державы глобального значения, как Россия, Китай и США, будь то державы регионального значения, как Пакистан, Индия, Иран, будь то международные организации, как ООН, НАТО, ОБСЕ и др.

Не секрет, что постановка проблемы международного терроризма является многоцелевым политическим инструментом. Под флагом войны с террором осуществляются многопрофильное сотрудничество, консолидация международного общественного мнения, мобилизация политической воли, реализуются интересы различных государств. В первые годы после развала СССР на постсоветском пространстве наблюдались дезинтеграционные процессы, напоминавшие бракоразводный процесс. Не минуло это и регион Центральной Азии. Однако после усиления экстремистских, сепаратистских настроений, активизации деятельности террористических сил, руководство заинтересованных государств Центральной Азии пришло к выводу о необходимости дать коллективный ответ этой угрозе, что послужило импульсом для интеграционных процессов.

Международно-правовая база борьбы с терроризмом в настоящее время далека от совершенства, что связано, прежде всего, с тем, что не существует единого подхода к проблеме. В этой связи очень важно рассмотреть накопленный опыт сотрудничества различных стран и международных организаций. Государства Центральной Азии активно принимают участие в построении такой системы безопасности в регионе, которая смогла бы эффективно упреждать и оперативно реагировать на террористические акции;

Схема 1. Центральная Азия

присутствующие интересы внерегиональных сил также не могут не оказывать влияния на этот процесс. Опыт этих государств мог бы внести позитивный вклад в дело укрепления глобальной системы безопасности.

Проблема международного терроризма, экстремизма и сепаратизма неразрывно связана и с другими «новыми вызовами» безопасности, в частности, с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и оружия. Это означает, что опыт противодействия каждому виду преступной деятельности в отдельности, несомненно, представляет интерес с точки зрения противостояния другим угрозам и мог бы обогатить представление о мерах борьбы с другими видами преступной деятельности.

В связи с этим в данной работе автор ставит целью проследить историю и логику развития сотрудничества государств и международных организаций в регионе в борьбе с международным терроризмом, рассмотреть действующие механизмы противодействия этой угрозе, проанализировать их функционирование, потенциал и перспективы дальнейшего развития через призму происходящих внутрирегиональных политических процессов.

УГРОЗА ТЕРРОРИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Общая площадь Центральноазиатского региона (ЦАР) – 4 млн кв. км, население – более 55 млн. человек. Этническую мозаику региона составляют более 130 различных народов и этнических групп. ЦАР граничит с Афганистаном (2 087 км), Ираном (992 км), Китаем (2 805 км), Россией (6 846 км)³. ЦАР – единственный регион мира, где смыкаются все четыре мировые религии – христианство, ислам, конфуцианство, буддизм.

Совокупность определенных исторических, геополитических, экономических, социально-культурных факторов объясняют подверженность и уязвимость пяти государств региона (Казахстана [РК], Киргизии [КР], Таджикистана [РТ], Туркменистана, Узбекистана [РУ]) перед террористической угрозой.

Крупные города Ферганской долины (состоящей из территорий сопредельных государств – Киргизии, Таджикистана и Узбекистана) – Наманган, Андижан, Худжанд и Ош – были в свое время духовными центрами мусульманства Центральной Азии: именно в них располагались основные учебные центры религиозного управления. Долина издавна славилась как крупный независимый от официальных властей теологический центр. Не случайно многие радикальные силы ставят целью создание на территории Центральной Азии исламского государства «ФАНО»⁴ с ядром в Ферганской долине, которое, по замыслу, должно стать частью Всемирного Исламского Халифата. Советский тоталитарный режим не смог полностью разрушить учреждения ислама, он загнал религиозное течение в глубокое подполье, но не уничтожил его. После обретения центрально-азиатскими государствами независимости и исчезновения советской идеологии в регионе образовался идейный вакуум, и ислам, оказавшись востребованным, вышел из подполья. Исламские идеи⁵ быстро распространились⁶, что сопровождалось политизацией религии. Религиозные школы Оша, Намангана, Худжанда и Андижана усилили контакты с зарубежными мусульманскими организациями, в результате чего произошла трансформация функционирования и идеологии этих школ – они превратились в самостоятельные религиозные центры радикального толка, программы которых включали пропаганду определенных социальных и политических взглядов. Таким образом, получила импульс активизация воинствующих религиозных течений.

В результате распада Советского Союза разделительные линии между республиками, носившие чисто административный характер, были приняты в качестве международных (хотя и остались некоторые спорные участки). Как и следовало ожидать, новые независимые государства региона энергично принялись за определение и укрепление государственно-территориальных границ, что послужило как поводом для межгосударственного сотрудничества, так и причиной напряженности. Вероятно, объяснить это можно следующим: во-первых, существующие в регионе границы не соответствуют компактному проживанию многочисленных этносов. Вне всякого сомнения, этот факт может быть использован для провоцирования заинтересованными сторонами размежевания, межэтнической розни, конфликтов (вплоть до межгосударственных), другими словами, для дестабилизации ситуации в регионе. Во-вторых, очевидно то, что, несмотря на напряженные усилия (как коллективные, так и в одностороннем порядке) государств региона, направленные на укрепление государственных границ, они остаются прозрачными для таких транснациональных угроз, как международный терроризм, религиозный экстремизм и этно-национальный сепаратизм, незаконный оборот наркотиков и оружия, нелегальная миграция.

Политический климат практически в большинстве государств региона характеризуется многими экспертами как нестабильный; в целом, регион переживает переходный период трансформации политических и социально-экономических систем. Зачастую официальные власти оказываются неспособными контролировать часть своих территорий. Это проявляется в том, что на территориях государств региона ведут активную деятельность террористические и другие преступные и криминальные организации и группировки. Низкий уровень экономического развития⁷, большой размах безработицы вызывают рост недовольства официальными властями, что неизбежно ведет к радикализации взглядов населения. В связи с этим, экстремизм находит питательную почву в регионе и богатый потенциал, что не может не обуславливать активизацию террористических сил в регионе.

До антитеррористической операции в Афганистане, последний представлял собой транснациональную базу международного терроризма. В результате успешной, с чисто военной точки зрения, антитеррористической операции режим талибов, как центр радикальных сил, пал. Однако говорить о том, что террористическая угроза ликвидирована, еще рано. Террористические силы не уничтожены – произошла лишь их перегруппиров-

ка: многие из террористов покинули Афганистан и нашли прибежище в других государствах, таких, как Пакистан, страны Залива, Таджикистан, Узбекистан и др. Сегодня совершенно ясно, что территориальная близость Афганистана к Центральной Азии во многом определяла, все еще определяет и в обозримом будущем будет определять состояние безопасности в регионе.

Вообще, необходимо подчеркнуть, что в Центральной Азии имеют место все четыре вида «общепризнанных» детерминант терроризма как социально-политического феномена:

- ☐ социально-экономическая,
- ☐ идеологическая,
- ☐ геополитическая,
- ☐ глобализационная⁸.

Так, Б.А. Мыльников, руководитель Антитеррористического центра СНГ, в качестве факторов, определяющих опасную динамику тенденций на постсоветском пространстве, в частности на территории государств ЦАР, выделил следующие:

- ☐ экономический и социальный кризис, безработица и обнищание значительной части населения;
- ☐ рост настроений национализма, национальной нетерпимости, религиозного экстремизма и сепаратистских настроений;
- ☐ обостренное чувство социальной неустроенности и незащищенности у значительной части населения;
- ☐ утрата многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров, разрушение моральных ценностей традиционного ислама и рост агрессивности;
- ☐ рост преступности, падение авторитета власти, закона, веры в ее способность обеспечить безопасность граждан;
- ☐ активизация незаконного оборота наркотиков и оружия;
- ☐ неэффективность исполнительных органов власти⁹.

Наконец, необходимо выделить еще одну причину, определяющую уязвимость региона перед угрозой международного терроризма: противоречивость интересов, низкий уровень доверия и напряженность в отношениях между центрально-азиатскими республиками препятствуют интеграционным процессам, в частности, в военно-политической сфере, необходимым для политической консолидации и коллективного отпора международному терроризму.

Все эти факторы объясняют озабоченность как руководства самих государств региона, так и всего мирового сообщества в связи с конфликтогенностью региона, обретшей долгосрочный характер.

УСИЛИЯ ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Обострившаяся за последние 10–15 лет проблема международного терроризма в регионе Центральной Азии повлекла необходимость государств региона и всего мирового сообщества предпринять безотлагательные меры для отпора этой угрозе. После окончания холодной войны, в период которой две супердержавы фактически могли и осуществляли контроль над политическими процессами, происходящими в мире, биполярная система мирового порядка уступила место многополярному. Человечество встало пе-

ред необходимостью построения новой эшелонированной, многоуровневой (глобальный, региональный, субрегиональный уровни) системы безопасности, адекватной времени и политическим реалиям, которая была бы в состоянии отразить новые вызовы и угрозы безопасности.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГРОЗЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Что касается региональных механизмов, действующих в Центральной Азии, антитеррористическая политика проводится, в основном, за счет механизмов Антитеррористического центра СНГ, Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества, деятельность которых рассмотрена ниже.

Таблица 1

Состав основных участников организаций/объединений в интересах обеспечения безопасности в Центральной Азии

Структуры \ Государства	Казахстан	КНР	Киргизия	Россия	Узбекистан	Таджикистан
АТЦ СНГ	+	-	+	+	+	+
ДКБ	+	-	+	+	1992–1999 гг.	+
ШОС	+	+	+	+	+	+
					с 2001 г.	
ЦАС	+	-	+	+	+	+
				с 2004 г.		

Р
О
З
Б
О

Антитеррористический центр (АТЦ) СНГ¹⁰

1 октября 1999 г. в Киеве Совет министров внутренних дел государств-участников СНГ выступил с инициативой о консолидированном ответе угрозе, исходящей со стороны международного терроризма – о создании при Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ *Временного антитеррористического центра*, в полномочиях которого была бы координация взаимодействия органов внутренних дел стран СНГ. 25 января 2000 г. в результате совещания по итогам Стамбульского саммита ОБСЕ была разработана Межгосударственная программа совместных мер борьбы с международной преступностью на период с 2000 по 2003 г., также было решено создать единый антитеррористический центр. 21 июня 2000 г. на саммите в Москве было принято принципиальное решение о создании АТЦ СНГ, когда Решением Совета глав государств СНГ была утверждена Программа государств-участников СНГ по борьбе с терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 г.

Руководство деятельностью АТЦ СНГ осуществляет Совет руководителей органов безопасности и специальных служб государств-участников СНГ (СОРБ)¹¹. АТЦ возглавляется руководителем¹², назначаемым Советом глав государств СНГ. Руководитель Центра имеет трех заместителей – представителей от Совета министров внутренних дел госу-

дарств-участников СНГ (первый заместитель), Совета министров обороны государств-участников СНГ и Совета командующих Пограничными войсками. Центр начал функционировать 1 декабря 2000 г., когда СГГ СНГ утвердил Положение об АТЦ, одобренное 10 марта 2000 г., его численность, порядок, объем финансового обеспечения.

АТЦ является «постоянно действующим специализированным органом СНГ и предназначен для обеспечения координации и взаимодействия компетентных органов государств Содружества в области борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма»¹³. Основная задача – аналитическая работа: накопление, обобщение, анализ информации о состоянии, динамике и тенденциях распространения международного терроризма и иных проявлениях экстремизма, предоставление практических рекомендаций государствам СНГ. Центр формирует банк данных о международных террористических организациях в странах СНГ, их лидерах, лицах или структурах, оказывающих им поддержку. Центр сотрудничает с государствами СНГ в проведении оперативно-розыскных мероприятий, операций по борьбе с терроризмом, а также проводит антитеррористические командно-штабные и оперативно-тактические учения; организует обучение и подготовку специалистов антитеррористических подразделений.

В своей работе АТЦ активно взаимодействует с Советом министров внутренних дел, Советом министров обороны, Координационным советом генеральных прокуроров, Советом командующих Пограничными войсками государств-участников СНГ, их рабочими органами, а также с Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников Содружества.

Ввиду того, что в последнее время в регионе Центральной Азии наблюдается активизация террористической деятельности, в августе 2001 г. в Бишкеке (Киргизия) развернута региональная оперативная группа АТЦ, впоследствии, 7 октября 2002 г., преобразованная Решением саммита в Кишиневе в отделение АТЦ по центрально-азиатскому региону.

В рамках АТЦ разрабатываются и реализуются Программы антитеррористической деятельности. Так, на Кишиневском саммите 2002 г. одобрен проект Программы антитеррористической деятельности на период 2004–2005 гг., а также утверждено Положение о порядке реализации и проведения антитеррористических мероприятий на территориях государств-участников СНГ. Ведется работа по разработке Концепции по борьбе с терроризмом и иными проявлениями экстремизма, которая должна стать основным организационно-политическим документом, на котором будет базироваться антитеррористическая политика СНГ и каждого его государства-участника в отдельности, а также Программы по борьбе с терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период 2005–2007 гг.

Центр ежегодно проводит совместные командно-штабные, оперативно-тактические и тактико-специальные учения. 24–26 апреля 2001 г. в Киргизии (г. Ош) прошло совместное командно-штабное учение «Юг-Антитеррор – 2001», в котором приняли участие представители 9 государств (всех государств-участников СНГ, кроме Армении и Грузии). В том же году сотрудники Центра принимали участие в учениях «Южный щит Содружества – 2001», организованных Штабом по координации военного сотрудничества государств Содружества, и командно-штабной военной игре с подразделениями штаба, оперативными группами вооруженных сил государств-участников Договора о коллективной безопасности (ДКБ). 15–20 апреля 2002 г. в Казахстане, Киргизии и Таджикистане были проведены комплексные оперативно-тактические учения «Юг-Антитеррор – 2002», в котором приняли участие 8 государств, а также в качестве наблюдателей – руководство коллективных сил быстрого развертывания (КСБР) ЦАР. В рамках учений силами Киргизии, Казахстана, России и Таджикистана была проведена совместная операция «Граница – заслон».

Ведется работа по установлению, укреплению и развитию рабочих контактов с международными антитеррористическими организациями. Так, 22 ноября 2002 г. АТЦ представил контртеррористическому комитету (КТК) СБ ООН информацию об антитеррори-

стической деятельности СНГ. 6 марта 2003 г. Центр был представлен на специальной встрече КТК с международными, региональными и субрегиональными антитеррористическими организациями. Установлены контакты с Управлением ООН по контролю за наркотиками и предупреждению преступности, в том числе с его структурным подразделением по борьбе с терроризмом, а также с Международным центром борьбы с финансированием терроризма. Более того, все государства СНГ участвуют в обсуждении проблем терроризма с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира» (ПРМ НАТО)¹⁴.

Налажено сотрудничество в предупреждении и пресечении преступлений, имеющих отношение к террористической деятельности. Властями государств СНГ проведен ряд согласованных мероприятий по организации розыска и задержания лиц, причастных к террористической деятельности; пресечения деятельности террористических групп, а также перекрытия каналов оказания им финансовой и иной помощи; выявления баз, тренировочных лагерей, мест лечения и отдыха террористов; перекрытия маршрутов передвижения, а также пресечения на своей территории подготовки к совершению террористических актов на территории других государств-участников СНГ¹⁵.

Динамично развивается сотрудничество Центра с Министерством государственной и общественной безопасности Китая и профильными структурами США, Германии, Австрии, Японии, что не может не сказаться позитивно на выработке единой концепции и разработке международно-правовой базы противодействия угрозе, исходящей со стороны международного терроризма.

В ближайшей перспективе работа Центра будет проводиться по следующим направлениям:

- ☐ развитие сотрудничества органов безопасности и специальных служб государств СНГ и их правоохранительных ведомств;
- ☐ совершенствование мер по предупреждению и пресечению террористических актов на объектах повышенной техногенной и экологической опасности, укрепление взаимодействия и обмена опытом в этой сфере антитеррористической деятельности, а также повышение защищенности объектов, представляющих повышенную техногенную и экологическую опасность;
- ☐ совершенствование механизма взаимодействия АТЦ СНГ с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в частности, Регионального отделения Центра с Постоянной оперативной группой Штаба КСБР ЦАР ДКБ; выработка правовых основ и налаживание рабочих контактов АТЦ СНГ с КТК СБ ООН, Региональной антитеррористической структурой ШОС и другими антитеррористическими структурами;
- ☐ активизация участия общественности и СМИ в предотвращении пропаганды терроризма и иных проявлений экстремизма;
- ☐ подключение к борьбе с международным терроризмом различных институтов государства и общества, создание механизмов целевого финансирования и действенного контроля проводимых в этой сфере мероприятий.

Подводя итоги деятельности Антитеррористического центра СНГ почти за 5 лет существования, автор считает необходимым отметить тот важный позитивный опыт и результаты, которые, вне всякого сомнения, внесли ощутимый вклад в дело построения глобальной и региональной системы безопасности. Прежде всего, реализована политическая воля руководств государств Содружества, что само по себе уже значит многое. Во-вторых, Центр получил международное признание, к нему растет интерес со стороны не только внерегиональных государств и держав, но и со стороны других международных организаций, прежде всего, ООН и ее специализированных учреждений. В частности, ожидается, что АТЦ СНГ станет региональным звеном единой глобальной системы безопасности антитеррористической направленности, координирующую роль деятельно-

сти которой будет осуществлять КТК СБ ООН. В-третьих, благодаря напряженной работе Центра, в которой активно принимают участие 11 государств Содружества, вырабатывается единый подход к проблеме терроризма и борьбы с ним со стороны государств СНГ и полным ходом идет унификация национальных законодательств в этой сфере. В-четвертых, сформирован и функционирует единый банк данных АТЦ СНГ, содержащий информацию о террористических и оказывающих им содействие структурах, что значительно облегчает усилия как регионального, так и мирового сообщества в борьбе с этим злом. В-пятых, в рамках АТЦ СНГ государства-участники проводят практические коллективные мероприятия по выявлению, предупреждению и пресечению деятельности международных террористических организаций, а также по подготовке к реагированию на всевозможные проявления терроризма.

АТЦ СНГ – уникальная структура, аналогов которой в мире нет. Предполагается, что из координирующей и информационно-аналитической структуры Центр перерастет в орган, способный осуществлять руководство совместной антитеррористической деятельностью на всем пространстве СНГ.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)¹⁶

15 мая 1992 г. в Ташкенте сроком на 5 лет главами Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана был подписан Договор о коллективной безопасности (вступил в силу в 1994 г.). В 1993 г. к нему присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия. 2 апреля 1999 г. Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Россией и Таджикистаном был подписан Протокол о продлении ДКБ, в соответствии с которым он продлевается автоматически на пять лет. 7 октября 2002 г. в Кишиневе Стороны Договора подписали Устав Организации ДКБ и Соглашение о правовом статусе ОДКБ, которые вступили в силу 18 сентября 2003 г., что означало преобразование сотрудничества в рамках Договора в международную региональную организацию.

В рамках ОДКБ был подписан ряд важных нормативно-правовых документов, составляющих юридическую базу военно-политического сотрудничества и отражающих его основные направления. Так, в 1995 г. были приняты Концепция коллективной безопасности государств-участников ДКБ, документ об «Основных направлениях углубления военного сотрудничества, подписано Соглашение о создании объединенной системы противовоздушной обороны (ОС ПВО). В 1999 г. был утвержден План второго этапа формирования системы коллективной безопасности, который предусматривал создание коалиционных сил на восточноевропейском, кавказском и центральноазиатском направлениях. В 2000 г. Совет коллективной безопасности (СКБ) принял Меморандум о повышении эффективности ДКБ и его адаптации к современной геополитической ситуации, направляющий деятельность Организации на отражение новых вызовов региональной и коллективной безопасности; были утверждены Положение о порядке принятия и реализации коллективных решений относительно применения сил и средств системы коллективной безопасности, Модель региональной системы коллективной безопасности, Основные положения коалиционной стратегии; Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества¹⁷.

В довершение к подписанным в 2000 и 2001 гг. Соглашению о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности и Протоколу о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности государств-участников ДКБ в 2001 г. СКБ принял решение о создании Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона (КСБР ЦАР)¹⁸, ныне состоящих из 11 батальонов государств-участников ОДКБ. В рамках ОДКБ разработан план развития КСБР до 2010 г., предусматривающий единую экипировку и единообразное вооружение. Также в Бишкеке создана Постоянная оперативная группа (ПОГ) КСБР ЦАР. 23 октября 2003 г. в г. Канте (Киргизия) открыта российская военно-воздушная база, являющаяся авиационным компонентом КСБР ЦАР.

В рамках ОДКБ функционируют Совет коллективной безопасности, Совет министров иностранных дел (СМИД), Совет министров обороны (СМО), Комитет секретарей сове-

тов безопасности (КССБ), Секретариат во главе с Генеральным секретарем Организации (Москва), Объединенный штаб.

Возможности Организации были востребованы в начале 1990-х гг. в связи с необходимостью достижения национального примирения в Таджикистане (создание коллективных миротворческих сил¹⁹), осенью 1996 г. и летом 1998 г. – в связи с опасной динамикой развития событий в близлежащем Афганистане, в 1999 и 2000 гг. – в связи с вторжением международных террористов на территорию Киргизии.

В соответствии с Договором государства-участники обеспечивают свою безопасность на коллективной основе, реализуя право на коллективную оборону, зафиксированное в статье 51 Устава ООН. Цель организации – совместными усилиями предотвратить или ликвидировать в случае возникновения военную угрозу суверенитету и территориальной целостности государств-участников. Основная задача – создать реально действующие механизмы военно-политического взаимодействия, призванные обеспечивать на коллективной основе национальную безопасность государств-участников. Принципиально важным положением Договора стало обязательство государств-участников согласовывать и координировать свои внешнеполитические позиции по международным и региональным проблемам безопасности. Таким образом, ОДКБ представляет собой сугубо оборонительную организацию, призванную противодействовать новым вызовам и угрозам национальной, региональной и международной безопасности, в том числе международному терроризму, незаконному обороту наркотиков и оружия, организованной преступности, нелегальной миграции.

Во внешнеполитическом плане, ОДКБ стремится к развитию сотрудничества с региональными и международными организациями, действующими в сфере безопасности, такими, как ООН и ее специализированными учреждениями, ОБСЕ, НАТО, ЕС, СНГ, ШОС, ЕврАзЭС. На заседании СМД ОДКБ в Бишкеке в ноябре 2003 г. принято Положение о порядке функционирования механизма координации внешнеполитической деятельности государств-членов ОДКБ. На сессии СКБ 18 июня 2004 г. в Астане одобрены Основные направления диалога и взаимоотношений с НАТО.

В октябре 2001 г. в Киргизии были проведены командно-штабная военная игра и совместное тактическое учение на тему «Подготовка предложений и ведение совместных действий против международных бандформирований» КСБР ЦАР, в которых также приняли участие сотрудники Антитеррористического центра. Была проведена совместная командно-штабная тренировка по теме «Подготовка и применение Коллективных сил быстрого развертывания в кризисных ситуациях», в которой также приняли участие представители АТЦ СНГ. В августе 2004 г. в Казахстане и в горном учебном центре Министерства обороны Киргизии «Эдельвейс» (близ г. Балыкчы) в рамках ОДКБ были проведены широкомасштабные учения «Рубеж-2004», в котором были задействованы вооруженные силы Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана. Особенностью этих учений стало применение авиационного компонента КСБР ЦАР, дислоцированного на аэродроме в г. Кант²⁰.

Многие эксперты скептически оценивают перспективы ОДКБ. В самом деле, в развитии этой организации можно выделить не только поступательное движение, но и периоды отката. Вывод Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном своих национальных батальонов, составлявших коллективные миротворческие силы, из Таджикистана; сокращение числа участников ДКБ; а также то, что многие декларации государств-членов ДКБ так и не перешли в практическую плоскость, в принципе, дают для этого основания. Возможно, это можно объяснить периодом переосмысления внешнеполитического курса и концепции безопасности руководством России и других государств-членов СНГ. Однако, по мнению автора, при определенном уровне политической воли участников и особенно России (ведь именно Россия в состоянии дать мощный толчок развитию, а другие государства-члены этого, возможно, и ждут) Организация может реализовать свой огромный потенциал. ДКБ становится основным действующим механизмом интеграции в военно-политической сфере государств-участников. Эта региональная организация имеет реальную возможность стать составным элементом системы общей и всеобъемлющей безопасности Европы и Азии и, соответственно, интегральной частью глобальной системы безопасности.

В целях совместной борьбы с международным терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами преступной деятельности и массовой нелегальной миграцией была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

26 апреля 1996 г. Казахстан, Китай, Киргизия, Россия и Таджикистан заключили в Шанхае Соглашение об укреплении мер доверия в военной области в районе границы. 24 апреля 1997 г. те же страны заключили в Москве Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Согласно этим соглашениям, стороны обязались провести сокращение численности личного состава вооруженных сил, дислоцированных в районе прежней советско-китайской границы, и ликвидацию или вывод за пределы стокилометровой зоны вооружений и военной техники.

По результатам саммита пяти государств в Бишкеке по инициативе Киргизии была создана Бишкекская группа в составе руководителей правоохранительных органов и спецслужб, цель которой заключается в обсуждении актуальных проблем и координации совместных мероприятий.

На саммите в Душанбе 2000 г. «Шанхайская пятерка» преобразована в «Шанхайский форум», где уже присутствовал Узбекистан. На саммите в Шанхае 2001 г. Казахстан, Киргизия, Китай, Россия, Таджикистан и присоединившийся Узбекистан подписали ряд договоров: Декларацию о создании Шанхайской организации сотрудничества, Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. 7 июня 2002 г. в Санкт-Петербурге главы государств-членов ШОС приняли Хартию ШОС и Соглашение о Региональной антитеррористической структуре (РАТС ШОС). В ходе саммита в Ташкенте в июне 2004 г. было подписано Соглашение между государствами-членами ШОС о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также состоялась церемония открытия полкомпо Региональной антитеррористической структуры, которая базируется в Ташкенте (исполком начал функционировать в январе 2004 г.).

ШОС – «механизм многопрофильного сотрудничества государств-членов в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка»²² и т.д. Центральные компетентные органы Сторон осуществляют:

- ☐ обмен информацией о готовящихся или совершенных актах терроризма, организациях, группах и лицах, имеющих к ним отношение; незаконном изготовлении, приобретении, хранении, передаче, перемещении, сбыте и использовании ядовитых, отравляющих, взрывчатых веществ, радиоактивных материалов, вооружения, взрывных устройств, огнестрельного оружия, боеприпасов, ядерного, химического, биологического и других видов ОМУ и его компонентов; источниках финансирования;
- ☐ обмен информацией о проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- ☐ согласованные меры по предупреждению, выявлению и пресечению террористических актов; финансированию, поставок вооружения и оказания иного содействия террористическим организациям и лицам, имеющим к ним отношение; деятельности по подготовке лиц к совершению указанных деяний;
- ☐ обмен нормативными правовыми актами и материалами о практике их применения; обмен опытом работы; подготовку, переподготовку и повышение квалификации своих специалистов в различных формах.

В качестве органов Организации представлены следующие институты: Совет глав государств (собирается ежегодно); Совет глав правительств (собирается ежегодно); Совет министров иностранных дел; Совещания руководителей министерств и/или ведомств;

Совет национальных координаторов (собирается не реже трех раз в год); Региональная антитеррористическая структура; Секретариат (Пекин).

Члены ШОС прилагают усилия по приданию ее деятельности более широкого характера, с выходом за рамки сугубо региональных задач. Организация привлекает все большее внимание со стороны международного сообщества. Так, Организация включилась в работу КТК СБ ООН, была представлена на 5-й встрече высокого уровня ООН с региональными организациями в Нью-Йорке, на встрече ОБСЕ с партнерами в Вене (июнь 2003 г.) и совещании по вопросам предотвращения терроризма в Лиссабоне (сентябрь 2003 г.), налажен контакт с АСЕАН. В Ташкентской декларации по итогам саммита в июне 2004 г. отмечено стремление ШОС сотрудничать с ЕС. К деятельности ШОС проявляют активный интерес Индия, Пакистан, Иран, Монголия и Япония.

В рамках ШОС были предприняты целенаправленные усилия по налаживанию практических взаимосвязей между различными государственными структурами, включая внешнеполитические, оборонные и пограничные ведомства, правоохранительные органы и спецслужбы, службы по чрезвычайным ситуациям, министерства культуры.

Встречи в рамках Шанхайской пятерки, трансформировавшейся в дальнейшем в Шанхайский форум, а затем и в Шанхайскую организацию сотрудничества, претерпели существенную качественную эволюцию – от решения вопросов территориального и военного характера к многопрофильному обсуждению и консультациям по широкому кругу вопросов, включая проблемы международного терроризма и сепаратизма, наркотиков и других угроз стабильности и безопасности региона. На фоне интенсивного сотрудничества центрально-азиатских государств с блоком НАТО и растущей активности США в регионе было бы логично предположить ускорение развития ШОС, локомотивами которой являются Россия и Китай – государства-постоянные члены СБ ООН. Вне всякого сомнения, имеющийся потенциал позволяет Организации претендовать на значительное геополитическое звучание.

* * *

Помимо многосторонних структур взаимодействия по вопросам антитерроризма, государства Центральной Азии прилагают усилия по созданию системы механизмов двух-, (трех-)стороннего сотрудничества. Так, Казахстан и Киргизия подписали Соглашение о взаимной обороне, в соответствии с которым Казахстан обязуется оказать помощь Киргизии в случае чрезвычайных ситуаций. Киргизия и Таджикистан подписали соглашение о взаимном сотрудничестве в рамках концепции КСБР. Действует соглашение между Россией и Туркменией о двухстороннем военно-техническом сотрудничестве. Аналогичное соглашение было подписано в 1994 г. Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном. В октябре 1998 г. в Ташкенте подписана Декларация о всестороннем сотрудничестве Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан, закрепляющая военно-политическое сотрудничество между Россией, Таджикистаном и Узбекистаном. Военно-политическое сотрудничество между Россией и Таджикистаном отличается высокой степенью развития: в РТ расположена крупнейшая российская военная база, находящаяся за пределами РФ.

ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦАР

Рассмотренные механизмы взаимодействия во многом облегчают диалог между государствами ЦАР. Тем не менее, интеграционным процессам в Центральной Азии, в том числе в области безопасности, препятствуют имеющие место разногласия между молодыми республиками. Эти разногласия, имеющие долгосрочный характер и порой приводящие к кризисным ситуациям, в основном строятся вокруг неравномерного размещения в регионе природных ресурсов, в частности, энергоносителей и поливной воды, неурегулированности вопроса границ и, соответственно, проблем национальных меньшинств и территориальных притязаний. Эти проблемы не только не стали объектом эффективного сотрудничества, но, наоборот, использовались амбициозными лидерами молодых республик как рычаги политического давления.

Несмотря на взаимозависимость и взаимодополняемость экономик Республики Казахстан (РК) и Республики Узбекистан (РУ), которые выражаются в привязанности южных казахстанских районов к поставкам газа и электроэнергии из Узбекистана и глубокой заинтересованности последнего в казахском зерне и использовании территории соседа для транзитных перевозок, отношения между двумя государствами в целом можно охарактеризовать как напряженные. Неурегулированность пограничного вопроса (протяженность границы – 2 352 км) не раз приводила к конфликтным ситуациям, порой доходившим до перестрелок. Так, в 1999 г. власти Узбекистана предприняли односторонние меры по демаркации границы в районе казахских поселков Хумсан и Табаксай Бостандыкского района. Ситуацию удалось стабилизировать; однако в том же году Узбекистан установил 7 погранпостов, на что Казахстан ответил размещением 2 погранпостов. В 2000 г. РУ предприняла установку пограничных столбов на территории казахстанского совхоза Багы Сарыагачского района, ситуация стала набирать неприятные обороты, но опасную динамику удалось остановить. В результате сложных переговоров пограничный вопрос удалось урегулировать: в ходе визита президента Узбекистана И.Каримова в Казахстан 17 ноября 2001 г. было подписано Соглашение о делимитации государственной границы, которое охватывает 90% границы, а в сентябре 2002 г. был подписан Договор об отдельных участках казахстанско-узбекской государственной границы, который окончательно ликвидировал разногласия по поводу границы.

Отношения между Республикой Узбекистан и Кыргызской Республикой (КР) также нельзя назвать теплыми. Киргизия находится в глубокой зависимости от регулярных поставок узбекского газа²⁴, так же, как и узбекская часть Ферганской долины серьезно зависит от поставок киргизской воды, особенно в весенне-летний период. Газовый клапан Узбекистана и водный рычаг Киргизии использовались для нажима друг на друга²⁵. Серьезную проблему представляет межэтнический конфликт, проявившийся в столкновениях в 1990 г. и последующем узбекском погроме – «Ошские события»²⁶. Также имеет место и территориально-пограничная проблема. В 1999 г. руководство Узбекистана предприняло ряд односторонних мер по демаркации границы. Кроме того, на территории Киргизии расположены узбекские анклав – Сох, Шахимардан и два безымянных. В 1999 г. узбекские власти заминировали прилегающие к анклаву Сох территории (в 100–250 м от условной границы)²⁷, не установив при этом никаких предупредительных знаков и не предоставив КР карт минных полей²⁸.

Отношения между Республикой Узбекистан и Республикой Таджикистан (РТ) также имеют конфликтный потенциал. С одной стороны, Таджикистан находится в зависимости по транспортному транзиту от поставок узбекских газа и электроэнергии. С другой стороны, невозможно обойти сезонную зависимость Узбекистана от водоорошения Ташкентской и Сырдарьинской областей водой из Таджикистана, а также зависимость по транспортному транзиту. Помимо этих рычагов используются и другие: существует мнение, что руководство РУ периодически использует против Таджикистана полевых командиров узбекского происхождения (И.Бойматова, М.Худойбердыева), а власти Таджикистана – отряды Исламского движения Узбекистана (ИДУ)²⁹. Существуют этнополитические проблемы, обусловленные наличием многочисленных узбекских общин в РТ и, наоборот, таджикских в РУ³⁰. В отношении Таджикистана Узбекистан также предпринимал односторонние шаги по демаркации неделимитированной границы, а с августа 2000 г. – даже по минированию линии границы³¹.

Динамику развития отношений между Узбекистаном и Туркменистаном трудно оценить однозначно. Имеют место разногласия по поводу водопользования, транспортного и трубопроводного транзита, трансграничных месторождений углеводородов. Что касается трансграничных этносов, то крупных конфликтных ситуаций вокруг этого не было³², если не считать ужесточения пограничного режима в 2001 г. со стороны туркменских властей. Вопрос границ также, в принципе, не является болезненным для межгосударственных узбекско-туркменских отношений. Так, 16 января 1996 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в охране государственных границ, в котором было зафиксировано признание линии бывшей межреспубликанской границы в качестве межгосудар-

ственной. 23 июня 2000 г. был подписан Протокол, фиксирующий отсутствие взаимных территориальных претензий, а 22 сентября 2000 г. был подписан Договор о делимитации государственной границы. Однако в 2002 г. Туркменистан в одностороннем порядке увеличил численность группировки погранвойск вдоль границы с Узбекистаном до 4 тыс. чел., а также приступил к инженерно-техническому оборудованию границы.

Отношения между Кыргызской Республикой и Республикой Таджикистан нельзя назвать доверительными. Отмечались некоторые мелкие межэтнические стычки в приграничных районах (которые, впрочем, не имели широкого политического резонанса, что объясняется малочисленностью киргизской и таджикской общин на сопредельных территориях³³). На территории Киргизии, в Баткенской области находятся три таджикских села: Ворух, Чоркух и Сурх. После Баткенских событий руководство Киргизии приняло решение о восстановлении некоторых КПП, а с конца 2000 г. даже проводило минирование отдельных участков на границе с Таджикистаном³⁴. На сегодняшний день существует проблема около 70 спорных участков границы, и работа по решению этой проблемы практически не идет. Однако опыт выстраивания конструктивного диалога между двумя республиками в рамках многосторонних структур есть: 5 июля 2000 г. в рамках ШОС было подписано Соглашение о точке стыка государственной границы Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан.

Казахстано-туркменские отношения не отличаются ни глубиной, ни конфликтогенностью. Потребность Южного Казахстана в природном газе удовлетворяется на 25% туркменским газом. Не отмечалось осложнений межэтнических отношений, что обусловлено малочисленностью казахской и туркменской общин, проживающих на приграничных территориях³⁵. Пограничный (протяженность границы – 400 км) вопрос практически урегулирован: 6 июля 2001 г. были подписаны Договор о делимитации государственной границы между Республикой Казахстан и Туркменистаном и Соглашение о сотрудничестве в охране государственной границы.

Казахстано-киргизские межгосударственные отношения, в целом, можно охарактеризовать положительно: они отличаются высоким уровнем политической координации, что выражается в зачастую схожих или согласованных позициях по большинству международных и региональных проблем. Правда, имеются некоторые разногласия, в основном, в экономической области. Случаи межэтнических конфликтов не отмечались, так как межгосударственная граница в целом соответствует расселению киргизов и казахов. В сентябре 2001 г. было подписано итоговое Соглашение о делимитации государственной границы между Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой. В настоящее время стороны изучают возможность создания вдоль границы зоны военной транспарентности и доверия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существующие разногласия между государствами Центральной Азии по поводу этно-территориальных и пограничных проблем, проблем неравномерного размещения природных ресурсов, в частности, воды и энергоносителей, порождая чувство подозрительности и осложняя межгосударственные отношения, препятствуют политической консолидации и интеграционным процессам в области безопасности. Несомненно, этот факт негативно сказывается на усилиях молодых республик выработать единую концепцию, подход и практическое воплощение политики антитеррористической направленности.

Пересекающиеся интересы внешних сил в Центральной Азии и борьба с международным терроризмом

Центральная Азия представляет собой регион, где пересекаются не всегда совпадающие интересы мировых держав, в частности, России, США и Китая. Хотя и в случае противодействия международному терроризму интересы этих мировых сил совпадают, надо понимать, что под флагом войны с террором они стремятся реализовывать и другие свои внешнеполитические интересы. Принимая это во внимание, было бы полезно рассмотреть взаимосвязь между усилиями региональных и внерегиональных государств в построении региональной системы безопасности и мозаикой порой конкурирующих интересов мировых держав.

Россия

Общеизвестно, что после распада СССР Россия, в силу определенных причин, утратила свои позиции в регионе, и ее политический курс в отношении молодых республик не всегда отличался прагматизмом и последовательностью. В последнее время Россия прилагает усилия по *возвращению* в Центральную Азию, что проявляется в конкретных шагах, имеющих целью дать импульс поступательному движению в рамках структур СНГ, ОДКБ, ШОС, организации «Центрально-азиатское сотрудничество» (ОЦАС). Не будет ошибкой сказать, что локомотивом интеграционных процессов консолидации государств региона в борьбе с международным терроризмом, о которых говорилось выше, является именно Россия. С одной стороны, Центральная Азия объявлена сферой жизненно важных, стратегических интересов России, с другой стороны, не вызывает сомнений тот факт, что Россия вполне может играть роль основного гаранта безопасности в регионе Центральной Азии.

США

Однако не вызывает сомнений и то, что присутствие США в регионе – это свершившийся факт, что также оказывает определенное влияние на картину безопасности в регионе. После развала СССР внешнеполитический курс США в отношении Центральной Азии был направлен на ослабление позиций России и на усиление своих³⁶. Этот курс выражался в концепции «вовлечения и расширения», в соответствии с чем США начали активную политику по сотрудничеству с молодыми республиками региона, в особенности с Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном, в том числе в области военно-политического сотрудничества. Все республики региона были вовлечены в программу НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ)³⁰, некоторые из них даже изъявили желание стать полноправными членами НАТО. В 1997 г. при поддержке США в рамках ЦАС Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном был создан Центрально-азиатский миротворческий батальон (Центразбат), в учениях которого США также принимали участие.³⁷ В апреле 2000 г. Казахстан, Киргизия, Узбекистан и США подписали документ, нацеленный на противодействие угрозе международного терроризма – Инициативу в области безопасности границ (Central Asian Border Security Initiative – CASI)³⁸. В 1999 г. США объявили о том, что Центральная Азия включена в сферу ведения командования Центральной группировки вооруженных сил США (CENTCOM), ответственного за военные операции на Ближнем Востоке. Как заявила Э. Джоунс, помощник госсекретаря США по Европе и Евразии, стратегические интересы США в Центральной Азии включают вопросы безопасности, в том числе проблемы борьбы с международным терроризмом, распространения ОМУ и их компонентов, наркотрафик, энергетическую составляющую³⁹ и внутриполитические реформы⁴⁰. В качестве стратегических интересов США в Центральной Азии Г. Фуллер, аналитик *РЭНД Корпорейшн*, выделил следующие: 1) не допустить возвращения России; 2) пресечь эскалацию исламского радикализма и фундаментализма; 3) завершить ядерное разоружение Казахстана и установить строгий контроль над распространением оружия массового уничтожения; 4) заложить основы для будущего контроля над каспийской нефтью; 5) стабилизировать регион путем влияния на местные правительства.

При подготовке военной акции против Афганистана США обратились к республикам региона с просьбой предоставить воздушное пространство для боевых вылетов и военновоздушные базы и аэродромы. В результате, к концу 2001 г. вооруженные силы возглавляемой США антитеррористической коалиции закрепились в Узбекистане, где им был предоставлен военный аэропорт Карши (Ханабад), а также в Киргизии – в международном аэропорту Манас (военная авиабаза имени Ганси)⁴¹.

Таким образом, фактически обозначенное присутствие США в Центральной Азии уже представляет собой объективный фактор, оказывающий непосредственное влияние на становление региональной системы безопасности. Трудно сказать, будет ли присутствие воинских контингентов США в регионе долговременным или постоянным, ведь предполагалось, что продолжительность пребывания американских военных баз будет определяться временем завершения активной фазы антиталибской операции, однако уже слы-

шатся высказывания представителей США о необходимости пребывания в регионе из соображений обеспечения безопасности как США, так и государств Центральной Азии⁴².

Китай

Значение и вовлеченность Китая в политические процессы, происходящие в регионе, можно объяснить, во-первых, наличием общей и довольно протяженной границы (3 700 км) с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном (что объясняет так называемую «приоритетность» этих государств для внешней политики Китая), во-вторых, наличием на территории КНР своей довольно остро стоящей проблемы террористического характера (уйгурские сепаратистские движения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [СУАР], сепаратисты Тибета) и, в-третьих, глубокой обеспокоенностью возрастающей активностью в регионе США⁴³.

Вопрос границ практически решен как в рамках ШОС⁴⁴, так и в рамках двухстороннего сотрудничества с граничащими республиками. Так, в 1994 г. было подписано Соглашение между Казахстаном и КНР о делимитации казахстано-китайской границы (протяженностью 1 700 км); в 1998 г. Дополнительным соглашением о казахстано-китайской границе посредством обмена территориями были разделены спорные участки; в 1999 г. был подписан Договор о китайско-казахстанской границе. В июле 1996 г. подписано Соглашение между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой о кыргызско-китайской государственной границе (более 1 000 км). В августе 1999 г. было подписано Дополнительное соглашение между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой о кыргызско-китайской государственной границе. В том же году были подписаны соглашения о точках стыка государственных границ Кыргызстана с Казахстаном и Китаем, а в 2000 г. – с Таджикистаном и Китаем. Почти решен вопрос границ с Таджикистаном. То, что пограничный вопрос Китая практически решен с центральноазиатскими республиками, позитивно отразилось на развитии ситуации вокруг СУАР, чем руководство КНР очень довольно⁴⁵.

Отношения Китая и республик ЦАР во многом определяются общей озабоченностью по поводу безопасности, в частности, проблемой борьбы с терроризмом как крайним проявлением религиозного экстремизма и этно-национального сепаратизма. В то время как Китаю, России⁴⁶ и центральноазиатским республикам удалось в определенной степени выработать единый подход к проблеме, видение ее США несколько отличается. Однако, очевидно, что Китай, Россия и США будут основными игроками в Центральной Азии, что вызывает необходимость взаимодействия трех мировых держав.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Подход к проблеме борьбы с международным терроризмом должен быть комплексным. В первую очередь, комплексным в том плане, что работа должна вестись в направлении как «традиционной безопасности» (*hard security*), так и «нетрадиционной безопасности» (*soft security*). Сегодня становится все более очевидным, что борьба с терроризмом предполагает не только и не столько жесткие репрессивные меры – необходимо бороться с причинами и факторами, его порождающими, т.е. уделять больше внимания социально-экономическим детерминантам.

Далее, подход должен быть комплексным и в плане необходимости построения эшелонированной системы безопасности, включающей глобальный, региональный и субрегиональный уровни механизмов противодействия угрозе.

На глобальном уровне важно, чтобы координационную функцию борьбы с терроризмом несла ООН, как организация, ответственная за поддержание мира и безопасности. Именно ООН, на наш взгляд, имеет необходимые ресурсы, чтобы сформировать рамочный подход к проблеме. В принципе, уже имеется позитивный опыт, накопленный деятельностью ООН в антитеррористическом направлении, о чем свидетельствует определенный успех 12 глобальных антитеррористических конвенций.

Необходимо развивать международно-правовую базу и концепцию борьбы с терроризмом, учитывая все возможные сферы, так или иначе имеющие отношение к проблематике. Зачастую кампании террора представляют собой массовые нарушения фундаментальных прав человека (в частности, право на жизнь и безопасность, достоинство и свободу и др.). Эти акции, направленные на то, чтобы посеять ужас среди гражданского населения, являются нарушениями основных «правил ведения войны». Более того, террористы, в основном, являются незаконными участниками войны или непривileгированной воюющей стороной. Принимая все это во внимание, необходимо констатировать, что международное законодательство в области прав человека и международное гуманитарное право являются неотъемлемой, составной частью борьбы с международным терроризмом⁴⁷.

Также к этой проблеме имеет непосредственное отношение сфера международного права, известная как *jus ad bellum* – право объявлять войну другому государству. Дело в том, что за последние несколько десятилетий в международном праве произошла трансформация концепции безопасности – от реагирования на акты агрессии и нападения к превентивным мерам – и расширение понимания права на самооборону. Сегодня ряд государств, таких, как Россия, США и Израиль, считает себя в праве предпринимать упреждающие, превентивные меры, что регламентировано в их военных доктринах и концепциях национальной безопасности, и применять военную силу против предполагаемых террористов независимо от их местонахождения⁴⁸, что неизбежно влечет отличную от традиционной интерпретацию понятия «национальный суверенитет». В этом свете, само словосочетание *war on terror* – война с террором – ставит вполне логичный вопрос: против кого – против личностей, групп лиц или государств – ведется эта война. На этот вопрос пока нет адекватного ответа, и международное сообщество расколото. Особенно важно, чтобы применительно к государствам было уточнено содержание понятия «национальный суверенитет». Кроме того, необходимо привести в соответствие международное право и национальные законодательные системы.

Принимая во внимание то, что ни один террористический акт не может считаться успешным без широкого освещения в СМИ, необходимо ограничить фактор воздействия СМИ на международное общественное мнение, т.е. устроить террористическим силам «информационную блокаду» в рамках единой концепции информационного противоборства с терроризмом⁴⁹.

В отношении регионального уровня применительно к Центральной Азии необходимо отметить следующее. Существующие механизмы, в рамках которых происходит сотрудничество региональных государств по борьбе с терроризмом (в основном, можно выделить АТЦ СНГ, ОДКБ, ШОС, а также ЦАС⁵⁰), на сегодняшний день в целом завершили этап институционализации. Интересы и сферы ведения этих организаций во многом пересекаются, однако, по мнению автора, пока рано говорить об эффективности и дуближе в сфере региональной безопасности: эти организации еще не в полной мере отработали механизмы своей деятельности; как представляется, со временем эти многосторонние структуры отладят схему взаимодействия и будут гармонично дополнять друг друга. Так, сегодня АТЦ СНГ хорошо зарекомендовал себя в качестве мощного информационно-аналитического центра, не имеющего аналогов в мире. ОДКБ постепенно движется в сторону военно-политического блока с отлаженным механизмом военно-технического сотрудничества. Впечатляющие успехи ШОС дают основания надеяться на то, что эта организация, в состав которой входят такие гиганты, как Россия и Китай, внесет неоценимый вклад не только в дело борьбы с международным терроризмом, но и построение системы безопасности большей части евразийского континента. К ШОС уже присматриваются Европейские государства (Франция, Германия), другие региональные организации (ОБСЕ, АСЕАН), а также такие региональные державы, как Индия, Пакистан, Иран, Япония. На основе вышесказанного можно сделать вывод, что, вне всякого сомнения, у всех трех организаций огромный потенциал и довольно хорошие шансы на то, чтобы в перспективе совместно отстроить адекватную современным международно-политическим тенденциям и реалиям систему региональной безопасности, которая была бы одним из столпов формирую-

щейся системы глобальной безопасности, промежуточным звеном между глобальным и субрегиональным уровнями.

В условиях глобализации успешно отстаивать свои интересы в состоянии только крупные державы или региональные объединения. К сожалению, сегодня очевиден тот факт, что глобализация международного терроризма происходит быстрее, чем глобализация усилий государств по борьбе с ним. В отношении региона Центральной Азии это также является злободневной проблемой. «Разновекторность», неоднозначность, а порой даже непоследовательность и непредсказуемость внешней политики молодых независимых государств региона, существующие разногласия между ними снижают уровень доверительности и, соответственно, тормозят интеграционные процессы в области безопасности. Естественно, это отражается и на формах двухстороннего сотрудничества, которое, как показывает практика межгосударственного взаимодействия, оказывается наиболее эффективным.

Нынешняя картина безопасности в ЦАР привлекает пристальное внимание со стороны ведущих мировых сил – таких, как Россия, Китай и США. Борьба с международным терроризмом органично вписывается во внешнеполитические устремления этих мировых держав. Однако их интересы применительно к региону можно с определенной степенью уверенности охарактеризовать как, по меньшей мере, пересекающиеся, а то и конкурирующие. Нынешняя ситуация в Киргизии, где российскую военную авиабазу в г. Кант⁵¹ (авиационный компонент КСБР ЦАР) и небезосновательно называемую американской базой антитеррористической коалиции им. Ганси (аэропорт Манас) разделяют несколько десятков километров, является беспрецедентной и в высшей степени символичной. С одной стороны, налицо глубокая заинтересованность России и США в регионе, характеризующаяся многими экспертами как опасная; с другой стороны, очевидна возможность тесного сотрудничества двух держав по вопросам, представляющим взаимный интерес, в частности, в построении региональной системы безопасности антитеррористической направленности. Китай также все больше распространяет свое влияние на государства Центральной Азии. Клубок этих соперничающих интересов, которые можно назвать «Новой большой игрой»⁵² в Центральной Азии, не может не оказывать определенного влияния на становление системы безопасности. Руководство РФ, КНР и США должно понимать это, должно осознать общность интересов в противостоянии угрозе, исходящей со стороны международного терроризма, религиозного экстремизма и этно-национального сепаратизма, и необходимость создания механизма трехсторонних консультаций, должно найти общий язык и выработать единый подход к проблеме. К тому же, нельзя забывать и о державах регионального значения – таких, как Иран, Пакистан и, конечно, Индия, которые также выстраивают свою собственную политику в отношении центрально-азиатских государств.

Сегодня международный терроризм является одним из самых опасных и трудно предсказуемых социально-политических явлений. Благодаря способности умело встраиваться в текущую конъюнктуру политических процессов и оказывать колоссальное влияние на международное общественное мнение и поведение целых государств, а также благодаря имеющимся в распоряжении ресурсам (идеологическим, организационным, финансовым) терроризм представляет собой независимую силу, оказывающую непосредственное влияние на развитие международных отношений.

Центральная Азия, имеющая большое геостратегическое значение, обусловленное средним положением региона между Россией, Ближним Востоком, Южной Азией и Китаем, в силу определенных исторических, геополитических, экономических, социально-культурных факторов в большой степени подвержена угрозе международного терроризма. В современную, переходную эпоху становления нового мирового порядка, когда и опасность, и безопасность носят глобальный характер, как никогда остро стоит необходимость консолидации мирового сообщества с тем, чтобы дать единый ответ «новым вызовам и угрозам» безопасности, в частности, угрозе, исходящей со стороны международного терроризма. Таким образом, единственно возможный вариант для всех государств Центральной Азии, да и для всего мира, заключается в переходе от соперничества как модели взаимодействия к многостороннему сотрудничеству.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Участие государств ЦАР в глобальных антитеррористических конвенциях⁵³

Конвенция	Государство	РК	КР	РТ	Туркменистан	РУ
Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (14 сентября 1963 г., Токио)		+	+	+	+	+
		(с 18.05.1995)	(с 28.02.2000)	(с 20.03.1996)	(с 30.06.1999)	(с 31.06.1995)
Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (16 декабря 1970 г., Гаага)		+	+	+	+	+
		(с 4.04.1995)	(с 25.02.2000)	(с 29.02.1996)	(с 25.05.1999)	(с 7.02.1994)
Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (23 сентября 1971 г., Монреаль)		+	+	+	+	+
		(с 4.04.1995)	(с 25.02.2000)	(с 29.02.1996)	(с 25.05.1999)	(с 7.02.1994)
Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (14 декабря 1973 г., Нью-Йорк)		+	+	+	+	+
		(с 21.02.1996)	(с 2.10.2003)	(с 19.10.2001)	(с 25.06.1999)	(с 19.01.1998)
Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (17 декабря 1979 г., Нью-Йорк)		+	+	+	+	+
		(с 21.02.1996)	(с 2.10.2003)	(с 6.05.2002)	(с 25.06.1999)	(с 19.01.1998)
Конвенция о физической защите ядерного материала (3 марта 1980 г., Нью-Йорк)		-	-	+	-	+
				(с 11.07.1996)		(с 9.02.1998)
Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, принятую в Монреале 23 сентября 1971 г. (24 февраля 1988 г., Монреаль)		+	+	+	+	+
		(с 18.05.1995)	(с 28.02.2000)	(с 29.02.1996)	(с 25.05.1999)	(с 7.02.1994)
Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (10 марта 1988 г., Рим)		+	-	-	+	+
Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (10 марта 1988 г., Рим)		+	-	-	+	+
Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения (1 марта 1991 г., Монреаль)		+	+	-	-	+
		(с 18.05.1995)	(с 14.07.2000)			(с 9.06.1999)
Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (15 декабря 1997 г., Нью-Йорк)		+	+	+	+	+
		(с 6.11.2002)	(с 1.05.2001)	(с 29.07.2002)	(с 25.06.1999)	(с 30.11.1998)
Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (9 декабря 1999 г., Нью-Йорк)		+	+	- ⁵⁴	-	+
		(с 24.02.2003)	(с 2.10.2003)			(с 9.07.2001)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Хронология подписания Рамочного документа программы «Партнерство ради мира» государствами-членами СНГ в 1994–2002 гг.

Государство	Дата подписания
Украина	8 сентября 1994 г.
Республика Молдова	16 марта 1994 г.
Республика Грузия	23 марта 1994 г.
Азербайджанская Республика	4 мая 1994 г.
Туркменистан	10 мая 1994 г.
Республика Казахстан	27 мая 1994 г.
Киргизская Республика	1 июня 1994 г.
Российская Федерация	22 июня 1994 г.
Республика Узбекистан	13 июля 1994 г.
Республика Армения	5 октября 1994 г.
Республика Беларусь	11 января 1995 г.
Республика Таджикистан	20 февраля 2002 г.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АТЦ СНГ	Антитеррористический центр СНГ
ДКБ	Договор о коллективной безопасности
ЕС	Европейский союз
ИДУ	Исламское движение Узбекистана
КНР	Китайская Народная Республика
КР	Кыргызская Республика
КСБР ЦАР ДКБ	Коллективные силы быстрого развертывания Центральноазиатского региона Договора о коллективной безопасности
КССБ	Комитет секретарей советов безопасности
КТК СБ ООН	Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН
НАТО	Организация Североатлантического договора
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОДКБ	Организация Договора о коллективной безопасности
ОЦАС	Организация «Центрально-азиатское сотрудничество»
ПРМ	«Партнерство ради мира»
РАТС ШОС	Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества
РК	Республика Казахстан
РТ	Республика Таджикистан
РУ	Республика Узбекистан
РФ	Российская Федерация
СГГ	Совет глав государств
СКБ	Совет коллективной безопасности
СМИД	Совет министров иностранных дел
СМО	Совет министров обороны
СНГ	Содружество Независимых Государств
СОРБ СНГ	Совет руководителей органов безопасности и специальных служб государств-участников СНГ
СУАР	Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китай
ЦАР	Центральноазиатский регион
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества

Примечания

¹ Данный термин в отношении ЦАР использован З.Бжезинским в книге «Великая шахматная доска».

² В Казахстане запасы нефти оцениваются в 10-17,6 млрд баррелей, запасы природного газа оцениваются в 53-83 трлн. кубических футов, а в 2000 г. в Казахстане было открыто, возможно, крупнейшее месторождение Кашаган. В Туркменистане запасы природного газа оцениваются в 98-115 трлн кубических футов. Казахстан, Туркменистан и Узбекистан находятся в списке 20 стран, где сосредоточены крупнейшие запасы природного газа. См.: Vincent de Kytspotter. The "Very Great Game": The U.S. New Frontier in Central Asia. A research paper presented to the Geneva Centre for Security Policy, 2004. P. 21. <http://www.gcsp.ch/e/training/ITC/2003-04/deKytspotter-Paper.pdf>

Совершенно очевидно, что ЦАР будет активно принимать участие в международном разделении труда в энергетическом секторе.

³ Бондарец Л.М. Внешнеполитический фактор конфликтной ситуации в Центральной Азии. Материалы международной конференции «Будущее государств Центральной Азии: вместе или ...». 26-28 июня 2001 г. Бишкек. С. 64-71.

⁴ Название «ФАНО» строится на ареале регионов, прилегающих к наиболее крупным и «системообразующим» городам Ферганской долины: Фергана – Андижан – Наманган – Ош. См.: Омаров Н. На пути к глобальной безопасности: Центральная Азия после 11 сентября 2001 года. Бишкек, 2002. С. 48.

⁵ Речь идет не только о традиционных для региона исламских идеях, но и о привнесенных извне.

⁶ Причем необходимо отметить, что идеи исламского фундаментализма распространялись не столько по принципу *насаждаемости*, сколько по принципу *приживаемости*, что объясняется традиционной склонностью населения к этим идеям. Сегодня в Центральной Азии ислам является одним из основных факторов конфессионально-культурной идентификации.

⁷ Более 2/3 населения Таджикистана живут на \$2 в день, более половины населения Республики Кыргызстан и более трети населения Узбекистана живут за чертой бедности. См.: Vincent de Kytspotter. The "Very Great Game": The U.S. New Frontier in Central Asia. A research paper presented to the Geneva Centre for Security Policy, 2004. P. 23.

⁸ Беседа с Молдалиевым О.А., экспертом Дипакадемии МИД КР. 22 июля 2004 г.

⁹ Мыльников Б.А. Единство – залог успеха. *Пограничник Содружества*. №1, 2004.

¹⁰ По материалам, представленным на официальном Интернет-представительстве Исполнительного комитета СНГ http://www.cis.minsk.by/russian/atc/atc_home.htm

¹¹ Председателем СОРБа является директор ФСБ РФ Н.П.Патрушев.

¹² С 21 июня 2000 г. руководителем АТЦ является генерал-майор ФСБ Борис Александрович Мыльников.

¹³ Мыльников Б.А. Новые вызовы: международный терроризм и иные проявления экстремизма, пути (направления) взаимодействия. Сборник материалов третьей Международной научно-практической конференции "О развитии взаимодействия правоохранительных органов государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью, международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма", состоявшейся 21–22 марта в Минске.

¹⁴ См. Приложение 2.

¹⁵ Так, в ноябре 1999 г. силами МВД КР, РК, РФ, РТ и РУ, а также в январе 2001 г. – Азербайджана, Грузии и РФ была проведена спецоперация «Граница – заслон», имевшая целью пресечение перемещений действующих на юге ЦАР бандформирований, оружия, боеприпасов и наркотиков на территории других регионов, в том числе на Северный Кавказ. В результате было выявлено около 300 организованных преступных группировок, в том числе около 40 – с международными связями, пресечена деятельность около 200 организованных преступных формирований; возбуждено более 15 тыс. уголовных дел; выявлено около 900 лиц, находящихся в розыске, 700 из которых были задержаны; изъято около 2000 единиц огнестрельного оружия, более 45 тыс. единиц боеприпасов, около 60 кг взрывчатых веществ, более 450 кг наркотических средств.

¹⁶ По материалам, представленным на официальном Интернет-представительстве ОДКБ www.dkb.gov.ru.

¹⁷ В соответствии с этим соглашением государства-участники ОДКБ реализуют вооружения и военную технику по ценам, установленным для своих вооруженных сил.

¹⁸ Необходимо отметить, что на центрально-азиатском направлении подобных сил, объединенных единым командованием, до сих пор не было. Беседа с Иманалиевым М.С., Чрезвычайным и Полномочным послом КР, 29 июля 2004 г.

¹⁹ В состав коллективных миротворческих сил в Таджикистане вошли Вооруженные Силы России, Киргизии, Казахстана и Узбекистана.

²⁰ Учения были подготовлены на основе опыта Киргизии по отражению вторжения боевиков в 1999–2000 гг.

²¹ По материалам, представленным на официальном сайте МИД РФ <http://www.mid.ru>, а также на официальном Интернет-представительстве Президента РФ <http://www.president.kremlin.ru>.

²² Хартия Шанхайской организации сотрудничества. Официальный сайт МИД РФ <http://www.ln.mid.ru/Ns-rasia.nsf/arh>

²³ Северо-восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий: Учебное пособие. Под ред. Воскресенского А.Д. – Москва: МГИМО (У); РОССПЭН, 2004. С. 426–454.

²⁴ В настоящее время Киргизия и Казахстан разрабатывают проект поставок казахского газа, что позволит ликвидировать зависимость от РУ.

²⁵ КР впервые использовала водный рычаг, выдвинув идею о водно-энергетическом консорциуме, т.е. введении платы за воду.

²⁶ Заслуживает внимания тот факт, что узбекская община многочисленна и влиятельна на юге Киргизии. Так, согласно официальным данным по состоянию на 2000 г., узбеков в КР было 680 тыс., что составляло 14,1% населения. Таким образом, узбеки представляют вторую по численности этническую общину страны.

²⁷ *Landmine Monitor Report*. 2001. P. 919–920.

²⁸ РУ декларировала разминирование приграничных территорий, но реальных действий в этом направлении сделано не было. Впрочем, как и не были переданы Киргизии карты минных полей.

²⁹ Северо-восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий: Учебное пособие. Под ред. Воскресенского А.Д. Москва: МГИМО (У); РОССПЭН, 2004. С. 440.

³⁰ Численность узбеков в РТ составляет 1,4 – 1,5 млн. чел. (24%). Что касается численности таджиков в РУ, то данные расходятся: узбекская статистика оценивает ее в 1,2 млн чел. (5,1%); таджикская сторона настаивает на 6–7 млн чел. (24 – 28%).

³¹ *Landmine Monitor Report*. 2001. P. 917.

³² Численность туркмен в РУ составляет приблизительно 150 тыс. чел. (0,7%), в то время как узбеки в Туркменистане, являющиеся второй по численности этнической общиной в этой стране, составляют примерно 500 тыс. чел. (9 – 10%).

³³ По состоянию на 2000 г., в РТ проживало менее 80 тыс. киргизов (1,3%). По состоянию на 1999 г., численность таджиков в КР составляла 42 636 чел. (0,9%).

³⁴ *Независимая Газета*. 2001, 19 января.

³⁵ В Туркменистане проживает около 100 тыс. казахов; численность туркмен в РК – не более нескольких тысяч.

³⁶ Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России. Под ред. Наринского М.М. и Мальгина А.В. Москва: МГИМО (У) МИД РФ; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)»; Логос, 2003. С. 337.

По словам Б.А. Мыльникова, руководителя АТЦ СНГ, «ЦАР является уникальным плацдармом, владение которым позволяет одновременно оказаться в глубоком тылу у турко-славянского сообщества, исламского мира, китайской и индийской этнических буддистских цивилизаций, и иметь возможность расширения сферы своего влияния по всему периметру Евразийского континента». Тезисы выступления Руководителя Антитеррористического центра государств-участников СНГ Б.А.Мыльникова на международной научно-практической конференции «Россия и Центральная Азия – вопросы сотрудничества и безопасности». Официальное Интернет-представительство Исполнительного комитета СНГ, http://www.cis.minsk.by/russian/atc/06_02_2004/terror.htm

³⁷ Такие учения проходили на территории Казахстана и Узбекистана с 15 по 23 сентября 1997 г. («Центразбат – 97») и с 11 по 18 сентября 2000 г. в Казахстане, вблизи границы с Китаем («Центразбат – 2000»). *Независимая Газета*. 1997, 13 марта.

³⁸ Vincent de Kytspotter. The “Very Great Game”: The U.S. New Frontier in Central Asia. A research paper presented to the Geneva Centre for Security Policy, 2004. P. 11.

Активность США в Центральной Азии в чем-то обусловила непоследовательность политики ряда республик, в частности, в отношении России. Так, Узбекистан одно время вел политику активного дистанцирования от России: в 1999 г. Узбекистан не подписал Протокол о продлении ДКБ и присоединился к антироссийской организации ГУАМ (ГУУАМ).

³⁹ К 2020 г. ожидается резкое возрастание спроса на нефть – на 56%, что будет составлять 119,6 млн. баррелей в день. К тому же году зависимость США от импортируемой нефти возрастет с нынешних 57% до 64%. Vincent de Kytspotter. The “Very Great Game”: The U.S. New Frontier in Central Asia. A research paper presented to the Geneva Centre for Security Policy, 2004. P. 21.

⁴⁰ State’s Jones Testifies on U.S. Policy Towards Central Asia. U.S. Department of State, testimony for House Subcommittee, October 29, 2003.

⁴¹ Казахстан, Таджикистан и Туркменистан предоставили воздушные коридоры.

⁴² Продолжающееся пребывание американских вооруженных сил в Европе, на Балканах, в Японии, Южной Корее, Персидском заливе свидетельствует о том, что, закрепившись однажды, американские войска не спешат уходить. А бывший заместитель министра обороны США П. Волфовитц наметнул, что американские военные базы в Центральной Азии имеют скорее политическое, а не военное значение. Vincent de Kytspotter. The “Very Great Game”: The U.S. New Frontier in Central Asia. A research paper presented to the Geneva Centre for Security Policy, 2004. P. 18.

⁴³ Присутствие американцев в Пакистане, Афганистане; а военная-воздушная база им. Ганси расположена приблизительно в 320 км от западной границы Китая.

⁴⁴ Интересно, что Россия и Китай, будучи постоянными членами СБ ООН, являются государствами-учредителями ШОС, в связи с чем говорят об антиамериканской направленности Организации.

⁴⁵ Беседа с Иманалиевым М.С., Чрезвычайным и Полномочным послом КР, 29 июля 2004 г.

⁴⁶ Китай и Россия имеют примерно схожие позиции в их видении форм и методов борьбы с международным терроризмом, имеют одинаковые подходы в данной области. Так, как заявил председатель КНР Цзян Цзэминь в ходе переговоров с президентом РФ В.В. Путиным, чеченские сепаратисты и реакционные силы, выступающие за создание государства Восточный Туркестан на территории Западного Китая, являются «частью глобальной сети терроризма и должны получить одинаковый отпор и осуждение».

⁴⁷ В последнее время ряд стран даже выступают с инициативой внести терроризм в разряд преступлений против человечности. Симпсон Дж. Терроризм и право: международные подходы вчера и сегодня. Ежегодник СИПРИ 2003. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Москва: Наука, 2004. С. 29–41.

⁴⁸ В данном отношении показательна операция Антитеррористической коалиции в Афганистане.

⁴⁹ Косиченко А.Г., Ашимбаев М.С. и др. Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 103.

⁵⁰ 18 октября 2004 г., в ходе саммита ЦАС состоялось подписание Протокола о присоединении России к Договору об учреждении Организации «Центральноазиатское сотрудничество», в результате чего РФ стала полноправным членом Организации. Заслуживает внимания то, что в ходе саммита было принято решение о подготовке в трехмесячный срок единого Перечня террористических и религиозных экстремистских организаций, запрещенных на территории государств-членов ЦАС (РК, КР, РФ, РТ, РУ), а также Списка лидеров и членов таких организаций. В перспективе, к этой работе могут подключиться и другие государства СНГ, что позволит преодолеть двойные стандарты. Официальное Интернет-представительство Президента РФ, <http://www.president.kremlin.ru>

⁵¹ Небезынтересно, что задолго до принятия руководством РФ решения разместить военную базу в г. Кант, руководство Киргизии не раз предлагало сделать это. Однако решение откладывалось до тех пор, пока не были размещены вооруженные силы антитеррористической коалиции, возглавляемой США (преимущественно, государств-членов НАТО) в аэропорту Манас. Беседа с Иманалиевым М.С., Чрезвычайным и Полномочным послом КР. 29 июля 2004 г.

⁵² Термин «Большая игра» описывает соперничество России и Великобритании в Центральной Азии в XIX в.

⁵³ По материалам, представленным на веб-сайте ООН, <http://www.untreaty.un.org>. По состоянию на 20 октября 2003 г.

⁵⁴ Таджикистан подписал Конвенцию о борьбе с финансированием терроризма 6 ноября 2001 г.

Приглашаем Вас в Клуб *Триалог*

Основанный в 2000 г., Клуб *Триалог* объединяет крупные компании и дипломатические представительства, средства массовой информации и научно-исследовательские организации.

Цель Клуба – оперативно и квалифицированно знакомить его членов с широким спектром позиций и мнений по актуальным вопросам международной безопасности.

Члены Клуба обеспечиваются:

- **подпиской** на периодические (журнал *Ядерный Контроль* на русском и английском языках) и электронные (*Вопросы Безопасности*, *Arms Control & Security Letters* и *Ядерный Контроль: Информация*) издания ПИР-Центра;
- **монографиями и докладами** серии Библиотека ПИР-Центра;
- **доступом** к информационным ресурсам Центра и специально созданным для членов Клуба разделам в сети Интернет (<http://www.trialogue.ru> и <http://www.pircenter.oris/rus/club>);
- **приглашениями на** ежеквартальные заседания Клуба и заседания Экспертно-консультативного совета Центра (4 раза в год).

С докладами на заседаниях Клуба выступают ведущие государственные и неправительственные эксперты из России и зарубежных стран. Докладчиками на последних встречах Клуба *Триалог* стали:

- **Н.Н. Спасский**, заместитель секретаря Совета безопасности РФ;
- **Г. Шафеи**, посол Исламской Республики Иран в РФ;
- **С.В. Антипов**, заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии;
- **А.И. Антонов**, директор Департамента по вопросам безопасности разоружения МИД РФ;
- **Р. Айнхорн**, бывший заместитель Госсекретаря США по вопросам нераспространения;
- **О.М. Сараев**, генеральный директор Концерна «Росэнергоатом».

Клуб *Триалог* – это практическая и эффективная помощь компаниям в продвижении и развитии их бизнеса; трибуна для представления национальной позиции по актуальным вопросам современности дипломатам и эксклюзивный источник информации для журналистов.

Клуб *Триалог* объединяет российские и зарубежные компании с суммарным годовым оборотом более 20 млрд долл. и персоналом более 100 тыс. человек. Среди представителей бизнеса, являющихся членами Клуба *Триалог*, в частности, такие компании, как *Bechtel* и *Washington Group Int.*

В 2004 г. к Клубу *Триалог* присоединились компании *Booz Allen Hamilton*, *Техснабэкспорт*, *Посольство Франции* и японское информационное агентство *NHK*.

Членом Клуба можно стать, оплатив **клубный взнос** за индивидуальное или корпоративное членство.

За более подробной информацией об условиях вступления в Клуб *Триалог* следует обращаться по тел. (095) 764-9896 или электронной почте: info@trialogue.ru.

В ходе саммита «восьмерки» в 2002 г. в Кананаскисе лидеры ведущих стран мира договорились учредить *Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения* с целью «предотвращения приобретения или разработки террористами или теми, кто их укрывает, ядерного, химического, радиологического или биологического оружия, ракет и имеющих к ним отношение материалов, оборудования и технологий».

«Восьмерка» объявила утилизацию выведенных из состава атомных подводных лодок в качестве одного из первоочередных приоритетов Глобального партнерства. С тех пор сопутствующие вопросы стали одним из главных направлений нового сотрудничества, что подтверждается объемами финансирования, списком реализуемых проектов и большим вниманием, уделяемым этому вопросу в повестке дня соответствующих обсуждений «восьмерки». В значительной мере такое внимание к этой проблеме объясняется позицией самой России, которая определила партнерство в области утилизации АПЛ в качестве высочайшего приоритета из-за совокупности экологических проблем и проблем безопасности, вытекающих из сегодняшнего состояния российского атомного подводного флота. Важность этого сотрудничества была также подтверждена президентом России В.В. Путиным².

По оценке экспертов, от 3,9 до 4,5 млрд. долл. потребуется для уничтожения всех подводных лодок многоцелевого назначения, выведенных из состава флота, а также для обращения с соответствующими ядерными и радиоактивными материалами. По данным генерального директора Государственного унитарного предприятия «Звездочка» Н.Я. Калистратова, выгрузка ОЯТ из одной АПЛ с помощью берегового комплекса выгрузки в среднем стоит около 1,5 млн долл., а полный процесс утилизации, то есть включая отделение и подготовку к хранению трехотсечного блока и разделка остальных – 6 млн долл. По другим данным, разделка в сухом доке АПЛ с заранее выгруженным топливом стоит 4,25 млн долл. Однако эти цифры приведены лишь для исправных, не поврежденных, АПЛ. Проблема осложняется тем, что «из-за временных факторов» некоторые АПЛ разгрузке уже не подлежат.

За два года после Кананаскиса следующее финансирование было заявлено для помощи России в утилизации многоцелевых АПЛ и обращении с соответствующими ядерными и радиоактивными отходами (см. таблицу 1).

Одной из главных проблем процесса утилизации выведенных из состава АПЛ является обращение с выгружаемым облученным ядерным топливом (ОЯТ). Оно представляет опасность и с экологической точки зрения, и с точки зрения нераспространения. Даже

Обязательства по финансированию утилизации АПЛ в рамках Глобального партнерства

Страна	Обязательства по финансированию, млн долл. США³
Австралия	7,2
Канада	120
Дания	13,1
Европейский Союз	52,4 ⁴
Финляндия	13,1
Франция	75
Германия	393
Италия	471,6
Япония	100
Нидерланды	13,1
Норвегия	122
Россия	500
Швеция	0,4 ⁵
Великобритания	188
Соединенные Штаты	457 ⁶
ИТОГО	2,473,5

после нахождения в реакторе ОЯТ все еще представляет собой топливо, содержащее высокообогащенный уран и являющееся потенциально привлекательным для тех, кто стремится приобрести ядерное взрывное устройство. ОЯТ также является высокорadioактивным, таким образом, представляя угрозу для окружающей среды, этот материал пригоден для изготовления радиологического оружия («грязной бомбы»).

Несмотря на значимость вопроса безопасного обращения с ОЯТ, на решение этой проблемы необходимые ресурсы пока еще не выделены.

Как отметил один из высокопоставленных российских официальных лиц, вовлеченных в реализацию Глобального партнерства, иностранные партнеры неохотно сотрудничают в областях, связанных с обращением с ОЯТ⁷. Тогда как ряд совместных проектов уже был реализован или реализуется сейчас в области выгрузки, хранения и транспортировки ОЯТ АПЛ, переработка топлива, выгруженного из подводных лодок, пока еще находится вне рамок международного сотрудничества. Между тем, российская концепция по комплексной утилизации ядерных подводных лодок подразумевает замкнутый цикл обращения с ОЯТ, включая его переработку, в качестве одного из базовых принципов. Таким

образом, Россия тратит свои собственные средства для оплаты переработки ОЯТ АПЛ, в ходе переговоров с иностранными партнерами, продолжая разъяснение важности и актуальности сотрудничества в области переработки ОЯТ. Данное исследование имеет целью проанализировать вопросы, имеющие отношение к международному содействию России в области переработки ОЯТ, выгруженного из АПЛ, подлежащих утилизации.

МАСШТАБ ПРОБЛЕМЫ И СУЩЕСТВУЮЩИЕ МОЩНОСТИ

Топливо АПЛ имеет уровень обогащения по U-235 в пределах от 5 до 90%. В соответствии с классификацией, установленной российскими регулирующими документами, ОЯТ, выгружаемое из АПЛ, рассматривается в качестве ядерного материала с высоким уровнем активности.

Масштаб проблемы определяется количеством ОЯТ, уже выгруженного с подводных лодок, количеством ОЯТ на борту выведенных из состава АПЛ и ежегодно выгружаемым количеством. Вследствие ряда мер, предпринятых с 1998 г. (подробности см. ниже), ежегодная выгрузка устойчиво росла в последние годы (см. табл. 2) и сейчас составляет 12–15 реакторов в год, что приблизительно дает 10–12 т ОЯТ.

Таблица 2

Ежегодная выгрузка активных зон из АПЛ⁸

Год	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Количество выгружаемых АПЛ	4	3	5	3	1	8	18	18	14	12

По состоянию на октябрь 2004 г. 58⁹ АПЛ, ожидающих начала утилизации, имели на своем борту невыгруженное ОЯТ. Примерно такое же количество ОЯТ хранится в находящихся в плохом состоянии хранилищах на береговых базах в Андреевой Губе и Гремие¹⁰. Дополнительно, на российском Дальнем Востоке есть две базы, находящиеся в неудовлетворительном состоянии: Губа Крашенинникова на Камчатке и Губа Сысоева в Приморском крае.

Также существует 10 реакторов с жидкометаллическим теплоносителем, чье топливо не подлежит переработке с помощью существующих технологических мощностей. Соответствующие усовершенствования установки по переработке технически возможны, однако их целесообразность сомнительна по причине ограниченных объемов топлива, которое надо переработать. Эти реакторы подлежат долгосрочному хранению.

Два основных процесса являются определяющими для текущего состояния дел и подходов к решению проблемы ОЯТ АПЛ. Во-первых, процесс обращения с ОЯТ, – включая выгрузку, временное хранение и транспортировку, и, во-вторых, переработка ОЯТ сама по себе.

Обращение с ОЯТ в России

Массовый вывод из боевого состава атомных подводных лодок в России происходил с начала 1990-х гг. в рамках двухстороннего российско-американского процесса сокращения вооружений. Темп вывода из состава достигал 15–20 АПЛ в год (см. таблицу 3). В то же время мощности по разгрузке топлива не позволяли демонтировать более 3–4 АПЛ в год. В результате к 1998 г. 138 подводных лодок ожидали утилизации, в том числе 124 – с невыгруженными активными зонами реакторов. Технические возможности береговой ин-

Вывод АПЛ из состава¹¹

Год	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Темп вывода	29	15	14	18	15	17	10	3	20	4	2	5

Год	2002	2003	2004	2005 ¹²	2006	2007	2008	2009	2010
Темп вывода	4	1	1	1	1	1	1	1	1

фраструктуры были изношены и не удовлетворяли ни технологическим потребностям, ни требованиям безопасности.

В мае 1998 г. ответственность за утилизацию АПЛ взамен Министерства обороны была возложена на Минатом¹³. С тех пор в области обращения с ОЯТ был внедрен ряд усовершенствований. Предпринятые меры включали следующие:

- ☐ ремонт и модернизацию вспомогательных судов;
- ☐ привлечение вспомогательных судов Мурманского морского пароходства к работам по утилизации АПЛ;
- ☐ введение в эксплуатацию двух комплексов выгрузки на заводах «Звезда» и «Звездочка»;
- ☐ разработка и производство контейнеров двухцелевого назначения – для хранения и транспортировки выгруженного ОЯТ АПЛ;
- ☐ сооружение площадок временного хранения на заводах «Звезда» и «Звездочка»;
- ☐ введение в эксплуатацию площадки временного хранения контейнеров на предприятии «Атомфлот»;
- ☐ расширение установки временного хранения на предприятии «ДальРАО»;
- ☐ разработка конструкции буферного хранилища ОЯТ для ПО «Маяк»;
- ☐ строительство и введение в эксплуатацию двух дополнительных эшелонов для перевозки контейнеров с ОЯТ.

Эти меры позволяют разгружать и безопасно обращаться с ОЯТ, выгружаемым из 20 АПЛ ежегодно. Принимая во внимание существующие технологии, требования безопасности и вопросы финансового планирования, темп выгрузки 15 АПЛ в год считается оптимальным. У Росатома нет планов для дальнейшего увеличения этих темпов, ожидается, что все ОЯТ будет выгружено с подводных лодок к 2009 г.

Наиболее серьезная угроза вызвана топливом, хранящимся на береговых базах. Проблема обостряется тем фактом, что это ОЯТ было выгружено достаточно долгое время назад и его радиоактивность значительно ниже, чем радиоактивность топлива только что выгруженного из реактора АПЛ. Это топливо также лишено дополнительных физических барьеров (таких, как корпус подводной лодки). Таким образом, этот материал с пониженным уровнем радиоактивности и физической защиты представляет собой доступную и привлекательную цель для тех, кто может стремиться приобрести материал для изготовления примитивного ядерного взрывного устройства. По причине низкого уров-

ня безопасности в середине 1990-х гг. произошел ряд случаев хищения топлива АПЛ с объектов флота. Эти кражи могут служить в качестве подтверждения недостаточного уровня безопасности ядерных материалов на флоте.¹⁴

В настоящее время четыре береговые базы выведены из-под ответственности ВМФ. В соответствии с распоряжением правительства РФ в 2000 г. Минатом учредил два федеральных государственных унитарных предприятия (ФГУП) – «СевРАО» и «ДальРАО», которые приняли на себя контроль над береговыми базами. В настоящее время проводится ряд мер, направленных на улучшение инфраструктуры, физической защиты и очистку радиоактивно загрязненных участков. Тем не менее, несмотря на все улучшения, ситуация далека от идеальной и требуются срочные меры для вывоза ОЯТ с этих баз. В 2004 г. спецпоезда выполнили 12 перевозок топлива, выгруженного из подводных лодок, на ПО «Маяк» (для сравнения: в 1999 г. было выполнено 4 перевозки, в 2000 г. – 7). Проблема вывоза ОЯТ на Дальнем Востоке осложняется неудовлетворительным состоянием участка железной дороги: средств на ремонт которой по состоянию на март 2005 г. ДВЗ «Звезда» изыскать так и не удалось.

В общей сложности 48 усовершенствованных 40-тонных металло-бетонных контейнеров было разработано, произведено и испытано в рамках программы АМЕК (Арктическое военно-экологическое сотрудничество между Россией, Норвегией и США). Эти контейнеры вместе с более старыми контейнерами ТУК-18 обеспечивали транспортировку ОЯТ на ПО «Маяк» с объектов по утилизации на Северо-Западе и Дальнем Востоке России. Следующие 25 контейнеров ТУК-108 должны быть произведены в рамках российско-американской Программы совместного уменьшения угрозы (СУУ). Для транспортировки ОЯТ используются два спецпоезда. Один из поездов был сооружен и сдан в эксплуатацию за счет средств, выделенных Норвегией в 2002 г. Создание еще одного нового поезда запланировано за счет американских средств.

ПЕРЕРАБОТКА ОЯТ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

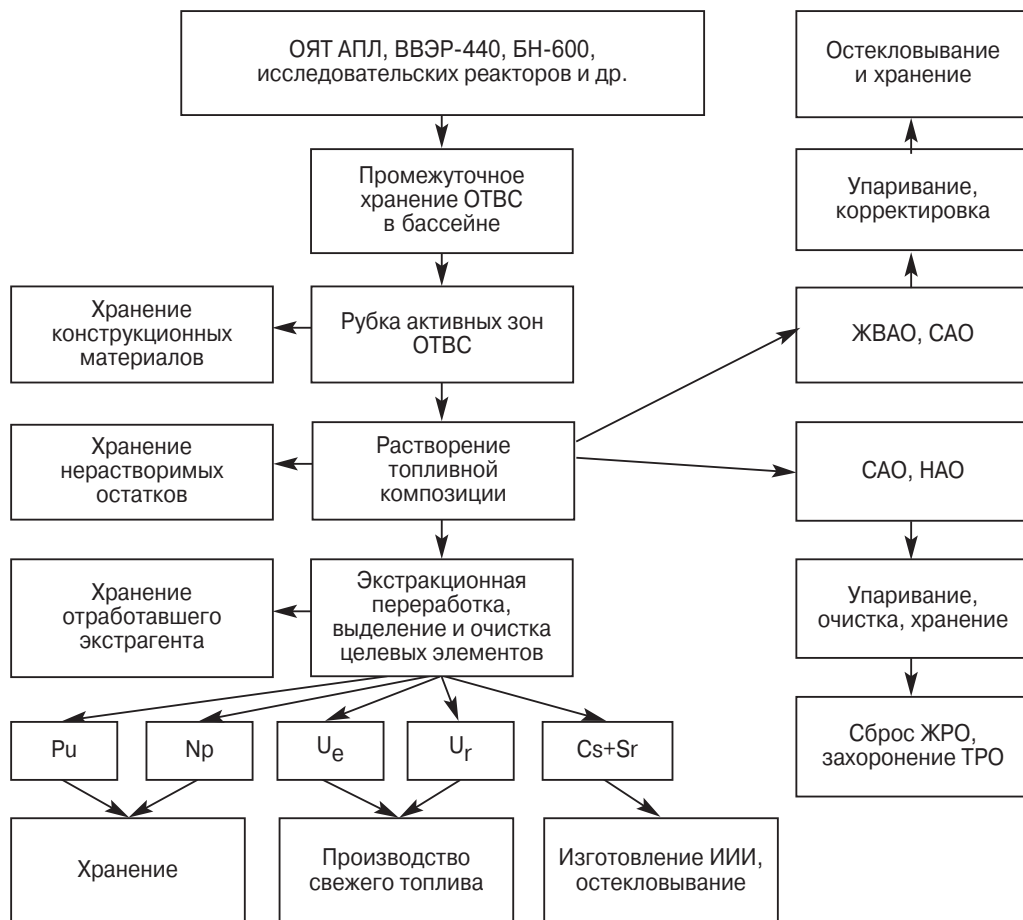
Радиохимический завод РТ-1, расположенный на ПО «Маяк» в Озерске (бывший Челябинск-65), является единственной российской установкой, вовлеченной в переработку ОЯТ в целом и ОЯТ АПЛ в частности. Помимо ОЯТ подводных лодок, РТ-1 перерабатывает облученное топливо реакторов ВВЭР-440, БН-600 и исследовательских реакторов. РТ-1 служит как для целей промышленной переработки, так и в качестве пилотной установки для испытаний вновь разработанных технологий. Переработка ОЯТ основана на одной из разновидностей PUREX-процесса. Принципиальная схема процесса, используемого на РТ-1, приведена на рис. 1. Объем ОЯТ, переработанного на РТ-1, и пропускная способность завода представлены в таблице 4.

Таблица 4

Мощность завода РТ-1¹⁵

Тип топлива	Переработано до настоящего момента, ТТМ	Ежегодная пропускная способность, ТТМ
ВВЭР-365, -440	3000	400
БН-350, -600	250	11
Транспортные реакторы, включая АПЛ	120	14
Исследовательские реакторы	30	37 подлежит переработке
ВОУ топливо реакторов «Руслан» и «Людмила»	20	По необходимости

Технологическая схема радиохимического завода РТ-1. (U_e – обогащенный уран, выгруженный из реакторов АПЛ, U_r – регенерированный уран реакторов ВВЭР-440)¹⁶

Планы Росатома на 2005–2007 гг. включают модернизацию завода РТ-1. Ожидается, что усовершенствования будут включать создание возможности переработки до 150 тонн в год ОЯТ реакторов ВВЭР-1000 и дальнейшего совершенствования процедур, направленных на обращение с радиоактивными отходами и повышение безопасности.

«Маяк» также перерабатывает ОЯТ, выгружаемое из утилизируемых российских АПЛ. В 2000 г. линия, используемая для переработки лодочного ОЯТ, была существенно модернизирована, включая монтаж новой установки по остекловыванию, что дало предприятию возможность ежегодно перерабатывать ОЯТ 20 АПЛ. Однако буферное хранилище ОЯТ на ПО «Маяк» практически заполнено, и создание временного хранилища могло бы способствовать безопасности в случае незапланированных остановок в работе предприятия. ОЯТ некоторых АПЛ не пригодно к переработке по причине деформации и/или химического состава. В настоящее время на основе имеющейся открытой информации нельзя судить о том, какое количество ОЯТ, непригодного к переработке, существует в наличии и какие варианты хранения или переработки рассматриваются.

В настоящее время Росатом перерабатывает ОЯТ АПЛ за счет средств российского бюджета. Однако текущее финансирование недостаточно для обеспечения необходимой пропускной способности, полного и максимально эффективного использования существующих мощностей и избежания накопления невыгруженного ОЯТ. Обращаясь за иностранным содействием, Россия запрашивает поддержку только в оплате услуг по переработке, а не на модернизацию и усовершенствование существующих установок. Единственно возможные капитальные издержки – это финансирование сооружения буферного (временного) хранилища ОЯТ на ПО «Маяк».

За исключением Норвегии, среди стран-доноров практически не было дискуссии о ПО «Маяк» и идее переработки в качестве варианта окончательной утилизации больших запасов ОЯТ, образовавшегося в рамках реализации инициативы «восьмерки»¹⁷. Различные неправительственные организации (НПО) пытались инициировать дискуссию по вопросам переработки – и в отношении России, и в более широком смысле с точки зрения относительных преимуществ подобной практики¹⁸. Позиция Норвегии заключалась в не включении в контракты на утилизацию АПЛ расходов на переработку. Канада последовала примеру Норвегии. Великобритания, с другой стороны, согласилась на сооружение хранилища для ОЯТ АПЛ на ПО «Маяк».

ПОЛИТИКА И ПОЗИЦИИ КЛЮЧЕВЫХ ИГРОКОВ

Следующие российские органы государственной власти могут быть названы в качестве ключевых игроков в области утилизации АПЛ и обращения с ОЯТ, выгружаемым из них:

Президент Российской Федерации – определяет основные принципы деятельности в области ядерной и радиационной безопасности.

Правительство Российской Федерации – координирует деятельность органов исполнительной власти, одобряет проекты международных соглашений, определяет конкретные обязанности органов исполнительной власти в тех или иных областях деятельности. Одобряет решения по строительству ядерных установок федерального значения, а также их демонтажу.

Министерство обороны – эксплуатирует атомные подводные лодки, принимает решение о выводе АПЛ из эксплуатации, обеспечивает передачу АПЛ Росатому для утилизации.

Федеральное агентство по атомной энергии (Росатом) – служит в качестве государственного координирующего органа соответствующей деятельности, обеспечивает обращение с ОЯТ, транспортировку ОЯТ на завод по переработке и осуществляет переработку ОЯТ. Управляет основными предприятиями, вовлеченными в обращение с ОЯТ, его транспортировку и переработку – «СевРАО» и «ДальРАО» (бывшие базы Министерства обороны), Атомспецтранс (транспортное предприятие Росатома) и ПО «Маяк».

Управление государственного надзора за ядерной и радиационной безопасностью (УГН ЯРБ Министерства обороны) – регулирующий орган Министерства обороны, надзирает за ядерной и радиационной безопасностью всего процесса – и на объектах Министерства обороны, и на объектах Росатома, и в процессе транспортировки.

Федеральная служба по экологическому, техническому и атомному надзору (Ростехнадзор) – включает в себя бывший Госатомнадзор. Принимает участие в надзоре за некоторыми участками процесса обращения с ОЯТ на объектах «Атомфлота» и на ПО «Маяк» (в рамках «двойного надзора» УГН и Ростехнадзора).

Счетная палата Российской Федерации – обеспечивает контроль над расходованием бюджетных средств. Также имеет возможность идентифицировать нецелевое использование средств иностранной помощи.

В декабре 2003 г. президент России В.В. Путин одобрил документ под названием «Основы государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безо-

пасности Российской Федерации на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» (далее – Основы).

В частности, этот документ обозначил факторы, определяющие государственную политику в области, покрываемой Основами:

- ☐ значительное увеличение количества ядерных материалов, подлежащих переработке;
- ☐ необходимость переработки большого объема ядерных материалов облученных тепловыделяющих сборок и радиоактивных отходов, накопленных в результате эксплуатации АПЛ и надводных кораблей и судов с ядерными реакторами;
- ☐ увеличение угрозы террористических акций против ядерных и радиоактивных установок и материалов;
- ☐ физическое старение ядерно- и радиационно-опасных объектов и их систем физической защиты;
- ☐ необходимость экологической реабилитации территорий, загрязненных в результате деятельности на ранних этапах использования атомной энергии;
- ☐ недостаточность финансирования, выделяемого для решения проблем ядерной и радиационной безопасности.

Перечисленные факторы, по существу, подчеркивают приоритет проблемы утилизации АПЛ и переработки ОЯТ как неотъемлемой части этого процесса для российского руководства. Значение проблемы было также подтверждено рядом публичных заявлений высших российских официальных лиц.

Что касается конкретных технологических схем утилизации подводных лодок, то высшее российское руководство не делало никаких заявлений относительно окончательного решения, предоставив это ответственному органу государственной власти – Росатому. Возможно, лучшим свидетельством поддержки российским руководством деятельности по переработке ОЯТ на заводе РТ-1 ПО «Маяк» служит тот факт, что она осуществлялась с 1977 г. и продолжается до настоящего момента, и никакие изменения в России не имели существенного влияния на эту работу.

В общем, позиция высшего российского руководства может быть охарактеризована как направленная на поддержку переработки ОЯТ. Стратегия развития атомной энергетики в России, одобренная правительством в мае 2000 г., подразумевает закрытый ядерный топливный цикл как основной вариант развития в будущем.

Хотя ОЯТ, выгружаемое из выведенных из состава АПЛ, не подлежит законодательным ограничениям по причине его чисто российского происхождения, весьма вероятно, что из-за высокой значимости проблемы и потенциальных рисков сходные меры общественного контроля могут быть применены к процессу переработки ОЯТ АПЛ.

Подтверждением этого факта является то, что процесс утилизации АПЛ стал предметом проверок, проведенных Счетной палатой РФ в 2001–2002 гг. Эти проверки были посвящены как конкретно вопросу утилизации АПЛ, так и более широкой проблеме обращения с радиоактивными отходами в России. Опровергая существующее мнение об определенном рода «круговой поруке» внутри российского правительства, Счетная палата заняла жесткую позицию по данному вопросу, выразившуюся в конструктивной критике и указании мест возможных улучшений. В частности, Счетная палата отметила отсутствие всеобъемлющей концепции утилизации АПЛ, а также факт неэффективного использования средств, выделяемых России в рамках международного сотрудничества в области нераспространения. Также стоит отметить, что Счетная палата обратила внимание на отсутствие федерального закона о гражданской ответственности за ядерный ущерб и на отсутствие соответствующих финансовых гарантий. По мнению Счетной палаты,

это значительно ограничивает возможности России по привлечению иностранного содействия, включая то, которое необходимо для решения проблем утилизации АПЛ.

Следует также обратить внимание на проводимую в России административную реформу. Глобальная цель этой реформы заключается в увеличении эффективности госаппарата посредством приведения его в соответствие с требованиями сегодняшнего дня. Одним из базовых принципов этой реформы является разделение регулирующих и управленческих функций. Можно предположить, что подобный принцип действовал и ранее, тем не менее, он не был кодифицирован в российском законодательстве. Сейчас основным президентский указ, определяющий положения административной реформы, содержит четко разграниченные группы функций, выполняемых определенными видами органов государственной власти. Этот указ запрещает, хотя и с некоторыми исключениями, совмещение функций по регулированию и управлению под крышей одного органа власти. Таким образом, этот принцип еще раз подтверждает независимость надзора и способствует обеспечению объективного контроля во всех областях, включая ядерную промышленность в целом и утилизацию АПЛ и обращения с ОЯТ в частности.

Наконец, Глобальное партнерство «восьмерки» было заявлено в качестве одного из приоритетов России в области внешней политики, предотвращения распространения и борьбы с терроризмом. Поэтому к нему приковано пристальное внимание Администрации президента, правительства, парламента и, в меньшей степени, общества в целом.

Позиция Минатома/Росатома

Федеральное агентство по атомной энергии России (Росатом, бывший Минатом) играет главную роль в процессе утилизации АПЛ, обращении с выгружаемым ОЯТ и его переработке. В соответствии с Положением о Росатоме, утвержденном Постановлением правительства №316 от 28 июня 2004 г., Росатом наделяется функциями «государственного заказчика – координатора работ по комплексной утилизации атомных подводных лодок и надводных кораблей с ядерными энергетическими установками, а также по снижению радиационной опасности в местах их дислокации, экологической реабилитации объектов, связанных с временным хранением отработавшего ядерного топлива, твердых и жидких радиоактивных отходов». На самом же деле, Минатом унаследовал ответственность за утилизацию АПЛ от ВМФ, когда в мае 1998 г. было издано соответствующее постановление правительства¹⁹. Главной причиной для передачи ответственности от ВМФ к Минатому явилась неспособность флота эффективно решить эту проблему.

В 2001 г. Минатом принял Концепцию комплексной утилизации АПЛ, которая служит руководящим документом не только для ядерного ведомства, но и для остальных участников процесса. Одним из основных принципов Концепции является реализация замкнутого топливного цикла, включающего переработку ОЯТ на заводе РТ-1 на ПО «Маяк». Это отвечает общей позиции России по вопросу замкнутого ядерного топливного цикла как основы для дальнейшего развития атомной энергетики. В качестве временного варианта рассматривается сухое хранение ОЯТ в контейнерах перед отправкой его на переработку.

Переработка ОЯТ АПЛ, выгружаемого из АПЛ, не будет нововведением, последовавшим в результате позитивного решения иностранных партнеров относительно его поддержки. Переработка уже осуществляется на протяжении достаточно продолжительного периода времени, и уже переработано около 100 тонн такого топлива. Используемая технология отработана и, согласно утверждениям представителей Росатома, на заводе РТ-1 с начала его эксплуатации не произошло ни одного инцидента, классифицированного выше первого уровня по шкале INES²⁰.

Представители Росатома отмечают ряд причин важности скорейшей переработки ОЯТ, выгружаемого из АПЛ.

Снижение радиологической угрозы. ОЯТ, выгружаемое из реакторов АПЛ после облучения, высоко радиоактивно. Суммарная активность ОЯТ АПЛ, находящегося на хранении на береговых базах или на борту выведенных из состава подводных лодок, превышает выброс радиоактивности в результате Чернобыльской аварии²¹. Объекты, на кото-

рых хранятся эти материалы, многочисленны и разбросаны на значительных по площади территориях российского Севера и Дальнего Востока, представляя, таким образом, привлекательную цель для террористов, стремящихся добыть материал, пригодный для изготовления радиологического оружия, кроме того, эти хранилища могут стать объектами диверсии с потенциально опасными последствиями.

Переработка ОЯТ помогает решить эту проблему двумя путями. Во-первых, посредством вывоза материала с многочисленных объектов и его сбора в одном месте. Во-вторых, посредством разделения радиоактивных отходов и ценных материалов. Хотя объем радиоактивных отходов, образующихся в результате переработки, достаточно велик – в результате переработки 1 тонны ОЯТ образуется около 10 тонн жидких радиоактивных отходов и 2 тонн твердых радиоактивных отходов, эти отходы отделяются от ценных материалов перерабатываются.

Утилизация высокообогащенного материала. Обогащение топлива, используемого в реакторах российских АПЛ, изменяется в диапазоне 5–90% U-235. Даже после облучения уровень обогащения урана в некоторых случаях может быть достаточен для изготовления примитивного ядерного взрывного устройства. Наибольшую опасность представляет материал, который хранится на старых береговых базах с пришедшими в упадок системами безопасности. Этот материал выгружен достаточно давно для того, чтобы радиоактивный барьер значительно уменьшился. То есть, этот материал особенно ценен для тех, кто стремится к обладанию ядерным оружием – и для государств, вызывающих озабоченность, и для негосударственных групп. Росатом рассматривает в качестве приоритетных проблемы этих баз и призывает к интенсификации международных усилий для того, чтобы вывезти ОЯТ из этих хранилищ в 2004–2006 гг.

После переработки ОЯТ АПЛ выделенный ВОО смешивается с регенерированным ураном, полученным в результате переработки ОЯТ из реакторов ВВЭР-440, и используется для производства нового низкообогащенного топлива для российских АЭС (см. Рис. 1). Таким образом, количество материала, пригодного для использования в ядерном оружии, сокращается.

Однако надо принимать во внимание, что определенное количество плутония выделяется в результате переработки ОЯТ АПЛ (см. Рис. 1). В настоящее время плутоний отправляется в хранилище, которое, согласно утверждениям представителей Росатома, обеспечено всеми необходимыми мерами физической защиты. Тем не менее, Росатом не исключает возможности дальнейшего использования этого плутония для изготовления МОКС-топлива. Выделенный плутоний хранится на ПО «Маяк». В настоящее время Росатом при содействии Министерства энергетики США реализует ряд проектов по улучшению систем физической защиты, учета и контроля ядерных материалов на заводе РТ-1. В стадии осуществления находятся проекты по реконструкции и расширению хранилища плутония, введение автоматической системы контроля, усовершенствованию технических средств обнаружения и оповещения, реконструкции помещений сил охраны²².

Экономические преимущества и частичная компенсация расходов. Переработка ОЯТ не может быть ни прибыльной, ни даже самоокупаемой деятельностью. Тем не менее, некоторые затраты все еще могут быть компенсированы и некоторые возможности для экономии могут быть найдены.

Во-первых, уран, образующийся в результате переработки, используется для изготовления свежего топлива для АЭС. Из-за некоторых его характеристик топливо, изготовленное из регенерированного урана, может использоваться только в российских АЭС, но не в иностранных²³, что ограничивает возможности для получения прибыли. Во-вторых, стронций и цезий, выделяемые в результате переработки, используются для изготовления источников ионизирующего излучения, что также приносит дополнительный доход.

Другим преимуществом является значительная экономия расходов на переработку по сравнению с расходами на долгосрочное хранение ОЯТ, выгружаемого из атомных подводных лодок. Экономические расчеты, проведенные организациями Росатома, показывают, что для обеспечения хранения 1 тонны ОЯТ АПЛ требуется 12 контейнеров сухого хранения ценой 250 тыс. долл. каждый, то есть минимум 3 млн долл. капитальных

вложений на тонну ОЯТ, исключая эксплуатационные расходы²⁴. Принимая во внимание требуемый срок хранения и срок службы современных контейнеров, можно говорить о существовании риска возникновения необходимости перегрузки из старых в новые контейнеры, что значительно увеличивает затраты.

Еще одна альтернатива переработке ОЯТ – это его окончательное захоронение. Однако создание захоронений, отвечающих современным требованиям безопасности, является сложной и затратной задачей, и конкретные варианты предполагаемой конструкции только предстоит определить. Захоронение также предполагает временное хранение в качестве одного из промежуточных этапов, включая расходы, упомянутые выше, в общие затраты. Тогда как мощности по переработке ОЯТ уже существуют и отсутствует необходимость в значительных дополнительных капитальных вложениях, разработка и сооружение захоронения требуют значительных финансовых вложений в новые мощности и инфраструктуру.

В общем, принимая во внимание сегодняшний темп выгрузки ОЯТ из подводных лодок и существующие мощности по переработке на ПО «Маяк», можно предполагать, что если эти мощности будут эффективно использоваться, тогда проблема вывода АПЛ из эксплуатации и обращения с их ОЯТ может быть решена в обозримый период времени без перерывов в процессе.

Тем не менее, некоторые вложения все еще требуются. Помимо иностранной помощи в оплате труда по переработке, Россия также ищет содействия в сооружении буферного хранилища, нужного для того, чтобы избежать задержек в выгрузке ОЯТ по причине ограниченных возможностей береговой инфраструктуры для хранения ОЯТ. Остается нерешенным вопрос финансирования участка железной дороги на Дальнем Востоке, неудовлетворительное состояние которого препятствует вывозу ОЯТ на ПО «Маяк».

Говоря о позиции иностранных партнеров во время переговоров, Росатом считает ее разумной и определяемой с учетом экономических, технических и социально-политических факторов, свойственных каждому конкретному государству. Представители Росатома особо подчеркивают, что в процессе рассмотрения и принятия решений по проектам, которые подлежат совместной реализации, иностранные партнеры с готовностью принимают во внимание точку зрения российской стороны.

Стоит принять во внимание тот факт, что решение о вопросе перерабатывать ОЯТ АПЛ или нет не зависит от наличия иностранной помощи. Замкнутый ядерный топливный цикл, включая переработку ОЯТ, является одним из основных положений российской политики в отношении развития атомной энергетики. До настоящего времени переработка ОЯТ АПЛ оплачивалась из российского бюджета. Более того, в последние годы Россия сама оплачивала большинство расходов по демонтажу АПЛ. При существующем темпе демонтажа, который признан достаточным, российский бюджет покрывает приблизительно 80% расходов, то есть из 15 утилизируемых ежегодно АПЛ Россия платит за 12²⁵.

Как было отмечено выше, Россия запрашивает иностранное содействие для оплаты переработки ОЯТ и для создания временного хранилища, которое позволит избежать задержек в выгрузке ОЯТ из АПЛ по причине исчерпания возможностей по хранению на береговых базах. Иностранное финансирование не столько увеличит возможности России по переработке (хотя и позволит увеличить эффективность использования существующих мощностей), сколько будет способствовать ускорению сокращения запасов материалов, потенциально пригодных к использованию при создании ядерного взрывного устройства.

Недавно опубликованное исследование, выполненное группой европейских экспертов²⁶, отмечает, что «высокообогащенный уран представляет наибольшую угрозу международной безопасности и стабильности среди тех, которые могут быть реализованы с использованием делящихся материалов. До тех пор, пока надежное и безопасное их хранение не гарантировано, приобретение и применение ВОУ террористами для нанесения катастрофического ущерба не может быть исключено». Далее, это исследование рекомендует, чтобы «в сотрудничестве с Российской Федерацией европей-

ские участники немедленно рассмотрели план уничтожения запасов высокообогащенного урана посредством снижения обогащения ВОУ до уровня НОУ через его разбавление». Хотя данное исследование в основном концентрируется на свежем ВОУ, оно также справедливо признает угрозу, исходящую от ОЯТ, выгружаемого из атомных подводных лодок.

В самом деле, есть свидетельства растущей озабоченности среди иностранных доноров относительно сложившейся ситуации в области обращения с ОЯТ, выгружаемого из выводимых из состава флота АПЛ. Эта озабоченность основана на угрозе, возникающей по причине недостаточности мощностей по выгрузке, транспортировке и хранению выгруженного ОЯТ. Некоторые страны-доноры уже начали оказывать некоторое содействие для улучшения инфраструктуры, необходимой при обращении с ОЯТ. Так, Великобритания дала понять, что проекты, направленные на надежное и безопасное обращение с ОЯТ, будут обладать высоким приоритетом в рамках сотрудничества Великобритании с Россией в области нераспространения в ближайшие годы. В список конкретных проектов входит создание хранилища для ОЯТ на объекте «Атомфлота» в Мурманске, обеспечение безопасного обращения с ОЯТ в Губе Андреева и хранилище ОЯТ на ПО «Маяк»²⁷. Норвегия, как страна, граничащая с регионом, вызывающим озабоченность, на протяжении длительного времени является ведущим донором в области решения проблем обращения с ОЯТ.

Взаимодействие с регулирующими органами

Весь процесс утилизации АПЛ и соответствующее обращение с ОЯТ – от выгрузки до переработки – находятся под надзором Управления государственного надзора за ядерной и радиационной безопасностью (УГН ЯРБ), подчиняющегося Министерству обороны России, а не гражданскому надзорному органу в области ядерной и радиационной безопасности (бывший Госатомнадзор), который в настоящее время является частью большего надзорного органа – Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор). Несколько участков под «двойным надзором» существуют на объектах «Атомфлота» и ПО «Маяк», потому что материалы как гражданского, так и военного назначения находятся на этих участках и формально разделение полномочий между УГН и Ростехнадзором отсутствует.

После 1998 г., когда ответственность за утилизацию АПЛ была передана из Министерства обороны в Минатом, УГН и гражданское ядерное ведомство тесно сотрудничали в деле обеспечения выполнения требований ядерной безопасности в области обращения с ОЯТ АПЛ. Проводится каждодневная работа по приведению технологий, оборудования и инфраструктуры в соответствие с существующими регулирующими документами. Также осуществляется деятельность, направленная на усовершенствование необходимой нормативной базы.

В соответствии с существующей процедурой для осуществления каждой операции выгрузки ОЯТ с подводной лодки необходимо письменное разрешение начальника УГН. Перед этим офицеры УГН, находящиеся непосредственно на объектах, проверяют уровень готовности необходимых технических средств и привлекаемого персонала. Глава УГН несет личную ответственность за выданные разрешения²⁸.

Тем не менее, можно вспомнить ряд вмешательств Госатомнадзора (ГАН) в деятельность, связанную с утилизацией АПЛ и переработкой их ОЯТ. В первом случае глава ГАН Ю.Г. Вишневский в своем письме на имя тогдашнего вице-премьера И.И. Клебанова указал на ряд нарушений в процессе транспортировки ОЯТ с морских баз на ПО «Маяк». Во втором случае ГАН использовал свои полномочия лицензирующего органа для приостановления деятельности по переработке на ПО «Маяк» в начале 2003 г.

Письмо Ю.Г. Вишневского по поводу транспортировки выгружаемого ОЯТ на ПО «Маяк» появилось в октябре 2001 г. В частности, в нем отмечалось использование поврежденных контейнеров для транспортировки ОЯТ на ПО «Маяк» и отсутствие эффективного контроля над ядерной и радиационной безопасностью со стороны Министерства оборо-

ны. Принимая во внимание тот факт, что ГАН не имел никаких полномочий по надзору за этим процессом, это письмо широко рассматривается в качестве личной инициативы тогдашнего главы ГАН Ю.Г. Вишневого.

Второй случай произошел, когда ГАН отказал ПО «Маяк» в продлении истекшей 31 декабря 2002 г. лицензии на переработку ОЯТ. Основной причиной для этого явился продолжающийся сброс радиоактивных отходов в прилегающие водоемы. Ввиду истечения срока действия лицензии ПО «Маяк» пришлось остановить переработку. В действительности, переработка не прекратилась полностью, так как технологически невозможно остановить производственную линию с находящимся в процессе переработки ядерным материалом. Однако загрузка новых топливных сборок в переработку была приостановлена. Прием доставляемого ОЯТ на временное хранение продолжался, однако возник риск истощения возможностей хранилища. После переговоров между ПО «Маяк», Минатомом и ГАН новая лицензия была выдана на условии постепенного снижения выбросов к 2008–2010 гг. и введения ежемесячных инспекций утилизации отходов.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

В целом вся проблема выводимых из боевого состава АПЛ всегда была и остается объектом внимания со стороны общественности, в особенности, по причине экологической составляющей проблемы и угрозы окружающей среде, происходящей от этих подводных лодок. В последнее время внимание общества также было в большой степени подогрето двумя значительными инцидентами, когда две АПЛ с ядерным топливом на борту – одна из них при несении службы, а другая на стадии транспортировки к месту утилизации – затонули на Севере России.

Впервые вопрос экологической угрозы, исходящей от атомных подводных лодок, возник в общественных дискуссиях в середине 1990-х гг., когда бывший офицер ВМФ А.К. Никитин в сотрудничестве с норвежской экологической НПО «Беллуна» раскрыл данные о состоянии атомных подводных лодок и рассказал об исходящей от них угрозе. Это вылилось в продолжительное судебное разбирательство на основании обвинения Никитина в раскрытии государственной тайны. Однако в соответствии с федеральным законом «О государственной тайне» не подлежит засекречиванию информация:

- ☐ о чрезвычайных происшествиях и катастрофах, угрожающих безопасности и здоровью граждан, и их последствиях, а также о стихийных бедствиях, их официальных прогнозах и последствиях;
- ☐ о состоянии экологии, здравоохранения, санитарии, демографии, образования, культуры, сельского хозяйства, а также о состоянии преступности.

В итоге, на этой основе А.К. Никитин был оправдан.

В 2000 г. на Севере России затонула АПЛ «Курск». Это послужило причиной значительных публичных дебатов, достигших вершины российского общества и власти. На основе анализа значительного объема публикаций в СМИ можно небезосновательно утверждать, что именно это происшествие привлекло внимание широких кругов общественности и властей в России и за рубежом, привело к активной дискуссии и стало одной из причин включения утилизации АПЛ в качестве одного из наивысших приоритетов международного сотрудничества России в области нераспространения.

ПО «Маяк» – объект, где осуществляется переработка ОЯТ, выгружаемого из АПЛ, также является предметом обсуждения общественности на основе озабоченности экологической ситуацией вокруг него. Тем не менее, есть основания сделать вывод о том, что эти споры на самом деле не вызваны деятельностью завода РТ-1, где перерабатывается ОЯТ АПЛ. Как заявляет руководство ПО «Маяк» и Росатома, за все время эксплуатации РТ-1 не было ни одного значительного инцидента с опасными для окружающей среды последствиями. Предметом основной озабоченности общественности является катастрофическое радиоактивное загрязнение окружающих территорий, в особенности

реки Теча. Это загрязнение было вызвано масштабными сбросами жидких радиоактивных отходов между 1949 и 1956 гг. в ранние годы работы ПО «Маяк», когда вопросы защиты окружающей среды были принесены в жертву военным усилиям.

Другая проблема, являющаяся предметом озабоченности общества в настоящее время, это продолжающийся сброс низко- и среднеактивных отходов в прилегающие водоемы. До недавних пор этот сброс продолжался из-за несогласованности российского экологического законодательства. Тем не менее, как отмечалось выше, действующая лицензия на деятельность ПО «Маяк» обусловлена постепенным снижением и, в конечном итоге, прекращением сбросов. Приверженность ПО «Маяк» и Росатома обязательству о прекращении сбросов существенна для создания приемлемого общественного мнения в отношении переработки ОЯТ АПЛ на предприятии.

Говоря конкретно об ОЯТ, выгружаемом из утилизируемых АПЛ, основным предметом общественной дискуссии является транспортировка ОЯТ с морских баз на ПО «Маяк», о чем говорилось выше.

До сих пор нераспространенческая мотивация переработки ОЯТ, включая ее позитивные стороны (консолидация и конверсия материалов, пригодных для создания ядерного оружия) и негативные (накопление дополнительных количеств выделенного плутония) моменты, не играла значительной роли в общественных дискуссиях относительно переработки ОЯТ АПЛ. Напротив, экологическое сообщество от случая к случаю делало отдельные попытки использовать аргументы из области нераспространения в качестве дополнительных аргументов против всей ядерной промышленности в целом и отдельных установок в частности.

Однако с ростом угрозы терроризма, включая возможности нападения на ядерно-опасные объекты, и, соответственно, с ростом общественной озабоченности этим, нераспространенческие мотивации, в особенности имеющие отношение к вопросам физической защиты ядерных объектов и предотвращению хищения ядерных материалов, весьма вероятно, станут предметом активной дискуссии в обществе и широких кругах властных элит.

Несколько провоцирующих, хотя и сомнительных с правовой и методологической точек зрения, попыток привлечь внимание к этой проблеме уже были сделаны. В 2002 г. группа экологических активистов во главе с депутатом Государственной Думы С.С. Митрохиным проникла на территорию Горно-химического комбината в Железнодорожске (бывший Красноярск-26) – еще одного крупного предприятия ядерного топливного цикла в России, используя брешь в ограждении объекта. Целью этой акции было продемонстрировать низкий уровень защиты российских ядерных объектов. Будучи сомнительного свойства, эта попытка, тем не менее, спровоцировала ответные действия российских властей и вызвала до некоторой степени позитивную реакцию президента России В. Путина.

Одной из главных заслуг программы утилизации АПЛ с российской стороны является тот факт, что она широко и публично освещается лицами, вовлеченными в управление программой и ее реализацию. Программа утилизации АПЛ определенно является наиболее публично освещаемым проектом российской ядерной промышленности в оборонной сфере. Управляющие программой в российском ядерном ведомстве, включая ответственного заместителя главы Агентства, доступны для прессы и общественности. PR-составляющие включают регулярно обновляемый Интернет-сайт, печатный бюллетень по вопросам утилизации АПЛ, регулярные публикации и заявления руководителей программы, связи с местным населением в регионах, где расположены вовлеченные в программу объекты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате данного исследования могут быть сделаны следующие выводы:

- переработка ОЯТ, выгружаемого из демонтируемых АПЛ, является одной из мер, направленных на ускорение процесса утилизации посредством устранения при-

чин для задержек, вызванных истощением возможностей по временному хранению;

- ❑ переработка ОЯТ АПЛ сама по себе является мерой, способствующей нераспространению. Она содействует консолидации топлива на меньшем количестве объектов и, что еще более важно, конвертированию ВОУ, пригодного к использованию в ядерном оружии, в НОУ-топливо для использования на АЭС;
- ❑ переработка ОЯТ является принципиальным выбором России в области развития ядерной энергетики и ядерного топливного цикла. До сих пор переработка ОЯТ АПЛ оплачивалась из средств российского бюджета. Принимая во внимание этот факт, следует понимать, что решение России по переработке ОЯТ АПЛ не зависит от размеров иностранного содействия, зависят лишь сроки переработки ОЯТ;
- ❑ благодаря уже созданным возможностям, переработка ОЯТ в настоящее время является наиболее экономически жизнеспособной по сравнению с другими вариантами, такими, как окончательное захоронение.
- ❑ иностранное содействие может помочь увеличить безопасность процесса в целом, включая экологические аспекты и физическую защиту ядерных объектов и материалов, а также скорость перевода продуктов ОЯТ в более безопасные формы. Дополнительное финансирование переработки ОЯТ АПЛ поможет также избежать избыточного накопления ОЯТ во временных хранилищах.

Примечания

¹ Автор выражает признательность В.Д. Ахунову, Д.О. Кобякову, В.А.Орлову, О. Рейстаду и А.В. Хлопкову за помощь в подготовке работы и предоставленные материалы.

² Заявление Президента России по итогам саммита «восьмерки» в Эвиане, 3 июня 2003 г. Доступно на http://www.kremlin.ru/appears/2003/06/03/1828_type63380_46711.shtml

³ Для целей данной таблицы 1 евро = 1,31 доллара США.

⁴ На 2004–2006 гг.

⁵ Дополнительное финансирование ожидается для новых проектов в 2005 г.

⁶ Не может быть использовано для утилизации многоцелевых АПЛ.

⁷ Сергей Антипов. Выступление на Конференции международных партнеров по Инициативе по глобальному уменьшению угрозы. Вена, 18 сентября 2004 г. Доступно на <http://www.minatom.ru/News/Main/view?id=5193> по состоянию на 5 декабря 2004 г.

⁸ Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения: Справочник. Отв. ред. В.А. Орлов. М.: Права Человека, 2005. С. 57.

⁹ Тезисы выступления В. Ахунова на встрече экспертной группы МАГАТЭ. Москва, 13–15 октября 2004 г. Доступно на <http://www.a-submarine.ru/News/Main/view?id=10057&idChannel=211>

¹⁰ О состоянии и мерах по ускорению работ по утилизации атомных подводных лодок и надводных кораблей с ядерными энергетическими установками. Материал представлен на заседании Правительства России, 4 декабря 2003 г.

¹¹ Сергей Антипов. Состояние и перспективы международного сотрудничества в области утилизации атомных подводных лодок. Выступление на международной конференции «Глобальное партнерство стран «большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения», Москва, 23–24 апреля 2004 г.

¹² В соответствии с планами Росатома.

¹³ В ходе административной реформы в 2004 году Минатом был преобразован в новое агентство с новым сокращенным названием – Росатом. Оба названия – Минатом и Росатом – используются в данной статье. «Минатом» относится к событиям, имевшим место до реформы, «Росатом» – к событиям после реформы и настоящему времени.

¹⁴ См. например: Oleg Bukharin and William Potter. Potatoes were Guarded Better. *Bulletin of the Atomic Scientists*. May-June 1995; Mikhail Kulik. Some Problems of Nuclear Materials Storage at the Northern Fleet. *Yaderny Kontrol*. №2, 1995, February. P.12-15.

¹⁵ Владимир Короткевич, Евгений Кудрявцев. Технология и безопасность обращения с облученным ядерным топливом в Российской Федерации. Бюллетень по атомной энергии, декабрь 2002 г.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Изначально предполагалось, что Декларация о намерениях, подписанная 30 июня 2004 г., будет подписана двумя неделями ранее. Однако после задержки церемонии на 30 минут, российская сторона отказалась поставить свою подпись по причине того, что все расходы, имеющие отношение к полному циклу обращения с ОЯТ, не были включены в сумму контракта. Идея оказания экономической поддержки продолжающейся переработке ОЯТ трудноисполнима в скептически настроенной по отношению к ядерным технологиям Норвегии; впоследствии это требование было исключено и контракты наконец подписаны.

¹⁸ На саммите «восьмерки» в Си-Айленде 8–10 июня 2004 года Greenpeace организовала протесты против продолжающейся эксплуатации ПО «Маяк» и переработки как метода утилизации ОЯТ. См. например: http://www.greenpeace.org/russia_en/news/details?item_id=490392&campaign_id=

¹⁹ Постановление Правительства РФ № 518 «О мерах по ускорению утилизации атомных подводных лодок и надводных кораблей с ядерными энергетическими установками, выведенных из состава Военно-Морского флота, и экологической реабилитации радиационно-опасных объектов Военно-Морского флота», 28 мая 1998 г.

²⁰ Владимир Короткевич, Евгений Кудрявцев. Технология и безопасность обращения с облученным ядерным топливом в Российской Федерации. Бюллетень по атомной энергии. Декабрь 2002.

²¹ Сергей Антипов. О состоянии и мерах по ускорению работ по утилизации атомных подводных лодок и надводных кораблей с ядерными энергетическими установками и экологической реабилитации радиационно-опасных объектов, выведенных из состава Военно-Морского флота. 16 декабря 2003 г. Доступно на <http://www.minatom.ru/News/Main/view?id=529&idChannel=105>

²² Россия – США: сотрудничество с целью повышения антитеррористической защищенности ПО «Маяк». 27 июля 2004 г. Доступно на <http://www.minatom.ru/News/Main/view?id=2469&idChannel=343>

²³ Интервью с В.Д. Ахуновым, декабрь 2004 г.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Gunnar Arbman, Francesco Calogero, Paolo Cotta-Ramusino, Lars van Dassen, Maurizio Martellini, Morten Bremer Maerli, Alexander Nikitin, Jan Prawitz, Lars Wredberg. Eliminating Stockpiles of Highly Enriched Uranium: Options for an Action Agenda in Co-operation with the Russian Federation. SKI Report 2004:15. April 2004.

²⁷ The G8 Global Partnership. Progress during 2004 on the UK's programmes to address nuclear, chemical and biological legacies in the Former Soviet Union. December 16, 2004. Доступно на http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/news/Second_annual_report.pdf

²⁸ Николай Юрасов. Заявление на пресс-конференции «О состоянии работ по утилизации атомных подводных лодок и надводных кораблей с ядерными энергетическими установками, выведенных из боевого состава ВМФ». 24 декабря 2003 г. Доступно на <http://old.minatom.ru/presscenter/document/news/stenogramma1.doc>

Ядерная оружейная программа Южной Африки, ее создание и развертывание, затем добровольное свертывание этой программы, демонтаж южноафриканского ядерного оружия и, наконец, предоставление полной отчетности об имеющихся в стране ядерных материалах, что было подтверждено Международным агентством по атомной энергии, – явление поистине уникальное в истории ядерного распространения/нераспространения. Изучение этого явления представляет собой не только чисто исторический, но и немаловажный практический интерес. Независимо от мотивов, которыми руководствовалось правительство белого меньшинства ЮАР, создавая атомное оружие, а впоследствии принимая решение отказаться от него, этот прецедент наглядно и убедительно показывает, что ядерное разоружение является – при надлежащей политической воле – делом достижимым и практически осуществимым под вполне надежным международным контролем.

Настоящая работа основана на документальных и литературных источниках, материалах средств массовой информации², а также на находящихся в личном архиве автора документах и записях, относящихся к переговорам, проходившим в Вене в 1988–90 гг. между делегацией ЮАР и делегациями государств-депозитариев Договора о нераспространении ядерного оружия – Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза, которые в конечном итоге привели к присоединению ЮАР к этому Договору 10 июля 1991 г.

СТАНОВЛЕНИЕ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ЮАР

В 1948 г. по закону, принятому парламентом Южной Африки, был учрежден Совет по атомной энергии (Atomic Energy Board). В его задачу входил контроль за добычей и продажей урана Объединенному агентству по развитию (Combined Development Agency) – организации, созданной Великобританией и Соединенными Штатами во время Второй мировой войны с целью закупки урана для своих военных атомных программ. По состоянию на 1987 г. ЮАР вместе с Намибией занимала второе место в мире по запасам урана (без СССР и стран Варшавского Договора) – 22,1%, отставая только от Австралии (29,7%).

В 1959 г. парламент страны внес изменения в этот закон, санкционировав проведение научно-исследовательских работ в области атомной энергии и строительство соответствующих установок в районе Пелиндабы, неподалеку от столицы ЮАР Претории. Строительство началось в 1961 г. Поначалу велись научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию тяжеловодного реактора на природном уране с натриевым теплоносителем. Однако в 1969 г. было решено прекратить эти работы и пе-

рейти на разработку методов и строительство мощностей по обогащению урана как для внутренних, так и для экспортных целей.

В результате успешных лабораторных опытов по обогащению урана, завершенных в 1969 г., было решено продолжить дальнейшую разработку этого метода обогащения на промышленной основе и построить опытно-промышленную (pilot) установку (Y-Plant). Для этого в 1970 г. была создана Корпорация по обогащению урана (Uranium Enrichment Corporation – UCOR) в Валиндабе, вблизи Пелиндабы. Позднее, в 1982 г., эта Корпорация была объединена с Советом по атомной энергии, и новая организация стала называться Корпорацией по атомной энергии (Atomic Energy Corporation – AEC), которая существует и поныне под новым названием – Южноафриканская корпорация по ядерной энергии (South African Nuclear Energy Corporation – NECSA).

В соответствии с разработанным в ЮАР методом, разделение изотопов урана и его обогащение происходит за счет быстрого вращения гексафторида урана в смеси с водородом в неподвижно установленной трубке. По мнению американского специалиста Д. Олбрайта, такой метод обогащения отличается от разработанного немцами в 1960-х гг. процесса «соплового» разделения изотопов, известного как метод Беккера. Олбрайт считает, что южноафриканцы знали о методе Беккера, но их способ обогащения является иным, хотя и в какой-то мере близким к немецкому³. При том, что южноафриканские специалисты проделали значительное число самостоятельных исследований, многие компоненты и материалы для их программы обогащения были приобретены за границей. Так, некоторое количество гексафторида урана было импортировано из Франции⁴.

В июле 1970 г. премьер-министр ЮАР информировал парламент о том, что южноафриканские ученые «успешно разработали новый процесс обогащения урана» и что они «в настоящее время заняты строительством опытного завода по обогащению урана на основе этого процесса»⁵.

Опытно-промышленный завод в Валиндабе был частично введен в эксплуатацию в 1974 г., а полностью начал функционировать в марте 1977 г. Первый высокообогащенный уран (80% по U-235) был получен в январе 1979 г. В августе 1979 г. на заводе произошла авария, и он вновь стал выпускать продукцию только в июле 1981 г. Опытно-промышленный завод производил не только уран для оружейных целей, но и 45-процентный уран для исследовательского реактора Сафари (Safari) и 3,25-процентный уран для АЭС в Кёберге⁶. Проектируемая мощность предприятия составляла 10–15 тыс. ед. разделительных работ в год, но потенциально могла быть доведена до 20 тыс. ед.

Если исходить из того, что завод производит 10 тыс. ед. разделительных работ в год, то он мог ежегодно давать около 60 кг 90-процентного урана, что было бы достаточно для изготовления одного ядерного боезаряда пушечного типа южноафриканской конструкции. Но, как считает Олбрайт, поскольку одновременно завод производил обогащенный уран также для своего исследовательского реактора Сафари и для АЭС в Кёберге, то он вряд ли мог выпускать БОУ в таком количестве. По оценкам, всего опытно-промышленная установка произвела около 430 кг оружейного урана⁷. На опытном заводе было занято 250 специалистов, работавших в три смены. Завод прекратил наработку высокообогащенного урана изложенным выше методом в феврале 1990 г.

На основе разработанной в ЮАР обогатительной технологии было построено и в 1988 г. введено в эксплуатацию более крупное предприятие для производства обогащенного урана для реактора Сафари и АЭС в Кёберге мощностью 300 тыс. ед. разделительных работ в год. Однако в дальнейшем стало очевидно, что процесс обогатительных работ оказался чрезвычайно энергоемким и неконкурентоспособным по сравнению с поставками топлива из-за рубежа, и в результате этого в 1995 г. было решено эксплуатацию предприятия прекратить⁸.

На опытно-промышленной обогатительной установке (Y-Plant) после прекращения наработки БОУ южноафриканские специалисты приступили к созданию модуля для лазерного метода обогащения молекулярных соединений урана (MLIS) и получения НОУ под гарантиями МАГАТЭ⁹, но в конце 1997 г. из-за финансовых и технических трудностей

этот проект был закрыт¹⁰. Таким образом, в настоящее время работы в ЮАР по обогащению урана не ведутся¹¹.

СОДЕЙСТВИЕ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ В СОЗДАНИИ АТОМНОЙ И РАКЕТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮАР

В начале 1960-х гг. США поставили Южной Африке исследовательский легководный реактор Сафари-I мощностью 10 МВт, доведенной позднее до 20 МВт, который работал на высокообогащенном уране (45% по U-235). Реактор, предназначенный для производства изотопов, был пущен в строй в 1965 г. Он находится под гарантиями МАГАТЭ с 1967 г. В 1976 г. по распоряжению президента США Дж. Форда американцы прекратили поставку топлива для реактора, и южноафриканцы перешли на использование собственного обогащенного урана, производимого на опытно-промышленной установке по обогащению урана в Валиндабе, которая не находилась под гарантиями МАГАТЭ. В 1984–1986 гг. между Агентством и ЮАР проходили переговоры о постановке под гарантии установки на основе системы гарантий по документу INFCIRC/66/Rev/2, однако эти переговоры закончились безрезультатно из-за отказа властей ЮАР пойти на требуемый этой системой принцип доступа инспекторов Агентства к чувствительным зонам установки.

Соединенные Штаты предполагали поставить Южной Африке и два энергетических реактора, но после того как стало известно о вводе в эксплуатацию обогатительной установки в Валиндабе, из-за оппозиции Конгресса США сделка не состоялась¹². Тогда свои услуги предложила Франция, построившая два легководных энергоблока мощностью по 920 МВт в Кёберге недалеко от Кейптауна. Они были пущены в эксплуатацию в 1984 и 1985 гг. Низкообогащенный уран для реакторов вначале поступал из Франции, ФРГ и других стран, сейчас же южноафриканцы в основном обеспечивают АЭС российским ядерным топливом. Оба энергоблока с самого начала находятся под гарантиями МАГАТЭ.

Особое место занимали отношения ЮАР с Израилем. Книга известного американского журналиста С. Херша об израильской ядерной программе, вышедшая в 1992 г., выдвинула сенсационные предположения о том, что Израиль был готов предоставить южноафриканцам ядерное оружие в обмен на возможность проведения испытаний на полигоне в пустыне Калахари, однако убедительных доказательств этого журналистом приведено не было¹³.

В то же время является очевидным, что Израиль был весьма заинтересован в южноафриканском уране, и, действительно, через посредничество бригадного генерала ЮАР И. Блааува он смог получить свыше 600 тонн уранового концентрата. В свою очередь, были сообщения о том, что Израиль предоставил ЮАР 30 г трития, используемого для усиления мощности атомного заряда. Корпорация ЮАР по атомной энергии признала получение трития от «иностранных поставщиков», но отказалась назвать их даже Международному агентству по атомной энергии при переговорах о постановке под гарантии своей атомной деятельности. Впрочем, тритий, имеющий короткий период полураспада, для южноафриканских атомных зарядов пушечного типа, судя по всему, так и не был использован¹⁴. Согласно докладу СВР РФ, ЮАР усилила свои атомные боезаряды путем использования в них ВОУ с добавками дейтерия и трития. Но это отрицают другие источники. Так, Д. Олбрайт утверждает, что в середине 1980-х гг. Корпорация по атомной энергии решила передать тритий для изготовления люминесцентных указателей¹⁵.

Сообщалось также, что Израиль оказывал содействие Южной Африке в разработке тягеловодного реактора Сафари-II нулевой мощности, который, однако, был выведен из эксплуатации в конце 1960-х гг.¹⁶ и демонтирован в 1970 г. В докладе ЦРУ США от 1979 г. даже утверждалось: «Израильяне в течение последних нескольких лет не только участвовали в некоторых ядерных исследованиях, проводимых в Южной Африке, но также предложили и передали ей различные виды передовой неядерной технологии для ядерного оружия»¹⁷.

Нельзя полностью исключать и того, что ЮАР могла оказать содействие Израилю в сентябре 1979 г., когда в Южной Атлантике имело место явление, зафиксированное амери-

канским разведывательным спутником, которое могло быть ядерным взрывом, хотя многие специалисты и сомневаются в достоверности этого предположения. Подробнее об этом будет рассказано ниже.

Наряду с этим имело место сотрудничество между ЮАР и Израилем и в ракетной области. Были сообщения, что южноафриканцы провели испытание ракеты, созданной в сотрудничестве с Израилем. Так, информационное агентство *NBC News* передало в октябре 1989 г., что 5 июля этого года с испытательного полигона Оверберг был осуществлен пуск ракеты дальностью 1500 км¹⁸. Это позволяет предполагать, что она была вариантом израильской ракеты *Иерихон*. Хотя и Израиль, и ЮАР пытались опровергнуть эти сообщения, «анонимные» американские официальные лица подтвердили наличие совместных усилий обоих государств в ракетной сфере¹⁹. По данным доклада СВР РФ, основа ракетостроения ЮАР была создана в тесном сотрудничестве с фирмой *Israel Aircraft Industries*. Зафиксирован факт проведения испытательных пусков ракет средней дальности. Основные объекты ракетной отрасли базируются в районе Кейптауна²⁰. Как считает Д. Олбрайт, южноафриканцы предполагали в дальнейшем создать ракету дальностью 3000 км при содействии Израиля, и сотрудничество между двумя странами в ракетной области продолжалось до 1992–1993 гг.²¹. В 1994 г. правительство ЮАР отказалось от создания ракет средней дальности и в 1995 г. вступило в международный Режим контроля ракетных технологий (РКРТ).

В 2003 г. по предложению Южноафриканского исторического архива (*South African History Archive*) на основании Закона о содействии доступу к информации был рассекречен весьма интересный трехстраничный меморандум начальника штаба Южно-Африканских Сил Обороны (*South African Defence Force – SADF*) генерал-лейтенанта Р.Ф. Армстронга от марта 1975 г. на имя главнокомандующего вооруженными силами страны адмирала Биермана, в котором рекомендовалось приобрести израильскую ракету *Иерихон-1*, причем с «системой оружия» (*«Jericho Weapon System»*). Хотя в тот период работы в ЮАР по проектированию и созданию ядерных взрывных устройств в «мирных целях» только начинались, показательно, что военные уже тогда всерьез рассматривали вопрос об оснащении вооруженных сил Южной Африки ядерным оружием. Любопытно, что целесообразность создания ядерного оружия мотивировалась в меморандуме не советским или китайским влиянием на национально-освободительное движение в прилегающих к ЮАР странах Африки, как не раз утверждалось тогдашними южноафриканскими властями, а угрозой со стороны «черных террористических организаций»²².

Можно предполагать, что в ЮАР сохранились и другие документы, относящиеся к ее ядерной программе и к сотрудничеству в этой области с Израилем и, возможно, с другими государствами. Впрочем, не исключено, что они были уничтожены перед приходом к власти правительства черного большинства и вступлением ЮАР в ДНЯО. Именно так считает Д. Олбрайт, который после посещения ЮАР писал, что к 24 марта 1993 г., когда президент страны Ф.У. де Клерк объявил о том, что Южная Африка располагала ядерным оружием, «большая часть секретных документов» была уничтожена²³.

По данным СВР РФ, в рамках осуществления как ядерной, так и ракетной программ южноафриканской стороной была создана сеть секретных торговых организаций по закупке за рубежом технологий двойного назначения, материалов и оборудования. Одной из них являлась «*Gamma System Associates*». «Оценка имеющихся фактов свидетельствует, что этими организациями регулярно добывались в США, ФРГ и других западных странах перспективные технологии «двойного назначения»²⁴. Были сообщения о том, что Претория получала содействие в создании опытно-промышленной обогатительной установки в Валиндабе от немецкой фирмы «*STEAG*»²⁵.

МОТИВЫ СОЗДАНИЯ ВОЕННОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ЮАР

Как мотивировали официальные представители правительства белого меньшинства решение о создании ядерного оружия?

По официальным разъяснениям южноафриканских властей, в 1960-х гг. в Южной Африке заинтересовались американскими работами по использованию энергии атомных взрывов в мирных целях (Ploughshare Program). В 1971 г. министр рудной промышленности ЮАР одобрил программу проведения предварительных исследовательских работ относительно возможности использования ядерных взрывов для создания морских гаваней, разработки рудных месторождений и строительства дорог в горных условиях. Программа, как утверждает руководитель КАЭ ЮАР В. Стумпф, имела ограниченный характер и сводилась в основном к изучению имеющейся литературы, теоретическим расчетам и исследованию баллистики ядерных взрывов. Проводилось также изучение разных типов ядерных взрывных устройств – в основном пушечного, но также и имплозивного. В 1974 г. была завершена подготовка доклада, содержавшего *вывод о возможности создания ядерных взрывных устройств для мирных целей*, на основе которого глава правительства Дж. Форстер одобрил разработку таких устройств и утвердил бюджет на подготовку испытательного полигона для подземного взрыва²⁶. Это подтвердил впоследствии и президент Ф.У. де Клерк, когда объявил в марте 1993 г. о том, что в Южной Африке существовала программа создания ядерных взрывных устройств.

Во второй половине 1970-х гг., как писал В. Стумпф, международная обстановка вокруг Южной Африки «заметно ухудшилась». После ухода Португалии из своих колоний Анголы и Мозамбика и получения ими независимости и, кроме того, в результате ввода в Анголу в 1975 г. при материальной и военно-технической поддержке СССР кубинских войск, количество которых в дальнейшем достигло 50 тыс. человек, руководство Южной Африки, проводившее политику апартеида в отношении черного большинства страны, стало, указывает В. Стумпф, испытывать все большую политическую изоляцию.

Наряду с этим западные государства стали ограничивать свои связи с ЮАР в атомной области. В 1976 г. администрация США прекратила поставку обогащенного урана для реактора Сафари, а в 1978 г. при администрации Дж. Картера Конгрессом США был принят новый закон о ядерном нераспространении, установивший норму, согласно которой ядерные поставки могли осуществляться только в страны, находящиеся под полными гарантиями МАГАТЭ (full-scope safeguards).

В Организации Объединенных Наций и Международном агентстве по атомной энергии под воздействием, прежде всего, африканских государств развернулось мощное движение в пользу применения санкций против правительства белого меньшинства ЮАР. Генеральная Ассамблея ООН в 1970-х и 1980-х гг. приняла ряд резолюций с осуждением политики апартеида. В 1977 г. Совет Безопасности ООН установил эмбарго на поставки оружия в Южную Африку. В том же году ЮАР лишилась «назначаемого» (т.е. фактически постоянного) места в Совете управляющих Агентства, которое с самого начала ей принадлежало в соответствии со ст. VI.A Устава МАГАТЭ как стране, наиболее развитой в области атомной энергии в африканском регионе, и это место получил Египет. А начиная с 1979 г. Южная Африка была лишена возможности участвовать в работе ежегодно проводимой Генеральной конференции Агентства, поскольку полномочия ее представителей на сессиях Генконференции не признавались конференцией.

В условиях быстро растущей политической изоляции ЮАР, усиления угрозы со стороны Севера и ограничений на поставку международным сообществом обычных вооружений в Южную Африку правительством Дж. Форстера было принято в 1974 г. решение о создании «стратегического сдерживающего средства». Именно так официальные лица правительства белого меньшинства мотивировали принятое решение, заявляя при этом, что «альтернативы созданию своего ядерного сдерживающего средства практически не существовало, и этот аргумент, с точки зрения Южной Африки, был весьма убедительным»²⁷. В апреле 1978 г. премьер-министр ЮАР Дж. Форстер одобрил «стратегию сдерживания», основанную на трех этапах:

- Этап 1: Стратегическая неопределенность, при которой способность (создать сдерживающее средство) не будет ни признаваться, ни опровергаться.

- Этап 2: Если южноафриканская территория подвергнется угрозе, будет рассмотрена возможность тайного признания в наличии (сдерживающего средства) некоторым международным державам, например, Соединенным Штатам.
- Этап 3: Если такое частичное раскрытие возможностей Южной Африки не приведет к международному вмешательству для устранения угрозы, то будет рассмотрен вариант публичного признания или демонстрация таких возможностей путем проведения подземного испытания.

В. Стумпф утверждает, что возможность применения ядерного оружия в тактических целях не рассматривалась и не предполагалась, поскольку полностью отдавался отчет в том, что подобный акт может вызвать «массированное международное возмездие». На практике, отмечал В. Стумпф, принятая стратегия не вышла за пределы первого этапа²⁸.

Как представляется, южноафриканское правительство белого меньшинства, по-видимому, вопреки рекомендациям военных стремилось действовать в ядерной области с осторожностью и даже расчетливостью. С одной стороны, оно не могло не принимать во внимание, что на фоне усиливавшегося процесса всеобщей деколонизации Африки и других зависимых территорий мира среди политической элиты страны существовали серьезные опасения относительно дальнейшей судьбы белого меньшинства, а с другой, – наиболее трезвые и дальновидные политики видели, что раньше или позже придется либо делить власть с черным большинством, либо даже передать ее полностью этому большинству. Что стало бы с ядерным потенциалом, если бы он естественным путем оказался в руках правительства черного большинства?

Руководство ЮАР не могло не учитывать и фактор сильного влияния на складывавшуюся ситуацию солидарных действий основных ядерных держав – США, Советского Союза и Великобритании, которые к тому же являются государствами-депозитариями Договора о нераспространении ядерного оружия и активными сторонниками максимальной универсализации международного режима ядерного нераспространения. Об этом подробнее будет сказано ниже.

При всем том нельзя не отметить очевидную непоследовательность ядерной стратегии правительства белого меньшинства, выработанной при Дж. Форстере. Даже с точки зрения простого здравого смысла ее вряд ли можно считать до конца продуманной. Предположим, что дело дошло бы до реализации третьего этапа указанной стратегической линии (т.е. до испытания ядерного оружия). Последствия этого могли бы быть катастрофическими, самоубийственными для белого меньшинства, которое восстановило бы против себя практически весь мир. Возможно также, однако, что южноафриканское руководство заранее предвидело последующий ход событий. Так, или иначе, но произошедшее в дальнейшем было наиболее благоприятным исходом и для ЮАР, и для всей Африки, и для мира в целом.

Можно также предполагать, что внутри политической элиты страны могли иметь место расхождения между сторонниками более жесткого и адвокатами более умеренного курса в отношении тех сил внутри страны и за ее пределами, особенно в непосредственной близости от Южной Африки, которые захотели бы форсировать перемены в ЮАР. Но, так или иначе, к концу 1980-х гг., когда стало яснее, «куда дуют ветры», наличие ядерного оружия стало для правительства белого меньшинства фактом весьма обременительным, и ему пришлось проявить большую предусмотрительность, изобретательность и даже изворотливость, чтобы это оружие не оказалось в руках черного большинства и чтобы в то же время мировое сообщество убедилось в том, что все уже произведенное ядерное оружие демонтировано, а извлеченный из него оружейный материал направлен на невоенные цели под надлежащим международным контролем.

РАБОТЫ ПО СОЗДАНИЮ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ ЮАР

В 1979 г. правительство решило возложить задачу создания ядерного оружия на государственную Корпорацию по развитию и производству вооружений (Armaments

Corporation – ARMSCOR), при этом КАЭ поставляло бы этой корпорации БОУ, а также оказывало необходимую научно-техническую поддержку. К 1981 г. Корпорация вооружений построила соответствующее предприятие по изготовлению ядерного оружия.

Но первый полномасштабный образец взрывного устройства пушечного типа был создан КАЭ еще в 1977 г., и предполагалось, что в августе того же года будет произведено подземное испытание²⁹ этого устройства на основе обедненного урана³⁰, поскольку опытно-промышленная обогатительная установка еще не произвела достаточного количества оружейного материала³¹. Для проведения ядерных взрывов по решению правительства был создан испытательный полигон в пустыне Калахари, и в 1976 и 1977 гг. пробурены две скважины глубиной соответственно 385 и 216 м³².

Однако в начале августа 1977 г. советские разведывательные спутники обнаружили подготовку к ядерным испытаниям, и, как широко освещалось прессой, правительство Советского Союза информировало об этом администрацию США.³³ Американская разведка подтвердила данный факт, и западные державы оказали на правительство ЮАР необходимое воздействие с тем, чтобы оно отказалось от проведения испытания. Французское правительство, которое уже заключило контракт на строительство АЭС в Кёберге, 22 августа также сделало предупреждение правительству Южной Африки о «серьезных последствиях» испытания, что было расценено как явный намек на то, что оно может разорвать этот контракт³⁴. Испытание было отменено, а полигон законсервирован.

Второе ядерное устройство было создано в 1978 г., и к ноябрю 1979 г. для него было получено 55 кг БОУ 80%-го обогащения по U-235. Устройство предназначалось для демонстрационного испытания, но так и не было использовано по назначению.

По утверждению Д. Олбрайта, в конце 1970-х гг. в специально оборудованном здании (Building 5000) в Пелиндабе был успешно проведен «подкритический» эксперимент с устройством пушечного типа, в котором было использовано некоторое количество БОУ³⁵.

Большой международный шум вызвали сообщения о «двойной вспышке», зафиксированной 22 сентября 1979 г. в Южной Атлантике американским спутником «Vela», предназначенном для контроля атмосферных ядерных испытаний. Специальные суда, направленные в район предполагаемого взрыва, каких-либо радиоактивных осадков, однако, не обнаружили. Впрочем, некоторые американские специалисты объясняют это тем, что использовалось более или менее «чистое» взрывное устройство небольшой мощности (порядка 2–4 кт).

Комиссия экспертов по расследованию инцидента, назначенная президентом Дж. Картером, после изучения всех фактов пришла к выводу, что обнаруженная спутником вспышка, «вероятно», не была результатом ядерного взрыва. Однако другие американские ведомства и организации, в частности Defense Intelligence Agency, Naval Research Laboratory и Лос-Аламосская лаборатория, не согласились с выводами президентской комиссии. Как отмечает известный американский специалист Л. Спектор, в американских правительственных кругах все же постепенно стали склоняться к тому, что это был ядерный взрыв израильского устройства, произведенный при содействии ЮАР, и что в этом случае Претория могла получить от израильтян данные о результатах взрыва³⁶. Как нам представляется, возможность взрыва южноафриканского устройства исключена, поскольку к этому времени, судя по всем имеющимся данным, у ЮАР еще не было накоплено достаточного количества БОУ.

Тем временем южноафриканцы продолжали наращивать свой ядерный потенциал. Согласно их собственным данным, первое взрывное устройство, собранное на новом предприятии корпорации ARMSCOR – Kendron Circle (позднее получившем название Advena), расположенном в 15 км восточнее Пелиндабы, было изготовлено в декабре 1982 г. (по другим данным в апреле того же года). Предполагалось, что оружие могло быть сброшено с самолета.

В дальнейшем на предприятии Advena производилось, в зависимости от темпов поступления оружейного урана с опытно-промышленной обогатительной установки, обычно менее одного взрывного устройства в год³⁷. По решению правительства ЮАР,

принятому в сентябре 1985 г., предполагалось изготовить 7 ядерных взрывных устройств, но в действительности было произведено 6 боезарядов, а седьмой находился в процессе изготовления, когда в 1989 г. было решено свернуть программу создания ядерного арсенала³⁸. К этому времени из 6 устройств были полностью готовы к применению 4 авиабомбы, которые могли быть доставлены к цели модернизированными бомбардировщиками *Buccanneer*³⁹. Общий вес бомбы составлял около 1 тонны, ее диаметр – 65 см и длина – 1,8 м. Каждое взрывное устройство содержало 55 кг ВОУ, а расчетная мощность достигала бы от 10 до 18 кт⁴⁰. Уникальной особенностью южноафриканских взрывных устройств было отсутствие в них нейтронных инициаторов. По данным Д. Олбрайта, хотя было решено ограничить ядерный арсенал семью боезарядами пушечного типа, при возможном переходе на импловивные взрывные устройства ВОУ хватило бы на 14 устройств⁴¹.

Как утверждает В. Стумпф, взрывные устройства поступали в хранилище в разобранном виде. Доступ к компонентам устройств могли иметь одновременно только трое – специально назначенные ответственные лица. Кодом для санкционирования взрыва располагал лишь один человек – глава правительства ЮАР.

Одновременно с производством взрывных устройств пушечного типа КАЭ планировала построить вблизи Мосселбай в провинции Кейптаун реактор мощностью 150 МВт для производства плутония и трития, но в 1985 г. правительство прекратило финансирование этой программы. Однако теоретические исследования по созданию плутониевого импловивного боезаряда еще некоторое время продолжались. По данным Д. Олбрайта, корпорация ARMSCOR имела планы усовершенствования уже готовых взрывных устройств «после того, как к 2000 г. их жизненный ресурс будет исчерпан»⁴².

В середине 1980-х гг. было решено расконсервировать испытательный полигон в пустыне Калахари и проверить состояние скважин, пробуренных десятью годами ранее. Для того чтобы работы проходили скрытно от советских и американских разведспутников, над одной из скважин было сооружено прикрытие. Впрочем, южноафриканцы, видимо, имели основания предполагать, что повышенная активность в районе испытательного полигона не могла не привлечь внимание разведслужб. Так или иначе, но испытания проведены не были.

СОБЫТИЯ, ПОДТОЛКНУВШИЕ ЮАР К ОТКАЗУ ОТ ВОЕННОЙ АТОМНОЙ ПРОГРАММЫ

В конце 1980-х гг. появился ряд внешних и внутренних факторов, которые, взятые в совокупности, вынудили правительство белого меньшинства ЮАР пересмотреть свое отношение к ядерному оружию и, в конце концов, отказаться от дальнейшего развития военной атомной программы, демонтировать уже изготовленные ядерные боезаряды и присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства.

Важную роль в подталкивании правительства ЮАР к таким решениям, несомненно, сыграли ООН и МАГАТЭ, в которых африканские страны при поддержке подавляющего большинства других государств смогли организовать сильный нажим на правительство белого меньшинства. Выше мы уже говорили о решениях, принятых ООН и МАГАТЭ в 1970-х и начале 1980-х гг. относительно осуждения политики апартеида и применения санкций против Южной Африки.

Во второй половине 1980-х гг. давление на ЮАР со стороны международного сообщества усилилось. 26 июля 1985 г. Совет Безопасности, строго осудив систему апартеида, настойчиво призвал государства-члены принять ряд принудительных мер в отношении ЮАР, в том числе ввести «запрет на любые новые контракты в ядерной области», а также на «любую продажу компьютерной техники, которая могла бы использоваться южноафриканской армией и полицией»⁴³. СССР голосовал за резолюцию, в то время как США и Великобритания воздержались.

23 октября 1986 г. Генеральная конференция МАГАТЭ по предложению африканских стран приняла резолюцию GC(XXX)/RES/468, в которой призвала Южную Африку положить конец политике и практике, противоречащим букве и духу Устава Агентства. На следующий год – 12 июня 1987 г. – Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию по пункту повестки дня «Ядерный потенциал Южной Африки», в которой рекомендовал Генеральной конференции «приостановить для Южной Африки действие привилегий и прав члена в соответствии со статьей XIX.В Устава до тех пор, пока она не будет соблюдать соответствующие резолюции Генеральной конференции и вести себя в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций». Резолюция была принята 22 голосами, включая СССР, США и Великобритания голосовали против. Над ЮАР нависла угроза исключения из Агентства на сессии Генконференции, которая должна была состояться в сентябре 1987 г.

Это оказало определенное воздействие на южноафриканское правительство белого меньшинства, и в создавшихся условиях президент ЮАР П.У. Бота в заявлении от 21 сентября 1987 г., сделанном в день открытия сессии, объявил о готовности «приступить к переговорам с каждым из государств, обладающих ядерным оружием, относительно возможности подписания Договора о нераспространении. В то же время, указывалось в заявлении, Южно-Африканская Республика рассматривает включение в эти переговоры вопроса о постановке под гарантии ее установок в соответствии с Договором о нераспространении. Характер этих переговоров будет зависеть от исхода тридцать первой сессии Генеральной конференции МАГАТЭ, которая проводится в Вене с 21 сентября. Южная Африка надеется, что она вскоре будет в состоянии подписать Договор о нераспространении, и решила начать консультации с другими сторонами по этому вопросу. Любое соглашение о гарантиях, которое может быть впоследствии обсуждено с МАГАТЭ, естественно, будет выдержано в этом направлении и в соответствии с соглашениями с другими сторонами, подписавшими Договор о нераспространении»⁴⁴.

Советский Союз, оставаясь на позициях принципиального осуждения режима апартеида и руководствуясь при этом стремлением к всемерному укреплению Агентства и расширению сферы действия его гарантий, особенно в отношении «околоядерных государств», вел на сессии линию на то, чтобы использовать все возможности для обеспечения присоединения ЮАР к ДНЯО. Советские представители, поддержав упомянутую резолюцию СУ МАГАТЭ, в то же время разъясняли, что Южная Африка в случае лишения ее прав и привилегий как члена МАГАТЭ будет представлять гораздо большую опасность в ядерном отношении, чем в ситуации, когда Агентство имеет возможность осуществлять контроль над частью ее ядерной деятельности. Исходя из этих соображений, советская дипломатия проводила тактику, направленную на то, чтобы избежать на сессии Генконференции голосования по вопросу о членстве Южной Африки в МАГАТЭ.

В итоге на сессии Агентства 1987 г. по предложению самих же африканских стран было решено перенести вопрос об исключении ЮАР из состава членов МАГАТЭ на сессию Генконференции 1988 г. За это решение голосовали 60 делегаций (в том числе СССР), против – 28 (в том числе США и Великобритания)⁴⁵.

Однако в дальнейшем южноафриканское правительство всячески затягивало начало переговоров о присоединении к ДНЯО. Только 12 августа 1988 г., т.е. накануне очередной сессии Генконференции, по инициативе южноафриканской стороны в Вене состоялась первая встреча представителей ЮАР и государств-депозитариев. Со стороны Южной Африки в ней участвовали министр иностранных дел Р.Ф. (Пик) Бота и министр технологий Д. Стейн, депозитарии были представлены: США – Р. Кеннеди, послом по особым поручениям, отвечающим за вопросы ядерного нераспространения, Великобритания – Дж. Гулденом, зам. постоянного секретаря министерства иностранных дел, и СССР – автором этих строк.

Перед встречей с делегацией ЮАР состоялась подготовительная беседа между представителями депозитариев, в ходе которой было условлено настаивать на незамедлительном присоединении Южной Африки к ДНЯО и на постановке всей ее ядерной деятельности под гарантии МАГАТЭ. Хотя вопрос о возможности наличия у ЮАР ядерного потенциала напрямую никем не затрагивался, все участники трояственной встречи, как

с очевидностью вытекало из отдельных их высказываний, исходили из того, что таким потенциалом южноафриканцы располагают. Исходя из необходимости исключить какую-либо возможность сохранения способности производства ядерного оружия, нами подчеркивалось исключительно важное значение установления надлежащих гарантий МАГАТЭ именно за *всей* ядерной деятельностью ЮАР и ее ядерными материалами. Такого рода предварительные консультации представителей депозитариев для согласования своих позиций и тактических действий накануне встреч с делегацией ЮАР стали неизменным правилом, что, несомненно, способствовало более эффективному воздействию на юаровцев.

Встреча 12 августа, впрочем, носила в основном предварительный, ознакомительный характер, представители депозитариев подробно разъяснили содержание договора и ответили на уточняющие вопросы, главным образом касающиеся положений ст.ст. III (гарантии) и IV (мирное использование атомной энергии). Каких-либо заявлений и обещаний относительно конкретных сроков подписания ДНЯО южноафриканцы не сделали, хотя со стороны депозитариев такой вопрос, естественно, поднимался, и притом солидарно и в весьма решительной форме. В совместном сообщении представителей депозитариев для прессы было объявлено, что в ходе встречи проведено неофициальное обсуждение вопроса о присоединении ЮАР к ДНЯО, при этом подчеркивалось, что депозитарии настойчиво призвали Южную Африку «в самое ближайшее время» вступить в договор.

Состоялись также двухсторонние встречи между делегацией ЮАР и представителями государств-депозитариев, в том числе с советским представителем. На встрече с Пиком Бота, которая проходила в гостинице, где остановилась южноафриканская делегация, нами было недвусмысленно подчеркнуто, что вступление ЮАР в Договор о нераспространении не может и не должно оговариваться какими-либо условиями. Было также заявлено, что если ЮАР присоединится к договору, то СССР не будет возражать против утверждения полномочий делегации ЮАР на Генеральной конференции. Если же ЮАР не выполнит данного ею обещания о вступлении в Договор, то Советский Союз будет вынужден самым серьезным образом взвесить свой курс действий при рассмотрении на Генконференции вопроса о правах и привилегиях ЮАР, т.е. о ее членстве в Агентстве.

16 августа 1988 г. выходящая в Йоханнесбурге крупнейшая англоязычная газета ЮАР *Star* опубликовала заметку, в которой говорилось, что если ЮАР подпишет ДНЯО, то она будет «настаивать на полном участии в договоре», включая право «покупать и продавать уран и обмениваться технологиями на международном уровне». В газетном сообщении указывалось также, что ответ П. Боты на вопрос журналистов на пресс-конференции в Вене о том, имеет ли Южная Африка возможность производить ядерное оружие, «только подтвердил то, что эксперты по ядерным вопросам во всем мире знали или предполагали в течение ряда лет». Г-ну Бота был задан вопрос, имеет ли Южная Африка бомбу. «Конкретного ответа, – продолжает газета, – не последовало, но южноафриканское правительство имеет стратегическое преимущество, сохраняя неопределенность в этом вопросе, что важно, особенно в африканском контексте». Показательно, что постоянный представитель ЮАР адресовал письма представителям государств-депозитариев при МАГАТЭ, а также секретариату Агентства, в которых сообщалось, что МИД ЮАР подтвердил содержание статьи, опубликованной в газете *Star*.

20 сентября 1988 г. постоянные представители государств-депозитариев при Агентстве направили председателю Генеральной конференции письмо, которое препровождало Заявление депозитариев Договора о нераспространении ядерного оружия. В Заявлении сообщалось о состоявшейся встрече представителей СССР, США и Великобритании с делегацией ЮАР по вопросу о целесообразности вступления ЮАР в ДНЯО, а также подтверждалась единая позиция депозитариев в этом вопросе. В Заявлении говорилось, что «они занимают твердую и последовательную позицию в отношении того, что Южной Африке следует присоединиться к Договору о нераспространении как можно скорее. Мы понимаем, – указывалось далее, – что правительство Южно-Африканской

Республики продолжает рассматривать вопрос о присоединении Южной Африки к Договору о нераспространении. Правительства-депозитарии намерены и далее оказывать воздействие на Южную Африку, чтобы она присоединилась к Договору о нераспространении»⁴⁶.

С учетом этого сообщения на сессии Генеральной конференции 1988 г. между делегациями различных групп государств была достигнута договоренность не поднимать вопроса о лишении ЮАР прав и привилегий как члена МАГАТЭ.

Немаловажное значение для движения Южной Африки в направлении присоединения ее к ДНЯО имели внешние события, происходившие в этом регионе. 1 августа 1988 г. было достигнуто соглашение о прекращении огня на северной границе Намибии, затем последовало подписание 22 декабря 1988 г. трехстороннего соглашения между ЮАР, Анголой и Кубой о поэтапном выводе из Анголы кубинских войск, численность которых к этому времени достигла 50 тыс. человек. Южноафриканские войска были постепенно выведены из Намибии. 1 апреля 1989 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, которая открыла зеленый свет предоставлению Намибии независимости. Руководство ЮАР также договорилось с лидерами Мозамбика о нормализации межгосударственных отношений.

И, что стало одним из решающих факторов в обеспечении разрядки ситуации на юге Африки, в сентябре 1989 г. к власти пришел новый президент – Ф.У. де Клерк, приступивший к реализации широких внутренних реформ, которые привели к существенной демократизации страны и к прекращению политики апартеида по отношению к черному населению Южной Африки. В феврале 1990 г. Ф.У. де Клерк легализовал Африканский национальный конгресс (АНК) и другие партии, выступавшие против апартеида, и освободил из заключения лидера АНК Н. Манделу.

В этих условиях, как признают сами южноафриканцы, «стало ясно, что ядерное сдерживающее средство Южной Африки является излишним и что оно могло бы на деле стать обременительным»⁴⁷. Белые южноафриканцы, как было очевидно, стали сознавать, что не в их интересах оставлять ядерное оружие черному большинству страны, которое неизбежно должно победить на общенациональных выборах.

ЗАВЕРШЕНИЕ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ЮАР И ЕЕ ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ДНЯО

Вскоре после прихода к власти президент де Клерк поручил подготовить предложения о порядке демонтажа ядерных боезарядов и вступления в ДНЯО. В ноябре 1989 г. эти предложения были приняты руководством страны, при этом было решено, что о наличии у ЮАР ядерного сдерживающего средства будет объявлено только после окончания демонтажа ядерных устройств и опытно-промышленного обогатительного предприятия (т.е. завода Y-Plant) и присоединения к Договору о нераспространении. Окончательное распоряжение о завершении ядерной программы было подписано де Клерком немного позднее – 26 февраля 1990 г. Теперь предстояла большая работа по реализации этого решения. Для этого было необходимо, как впоследствии разъясняли южноафриканские представители:

- ☐ безопасно демонтировать все изготовленные взрывные устройства;
- ☐ изъять, превратить в иную форму ВОО и передать его КАЭ на безопасное хранение;
- ☐ полностью дезактивировать ядерные установки, находившиеся в ведении ARMSCOR, и передать их КАЭ;
- ☐ осуществить конверсию ядерных установок ARMSCOR в целях их использования для развития и производства обычных вооружений, а также гражданской коммерческой деятельности;

- уничтожить все неядерные компоненты взрывных устройств и материалы, относящиеся к конструкции и производству оружия;
- прекратить эксплуатацию обогатительного предприятия Y-Plant;
- определить график присоединения к ДНЯО, подписания соглашения с МАГАТЭ о гарантиях, представления отчета Агентству об инвентарном списке ядерных материалов и установок⁴⁸.

В сентябре 1989 г., накануне открытия очередной сессии Генконференции Агентства, постпред ЮАР при МАГАТЭ С. Шмидт информировала представителей государств-депозитариев о готовности южноафриканской стороны возобновить переговоры о присоединении к ДНЯО, о чем депозитариями было доведено до сведения государств-членов Агентства. Переговоры состоялись 11–12 декабря в Вене. Руководителем делегации ЮАР был министр иностранных дел Р.Ф. (Пик) Бота, в нее входили министр энергетики и минеральных ресурсов Дж. Де Вильерс и другие лица. Американскую делегацию возглавлял Р. Кеннеди, британскую – Дж. Гулден, советскую – Р.М. Тимербаев⁴⁹. Кроме того, состоялись двухсторонние встречи, в том числе между делегациями ЮАР и Советского Союза. В тот период, исходя из Декларации ООН по апартеиду, принятой в 1989 г., мы воздерживались от официальных контактов с представителями ЮАР. Однако в данном случае советская сторона, как государство-депозитарий ДНЯО, в качестве жеста доброй воли пригласила делегацию ЮАР посетить для беседы представительство СССР при международных организациях в Вене, что было с большим удовлетворением воспринято южноафриканской делегацией.

Советская делегация в своих заявлениях на этих встречах настойчиво подчеркивала необходимость ускорения процесса присоединения Южной Африки к ДНЯО. Высказываясь в этом плане, мы, тем не менее, отдавали себе отчет в том, что присоединение этой страны к Договору не может не потребовать сложной подготовительной работы по свертиванию атомного потенциала. С учетом заявленной заинтересованности Южной Африки в развитии международного сотрудничества в мирном использовании атомной энергии в соответствии с положениями ст. IV Договора, нами было разъяснено, что положения этой статьи могут быть реализованы, но, естественно, только после того, как новый участник Договора выполнит все его положения. Вступая в Договор, государство обязуется заключить с МАГАТЭ соглашение о гарантиях по ст. III.1, и это соглашение согласно ст. III.4 должно вступить в силу не позднее 18-ти месяцев со дня присоединения к договору. Нами была выражена надежда и даже уверенность в том, что данная встреча представителей депозитариев и ЮАР окажется последней встречей по данной проблеме и за ней последует решение о присоединении ЮАР к договору без всяких условий.

Британский представитель Дж. Гулден заявил, что в случае вступления в ДНЯО Южная Африка сможет получить доступ к ядерным технологиям, принять участие в работе IV Конференции по рассмотрению действия Договора, назначенной на август-сентябрь 1990 г., и в деятельности МАГАТЭ, а также избежать санкций. Если ЮАР присоединится к Договору, то Великобритания предпримет шаги по снятию существующих ограничений на сотрудничество с Великобританией.

П. Бота довольно резко отреагировал на выступление британского представителя, заявив, что «навязывание ЮАР вступления в Договор путем ссылок на возможность получения за это определенных условий сотрудничества является проявлением неуважения к суверенитету Южной Африки». В то же время южноафриканский министр подтвердил готовность ЮАР самым серьезным образом рассмотреть в 1990 г. вопрос о присоединении к ДНЯО и в начале наступающего года сообщить депозитариям более определенную информацию по этому вопросу. В том, что касается практических шагов по подготовке к вступлению в Договор, то Бота сказал, что «будет рекомендовать принять решение о постепенном демонтаже опытно-промышленной установки по обогащению, на которой может производиться уран с обогащением 45% для реактора Сафари-1, а также возобновить переговоры с МАГАТЭ о постановке под гарантии обогатительного завода в Валиндабе».

(П. Бота, конечно, лукавил, не договаривая о самом существенном. Как позже стало известно из официальных южноафриканских источников, под «опытно-промышленной» обогатительной установкой имелся в виду упоминавшийся завод Y-Plant, который производил не только 45%-й уран для реактора Сафари, а, главным образом, оружейный уран для ядерного оружия. И принципиальное решение о демонтаже завода, как указывалось выше, к моменту встречи министра с представителями депозитариев в декабре 1989 г. южноафриканским правительством уже было принято.)

Завод Y-Plant практически был остановлен 1 февраля 1990 г., о чем депозитарии были официально информированы 14 марта, однако процесс его демонтажа завершен только в середине 1991 г. В начале сентября того же года последняя партия ВОУ была передана Корпорации по атомной энергии для переработки в менее обогащенный уран. Одновременно проходил процесс демонтажа ядерных взрывных устройств, начавшийся в июле 1990 г. и завершившийся в середине 1991 г. За всеми этими операциями наблюдал независимый аудитор, назначенный президентом де Клерком.

Цифра количества ВОУ, извлеченного из оружия при его демонтаже, по правилам системы гарантий МАГАТЭ является конфиденциальной («safeguards confidential»). Как указывалось выше, по оценке американских и английских независимых специалистов Д. Олбрайта, Ф. Беркхаута и У. Уокера, это количество составляло около 430 кг⁵⁰. К 1996 г. около 100 кг ВОУ было превращено в менее обогащенный уран, а 330 кг оставалось на хранении⁵¹. Из этого делящегося материала предполагалось производить топливо для исследовательского реактора Сафари, при этом в ЮАР исходили из того, что полученного уранового топлива будет достаточно на все время работы реактора, и для разубоживания ВОУ Корпорация по атомной энергии планировала использовать свой собственный запатентованный метод.⁵² По имеющимся данным, разбавление этого ВОУ и изготовление из него ядерного топлива 45%-го обогащения по U-235 для реактора Сафари продолжается.

14 марта 1990 г. южноафриканское правительство через своего постпреда при МАГАТЭ С. Шмидт сообщило депозитариям, что «оно дает твердое заверение о своем присоединении к Договору, если и другие четыре южноафриканских государства (Ангола, Замбия, Мозамбик и Намибия) примут на себя такое же обязательство». Однако, «независимо от того, подпишут ли ДНЯО эти четыре государства, Южная Африка будет готова к августу 1991 г. открыть для международной инспекции все свои ядерные установки, включая выведенный из эксплуатации опытный завод, даже если к этому времени она, может быть, и не присоединится к Договору». Южноафриканцы информировали также о том, что они вступили в соответствующие контакты с четырьмя государствами, и просили государства-депозитарии оказать им содействие в том, чтобы убедить правительства этих государств (иногда их называли «прифронтовыми») присоединиться к ДНЯО⁵³.

Депозитарии откликнулись на эту просьбу, исходя из важности присоединения к ДНЯО в первую очередь Южной Африки, а также в интересах максимально широкой универсализации ДНЯО и всего международного режима ядерного нераспространения. С «прифронтовыми» государствами была проведена разъяснительная работа, в которой активное участие приняла советская дипломатия, в том числе на уровне министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе, который в конце марта – начале апреля 1990 г. имел встречи с руководством «прифронтовых» государств, а также с президентом ЮАР Ф.У. де Клерком⁵⁴. Такие согласованные между депозитариями совместные усилия принесли свои плоды: страны юга Африки присоединились к Договору примерно в одно и то же время: ЮАР – 10 июля 1991 г., Мозамбик – 4 сентября 1990 г., Замбия – 15 мая 1991 г., Намибия – 2 октября 1992 г., и только Ангола сделала это несколько позднее – 14 октября 1996 г.

ПРОВЕРКА МЕЖДУНАРОДНЫМ АГЕНТСТВОМ ПО АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ ЯДЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮАР

Соглашение о всеобъемлющих гарантиях с МАГАТЭ было подписано Южной Африкой 16 сентября 1991 г. и сразу же было введено в действие. Таким образом, соглашение было заключено спустя немногим более двух месяцев после присоединения к ДНЯО,

т.е. намного раньше установленного Договором срока (18 мес.). И уже 30 октября ЮАР представила свой первоначальный отчет, содержащий инвентарный список ядерных материалов и установок, подлежащих гарантиям. Первая группа инспекторов Агентства прибыла на место в ноябре 1991 г.

После этого в течение почти двух лет проходила небывалая по сложности и уникальности работа инспекторов МАГАТЭ по установлению «полноты» и «точности» информации, представленной Южной Африкой, как это требуется соглашением о гарантиях. При этом инспекторы не были информированы и официально не могли знать о том, что Южная Африка изготовила, а потом демонтировала несколько ядерных взрывных устройств. Более того, официальные представители ЮАР продолжали утверждать, что ядерное оружие в стране не производилось. Так, 21 октября 1991 г. В. Стумпф сделал заявление от имени КАЭ, в котором «категорически» опроверг появившееся в газете *Washington Post* 18 октября сообщение о ядерной оружейной программе ЮАР и о том, что в стране был произведен уран более чем 90%-го обогащения.⁵⁵

О факте существовавшего и демонтированного ядерного арсенала Южной Африки весь мир узнал только 24 марта 1993 г. из заявления президента де Клерка, который объявил, что в течение 1980-х гг. было произведено шесть ядерных взрывных устройств, а также некоторые компоненты и оружейный уран для седьмого устройства. Он сказал, что устройства предназначались в качестве ядерного сдерживающего средства, но что ядерные испытания не проводились, а в ноябре 1989 г. было принято решение о демонтаже устройств. Де Клерк заявил также, что операции по демонтажу, включавшие уничтожение устройств и передачу ядерных материалов для складирования в специальных хранилищах Корпорации по атомной энергии в Пелиндабе, были завершены в сентябре 1991 г. – до вступления в силу соглашения с Агентством о гарантиях. В своем заявлении президент утверждал, что «никогда Южная Африка не приобретала технологию производства или материалы для ядерного оружия из другой страны, никогда не передавала их другой стране и не сотрудничала с другой страной в этой области». Де Клерк заявил также, что расходы на ядерную оружейную программу составили около 250 млн долл. и что они проходили по другим статьям бюджета, относящимся к развитию атомной энергии, а также к военным расходам⁵⁶.

Как сообщалось секретариатом МАГАТЭ в докладе Совету управляющих Агентства, правительство ЮАР пригласило инспекторов Агентства обследовать установки, связанные с ядерной оружейной программой, и изучить исторические данные с тем, чтобы удостовериться, что эта программа была прекращена, и иметь уверенность, что все ядерные материалы, использованные для этой программы, были поставлены под учет на основе гарантий МАГАТЭ. Инспекторам МАГАТЭ были переданы оперативные документы по установкам, которые, как пояснили южноафриканские представители, обычно хранятся пять лет, но в Южной Африке было решено сохранить такие документы за 15 лет (т.е. с самого начала оружейной программы), и все они были представлены Агентству⁵⁷.

25 марта 1993 г. – на следующий день после заявления де Клерка – два представителя Агентства, находившиеся в Пелиндабе для изучения исторических данных по опытно-промышленной установке (т.е. по заводу Y-Plant), провели предварительное ознакомление с основными установками закрытой ядерной оружейной программы. Полученная информация была использована для определения целей обследования указанных установок специальной технической группой МАГАТЭ. В целом осуществление инспекций включало следующие задачи:

- ☐ удостовериться в том, что все ядерные материалы направлены на мирное использование и поставлены под гарантии МАГАТЭ;
- ☐ определить, что
 - все неядерные компоненты оружейной специфики устройств были уничтожены;
 - все лабораторные и инженерные установки, связанные с ядерной программой, были полностью выведены из эксплуатации и не используются или переданы для мирного применения;

– все специальное оружейное оборудование было уничтожено и все оборудование двойного назначения направлено на мирное использование;

- получить информацию относительно программы демонтажа, уничтожения информации, относящейся к конструкции и производству оружия, включая чертежи и порядок уничтожения ядерного оружия;
- определить полноту и точность информации, представленной Южной Африкой, относительно срока и масштаба программы и разработки, производства и последующего демонтажа ядерного оружия;
- договориться, а также присутствовать при забивке испытательных скважин на полигоне в пустыне Калахари;
- проконсультироваться относительно дальнейшей стратегии для поддержания уверенности, что возможности для производства ядерного оружия не будут восстановлены⁵⁸.

Все эти задачи были выполнены в течение 1993 г. в соответствии с соглашением о всеобъемлющих гарантиях, заключенном в сентябре 1991 г. на основании типового соглашения по документу INFCIRC/153. Учитывая специфику данного случая, Агентство по существу использовало право на проведение так называемых специальных инспекций, предусматриваемое соглашением (п.п. 73 и 76). По информации МАГАТЭ, правительство ЮАР оказывало полное содействие инспекторам Агентства при проведении ими инспекционной деятельности.

В заключительном докладе секретариата МАГАТЭ «Денуклеаризация Африки» был сделан вывод, что «количество БОУ, которое могло быть произведено на предприятии (имеется в виду Y-Plant), согласуется с тем количеством, которое было объявлено в первоначальном отчете»⁵⁹. В итоге Совет управляющих и Генеральная конференция МАГАТЭ в сентябре 1993 г. вынесли положительный вердикт о завершении работы по проверке демонтажа ядерной оружейной программы Южной Африки. Генеральный директор Агентства Х. Бликс констатировал, что «инспекторы МАГАТЭ получили возможность посетить все объекты, которые они хотели проинспектировать – как объявленные, так и необъявленные, как военные, так и гражданские – и они не нашли никаких свидетельств того, что представленный инвентарный список был неполным». Агентство в соответствии с соглашением о всеобъемлющих гарантиях продолжает осуществление проверки всей ядерной деятельности ЮАР, включая и БОУ, который был извлечен из оружия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ядерная эпопея Южной Африки, продолжавшаяся около двух десятилетий (1970–80 гг.), ушла в историю, но этапы ее возникновения, становления и завершения полезно и поучительно вспомнить сегодня, а также иметь в виду на будущее. Хотя эта эпопея проходила в специфических условиях – она была начата правительством белого меньшинства страны под воздействием быстро развивавшегося и охватившего весь африканский континент процесса деколонизации, а затем свернута в результате коренных перемен в стране, прекращения политики апартеида, нормализации отношений с соседними государствами и стремления уходящего с политической арены правительства не оставлять ядерного оружия приходящему к власти правительству Африканского национального конгресса, – ее уроки имеют непреходящее значение.

Эти уроки, во-первых, показывают, что ядерная программа может быть успешно разработана и эффективно осуществлена почти в полной тайне от международного сообщества и даже в условиях, когда определенная часть ядерной деятельности в стране находится под международным контролем⁶⁰.

Во-вторых, при надлежащем научно-промышленном уровне того или иного государства ядерное оружие, по существу, может быть создано собственными силами данного государства при сравнительно ограниченном использовании иностранного опыта, материалов и технологий.

В-третьих, – и это, безусловно, имеет исключительно важное значение – пример ЮАР, при всей специфичности данного конкретного случая создания ядерного арсенала и последующего отказа от него, свидетельствует о практической возможности осуществления ядерного разоружения при надлежащем международном контроле. Этот пример порождает уверенность в том, что несмотря на трудности, с которыми сталкивается международный режим ядерного нераспространения, возможности его поддержания и укрепления далеко не исчерпаны, у этого режима есть перспективы, есть будущее⁶¹. Это, в свою очередь, позволяет надеяться на то, что могут быть обеспечены необходимые условия для безопасного поступательного развития дальнейшего применения атомной энергии в мирных целях, на благо человечества.

В-четвертых, система гарантий МАГАТЭ при добросовестном отношении к инспекционной деятельности со стороны проверяемого государства и готовности этого государства к открытости своей ядерной деятельности может быть эффективно использована для контроля над мерами сокращения ядерных вооружений и даже над ядерным разоружением.

В-пятых, на протяжении всей ядерной эпопеи Южной Африки огромное значение для обеспечения процесса денуклеаризации этой страны имели солидарные действия Соединенных Штатов, Советского Союза и Великобритании как государств-депозитариев ДНЯО. Это – важный фактор и пример для будущего.

Не подлежит сомнению, что если бы ядерное оружие не было демонтировано правительством ЮАР в начале 1990-х гг., то последствия этого могли бы быть самыми негативными и непредсказуемыми для безопасности как африканского континента, так и мира в целом. Как свидетельствует Д. Олбрайт в материале, опубликованном в мае 1994 г. после посещения им ЮАР, «отдельные представители АНК выступали в поддержку ядерного оружия, другие сетовали по поводу отказа от него. Но пока что руководство АНК контролирует ситуацию. Большая же часть его членов твердо настроена против ядерного оружия»⁶².

В настоящее время обновленное неядерное южноафриканское государство играет активную и, несомненно, полезную роль на международной арене в продвижении идей ядерного разоружения и укрепления международного режима ядерного нераспространения. ЮАР в 1993 г. стала членом Комитета Цангера, в 1995 г. вошла в состав Группы ядерных поставщиков (ГЯП) и вступила в международный Режим контроля ракетных технологий (РКРТ), в 1999 г. ратифицировала ДВЗЯИ и в 2002 г. присоединилась к Дополнительному протоколу МАГАТЭ о гарантиях, допускающему проверку не только заявленной, но и незаявленной ядерной деятельности. Южноафриканские ученые принимают деятельное участие в разработке новых типов энергетических реакторов четвертого поколения, устойчивых к распространению, в частности ведут опытно-исследовательские работы по модульному реактору с шаровыми тепловыделяющими элементами.

Южная Африка инициативно участвовала в переговорах по созданию в Африке зоны, свободной от ядерного оружия. Договор об африканской безъядерной зоне был открыт для подписания в Каире 11 апреля 1996 г. и известен как Договор Пелиндаба – по месту, где создавалось и впоследствии было уничтожено южноафриканское ядерное оружие и где было завершено в 1995 г. согласование текста этого Договора⁶³.

Поучительная история с ядерной программой Южной Африки должна служить положительным примером успешных действий как отдельных государств, так и всего мирового сообщества по обеспечению ядерного нераспространения и укреплению международной безопасности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хронология основных событий, относящихся к ядерной программе ЮАР

1970 г.	Объявление о проекте обогащения урана.
1971 г.	Одобрение программы научно-исследовательских работ по созданию устройств пушечного типа для ядерных взрывов в мирных целях.
1974 г.	Глава правительства одобряет ограниченную программу разработки ядерного оружия как сдерживающего средства. Одобрение создания испытательного полигона в пустыне Калахари.
1976 г.	Прекращение экспорта из США топлива для исследовательского реактора Сафари.
1977 г.	Консервация испытательного полигона в пустыне Калахари.
1978 г.	Получение первой партии ВОУ на опытно-промышленной установке.
1979 г.	Завершение работ по изготовлению первого ядерного устройства Корпорацией по атомной энергии. Решение о передаче Корпорации ARMSCOR ядерной программы и производства всех дальнейших устройств.
1981 г.	Корпорацией ARMSCOR завершено строительство установки Circle.
1982 г.	Завершено изготовление второго устройства.
1985 г.	Решение правительства ограничить количество устройств только семью единицами и только пушечного типа, продолжать разработку импловивной технологии и изучать более продвинутые концепции.
1987–89 гг.	Завершение создания четырех дополнительных устройств.
1989–91 гг.	Сооружение установок в ARMSCOR/Advena Central Laboratories.
1989 г.	Решение о прекращении программы ядерного оружия (ноябрь).
1990 г.	Прекращение эксплуатации опытно-промышленной обогатительной установки (февраль). Распоряжение президента о демонтаже шести ядерных устройств (26 февраля).
1991 г.	Присоединение к ДНЯО (10 июля). Весь ВОУ передан Корпорацией ARMSCOR Корпорации по атомной энергии (6 сентября). Подписание Соглашения о гарантиях (16 сентября). Представление МАГАТЭ первоначального отчета об инвентарном списке (30 октября). Начало инспекций ad hoc (ноябрь).

И
М
Р
О
Т
С
И
Ы
Ц
И
Н
А
Р
С
Т

1993 г.

Уничтожение по распоряжению президента документации, относящейся к программе ядерного оружия. Начато 17 марта и завершено 23 марта.

Объявление в парламенте об имевшей в прошлом место программе ядерного оружия (24 марта).

Первоначальный визит экспертов МАГАТЭ на установку Circle Корпорации ARMSCOR (25 марта).

Первый визит технической группы МАГАТЭ по проверке демонтажа установок по производству ядерного оружия (22 апреля – 4 мая).

(Источник: док. МАГАТЭ GOV/INF/698.)

Примечания

¹ Автор выражает глубокую признательность А.Б. Давидсону, А.И. Зобову, В.Ю. Логинову, В.Г. Федченко, А.В. Хлопкову за добросердечную помощь и ценные замечания, сделанные ими при подготовке мною настоящей работы.

² Документы ООН и МАГАТЭ, решения этих организаций; Кризис на юге Африки. М.: Наука, 1984; С.М. Гасратян. Израиль и ЮАР: цели и формы сотрудничества. М.: Наука, 1987. С. 62–73; Leonard S. Spector with Jacqueline R. Smith. *Nuclear Ambitions. The Spread of Nuclear Weapons 1989–1990*. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1990. P. 269–289; Seymour M. Hersch. *The Samson Option. Israel's Nuclear Arsenal and American Foreign Policy*. N.Y.: Vintage Books, 1992. P. 264–276; Waldo Stumpf, Chief Executive Officer, Atomic Energy Corporation of South Africa Ltd. *Proliferation: A Cost/Benefit Analysis* (Paper presented at a conference in New Delhi, 8–9 November 1993); David Albright and Mark Hibbs. *South Africa: The ANC and the Atom Bomb. The Bulletin of the Atomic Scientists*, April 1993; David Albright. *South Africa. A Curious Conversion. The Bulletin of the Atomic Scientists*. June 1993; Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения. М.: Служба внешней разведки РФ, 1993. С. 110–112; David Albright. *South Africa's Secret Nuclear Weapons*. Institute for Science and International Security. *ISIS Report*, May 1994; Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. М.: Служба внешней разведки РФ, 1995. С. 66–67; David Albright, Frans Berkhout and William Walker. *Plutonium and Highly Enriched Uranium 1996 World Inventories, Capabilities and Policies*. SIPRI. Oxford University Press, 1997. P. 377–392; *Deadly Arsenal. Tracking Weapons of Mass Destruction*. Joseph Cirincione with Jon B. Wolfsthal and Miriam Rajkumar. Carnegie Endowment for International Peace. Wash. D.C., 2002. P. 359–368; Ядерное нераспространение. Том 1. М.: ПИР-Центр политических исследований, 2002. С. 162–164 и 208–210; Peter Liberman. *Israel and the South African Bomb. The Nonproliferation Review*. Summer 2004. Vol. 11. Number 2. P. 46–80.

³ Сам Э. Беккер в 1970 г. работал в ЮАР, а южноафриканские ученые не раз посещали ФРГ. (Кризис на юге Африки. М.: Наука, 1984. С. 145.)

⁴ David Albright. *South Africa's Secret Nuclear Weapons*. Institute for Science and International Security. *ISIS Report*, May 1994. P. 5–6.

⁵ Waldo Stumpf, Chief Executive Officer, Atomic Energy Corporation of South Africa Ltd. *Proliferation: A Cost/Benefit Analysis* (Paper presented at a conference in New Delhi, 8–9 November 1993. P. 3).

⁶ Ibid. P. 4.

⁷ David Albright, Frans Berkhout and William Walker. *Plutonium and Highly Enriched Uranium 1996 World Inventories, Capabilities and Policies*. SIPRI. Oxford University Press, 1997. P. 391.

⁸ Ibid. P. 383.

⁹ Stumpf. P. 4–5.

¹⁰ *Deadly Arsenal. Tracking Weapons of Mass Destruction*. Joseph Cirincione with Jon B. Wolfsthal and Miriam Rajkumar. Carnegie Endowment for International Peace. Wash. D.C., 2002. P. 362.

¹¹ Что касается АЭС в Кёберге, то ранее ядерное топливо поставляла Франция, а в 1994–1998 гг. – российское объединение ОАО «Техснабэкспорт». Это объединение, выиграв тендер, в 2004 г. вновь заключило контракт на поставку обогащенного уранового продукта (ОУП).

- ¹² Leonard S. Spector with Jacqueline R. Smith. *Nuclear Ambitions. The Spread of Nuclear Weapons 1989–1990*. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1990. P. 271.
- ¹³ Seymour M. Hersch. *The Samson Option. Israel's Nuclear Arsenal and American Foreign Policy*. N.Y.: Vintage Books, 1992. P. 264–276.
- ¹⁴ Albright. *ISIS Report*. P. 5.
- ¹⁵ Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. Служба внешней разведки РФ. М.: 1995. С. 60–61; Albright. *ISIS Report*. P. 5.
- ¹⁶ Leonard S. Spector with Jacqueline R. Smith. P. 284.
- ¹⁷ David Albright and Mark Hibbs. South Africa: The ANC and the Atom Bomb. *Bulletin of the Atomic Scientists*, April 1993. P. 12.
- ¹⁸ Ibid. P. 12.
- ¹⁹ Leonard S. Spector with Jacqueline R. Smith. P. 283.
- ²⁰ Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения. Служба внешней разведки РФ. М., 1993. С. 112.
- ²¹ Albright. *ISIS Report*. P. 16. Подробнее о связях между ЮАР и Израилем в различных областях военно-технического сотрудничества см.: С.М. Гасратян. Израиль и ЮАР: цели и формы сотрудничества. М.: Наука, 1987. С. 62–73.
- ²² Меморандум Армстронга опубликован в приложении к статье: Peter Liberman. Israel and the South African Bomb. *Nonproliferation Review*. Summer 2004. Vol. 11. Number 2. P. 46–80.
- ²³ Albright. *ISIS Report*. P. 16.
- ²⁴ Доклад СВР РФ 1993 г. С. 112.
- ²⁵ Leonard S. Spector with Jacqueline R. Smith. P. 271.
- ²⁶ Stumpf. P. 6.
- ²⁷ Stumpf. P. 7.
- ²⁸ Stumpf. P. 10.
- ²⁹ Следует заметить, что ЮАР является участником Московского договора о запрещении испытаний 1963 г. в трех средах – в атмосфере, в космосе и под водой, который оставляет вне запрета только подземные ядерные взрывы.
- ³⁰ Ibid. P. 11.
- ³¹ Albright. *ISIS Report*. P. 7.
- ³² Ibid. P. 6–7.
- ³³ В печати сообщалось, что согласно показаниям некоего Д. Герхарда, командующего базой ВМФ в Саймонстауне вблизи Кейптауна, который был разоблачен в качестве «советского шпиона» в 1982 г., Советский Союз высказывал озабоченность по поводу ядерной программы ЮАР еще в 1976 г. и предлагал принять превентивные меры, вплоть до нанесения удара по опытно-промышленной обогатительной установке, однако, по словам Герхарда, США не приняли это предложение. (Albright. *ISIS Report*. P. 7.)
- ³⁴ Albright. *ISIS Report*. P. 7.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Leonard S. Spector with Jacqueline R. Smith. P. 273. Такого же мнения придерживается и Д. Олбрайт. Уже упоминавшийся «советский шпион» Д. Герхард, проживающий после освобождения из заключения в Швейцарии, заявил в феврале 1994 г. корреспонденту выходящей в Йоханнесбурге газеты *City Press*, что вспышка была результатом ядерного испытания, произведенного Израилем и Южной Африкой под кодовым названием «Операция Феникс» (Albright. *ISIS Report*. P. 18). По мнению одного из авторитетных членов президентской комиссии, высказанному в беседе со мной вскоре после окончания работы комиссии, зарегистрированная американским спутником вспышка, скорее всего, все же не была ядерным взрывом.
- ³⁷ Stumpf. P. 12; Albright. *ISIS Report*. P. 9.

³⁸ Stumpf. P. 12.

³⁹ Albright. *ISIS Report*. P. 11.

⁴⁰ Ibid. P. 12.

⁴¹ Ibid. P. 15.

⁴² Ibid. P. 14.

⁴³ Резолюция СБ ООН 569(1985).

⁴⁴ Док. GC(XXXI)/819.

⁴⁵ Резолюция Генеральной конференции МАГАТЭ GC(XXXI)/RES/485.

⁴⁶ Док. GC(XXXII)/855.

⁴⁷ Stumpf. P. 14.

⁴⁸ Stumpf. P. 14–15.

⁴⁹ В советскую делегацию входили также советники постоянного представительства А. Рогов, А. Зобов, Э. Голубкин и первый секретарь В. Клименко.

⁵⁰ David Albright, Frans Berkhout and William Walker. P. 391.

⁵¹ Ibid.

⁵² Stumpf. P. 20–21.

⁵³ Еще ранее, 16 февраля 1990 г., генеральный директор МИД ЮАР Н.П. ван Хеерден направил советскому постпреду в Вене письмо с аналогичной просьбой.

⁵⁴ Как информировали советскую делегацию южноафриканские представители, их руководство рассматривало возможность выдвижения предложения о встрече, например, в Виндхук (Намибия) представителей всех «прифронтовых» государств и ЮАР вместе с государствами-депозиториями для обсуждения проблемы одновременного присоединения к ДНЯО, но от такой идеи отказалось ввиду того, что надобность в этом отпала.

⁵⁵ Личный архив автора.

⁵⁶ *New York Times*. 1993, March 25.

⁵⁷ Из интервью В. Стумфа газете *Star*. Johannesburg. March 4–10, 1993.

⁵⁸ Док. GOV/INF/698, пункт 5.

⁵⁹ Док. GC(XXXVII)/1075.

⁶⁰ В ЮАР к двум энергоблокам АЭС в Кёберге и к исследовательскому реактору Сафари с самого начала применялись гарантии МАГАТЭ. Однако, после прекращения Соединенными Штатами в 1976 г. поставок топлива для реактора, для него, как и для АЭС, использовалось топливо с обогащенной установкой, не находившейся под гарантиями Агентства.

⁶¹ Незадолго до присоединения ЮАР к ДНЯО Л. Спектор справедливо отмечал, что этот акт «продемонстрирует, что решение о создании ядерного оружия может быть взято назад при благоприятном сочетании региональных, внутренних и международных условий». (Leonard S. Spector with Jacqueline R. Smith. P. 285).

⁶² Albright. *ISIS Report*. P. 18.

⁶³ Договор Пелиндаба в силу еще не вступил. По его условиям (ст. 18.2), он вступает в силу после его ратификации 28 государствами. К настоящему времени его подписали 50 государств, но ратифицировали только 19.

Dov Lynch. Engaging Eurasia's Separatist States. Unresolved Conflicts and De Facto States. U.S. Institute of Peace Press, 2004. 170 p.

Рецензия – Владимир Орлов

На старте вязкой президентской кампании 1996 г., когда рейтинг Б.Н. Ельцина упорно не хотел подниматься выше считанных процентов, некие влиятельные американцы сделали было ставку на А.И. Лебеда, известного тогда в основном своими военно-«миротворческими» усилиями в Приднестровье. Прежде чем приступить к «раскручиванию» генерала, эти американцы решили и с ним познакомиться поближе, и ему мир показать. А для обеих этих целей первым пунктом предложенного Лебеду международного турне были... Аландские острова. Не то чтобы этот небольшой архипелаг был тогда – да и когда-либо – в центре мировой политики. Именно как раз потому, что Аландские острова никогда не были предметом кричащих газетных заголовков, и хотели туда свозить кандидата в российские президенты эти влиятельные американцы: показать, как, юридически будучи частью Финляндии, архипелаг, соседствующий со Швецией, благодаря максимально широкой автономии, смог не только иметь шведский язык в качестве государственного, не только выпускать собственные почтовые марки (с благословения Хельсинки), но и, войдя вместе с Финляндией в ЕС, сохранить собственную экономическую независимость и даже остаться демилитаризованной зоной. Предполагалось, что увидев этот архипелаг благополучия и это «государство в государстве», кандидат в президенты, а кто знает, может быть и будущий президент России не сможет не задуматься об альтернативных моделях отношений между государством и его частью, настаивающей на сецессии.

Почему генерал не поехал тогда на Аланды, я не знаю. И уже не узнаю – спросить не у кого, генерал разбился в авиакатастрофе в Красноярском крае; влиятельные американцы – не из тех, кто делится тайнами профессионального мастерства. Что нам достоверно известно: президентом Лебедь не стал, а, получив в откуп (на непродолжительное время) пост секретаря Совета безопасности, подписал Хасавюртовские соглашения (август 1997 г.) с чеченскими сепаратистами – не просто бездарные и ущербные с точки зрения интересов России, но и стоившие многих жизней – жизней тех, кто в результате Хасавюрта попал в котел оголтелой ичкерийской вольницы, безнаказанного бандитизма, знающего о своей неприкосновенности, кичащегося ею, потому что это же – «суверенитет», «независимость». Ну, если и не полный суверенитет – то «почти». Этот «почти-суверенитет» обернулся страшными бедами для Юга России, подчиняясь неизбежному закону, принялся с аппетитом пожирать и соседние земли... пока не получил, пусть запоздалый, пусть не всегда профессиональный, но все-таки внятный отпор осенью 1999 г.

А может быть, генерала Лебеда тогда, за год с лишним до Хасавюрта, все-таки свозили на Аландские острова?..

Тогда тем более: «Что нужно Лондону – то рано для Москвы». А для новых записантов в Европу – Тбилиси и Кишинев?

ПРЕПАРИРУЯ «ФЛИБУСТЬЕРОВ»

Дав Линч знает, что надо «снизить планку». Поэтому в его книге ни разу не упомянуты Аландские острова. Зато упоминания Приднестровья на страницах книги перемешаны с Северным Кипром, Абхазии – с Эритреей, Нагорного Карабаха – с Сомалилендом; да едва-едва (чтобы не захлестнула отдельная тема) появляются балканские сюжеты (Босния и Герцеговина, сербская Краина, Косово).

Автор – из Великобритании, его послужной список: Chatham House, St Anthony's College, King's College. Сейчас живет в Париже, работает в Институте по изучению проблем безопасности ЕС, где руководит «постсоветским» отделом. Свою последнюю работу подготовил в рамках проекта, профинансированного Институтом мира США (действующего, в свою очередь, на деньги Конгресса США) и сопровождаемого предисловием президента института Р. Соломона.

В книге Линча – почти ничего про Чечню (хотя у российского читателя она неизбежно будет «в уме» на протяжении всего чтения). Автор сразу выводит ее за скобки исследования, квалифицируя как «сепаратистский регион» (с. 8), однако, жестко указывая, что для целей его исследования она интереса не представляет, так как после российской военной операции 1999 г. существовавшее там «де-факто государство» (de facto state) было ликвидировано (с. xi, также см. с. 105 и 146).

Вообще, Линча в этой работе отличает почти хирургический стиль исследования – жесткость и прямота. Он не пытается ходить вокруг да около проблемы, стараясь сказать понемножку приятного каждой стороне и с такой же осторожностью дозировать «неприятное», так как знает, что в результате получится невнятица. И никаких эмоциональных охов-ахов. Это, кстати, отличает и Линча-лектора: когда я недавно слушал его в Ереване, там не было ни одного «дипломатичного» реверанса, который бы, несомненно, порадовал радушных хозяев, но заставил бы ученого «наступить на горло собственной песне». То же, кстати, касается и (достойного подражания) подчеркнутого отсутствия оглядки в работе на спонсора проекта.

Что же это за «песня»? Линч берет четыре состоявшиеся «де-факто государства»¹ бывшего СССР (Приднестровье, Абхазию, Южную Осетию и Нагорный Карабах). «Препарирует» генезис каждого конфликта. И, отстраняясь от вопроса «кто виноват?», берется за куда более актуальный: «что делать?».

Чтобы понять основной «лейтмотив» автора, читателю достаточно взглянуть на обложку. Когда мне впервые сказали про эту книгу в телефонном разговоре с характерными московскими помехами, то название со слуха воспринялось как: «Danger of Eurasian Separatist States». Ну, про это мы много уже читали. Но на бумаге первое слово трансформировалось в **«Engaging»**. Слово, быющее в цель по-английски, на русском языке дает несколько достаточно приблизительных значений, варьирующихся от «вовлечения» или «привлечения» до «обручения». Использование последнего – «обручение флибустьеров» (с Европой) – стало бы уж слишком сильной метафорой. Куда же и как Линч хочет «вовлекать» сепаратистские образования бывшего СССР? Но к этому мы подойдем, вместе с автором, позже. А пока – зачем?

«МЕНЮ» ЛИНЧА

Линч предлагает нам ознакомиться с «меню» (к составлению которого приложил руку и проторивший дорогу Линчу С. Пегг²): «как можно поступить с де-факто государством», – сопроводив его основательным историко-географическим экскурсом. Предлагаются четыре варианта (с. 104–105).

Первый – активное «экономическое» противостояние сепаратистским образованиям путем эмбарго и санкций. Так, в частности, до последнего времени вело себя международное сообщество в отношении самопровозглашенной «Турецкой Ре-

спублики Северного Кипра», включая запрет на импорт продукции из Северного Кипра в государства-члены ЕС.

Второй – игнорирование. Так, в частности, относились в мире к временному правительству Эритреи в начале 1990-х гг., когда она была еще частью Эфиопии, пока там не состоялся международно-признанный референдум о независимости. Так же относились и к «Республике Сомалиленд», самопровозглашенной в северной, когда-то итальянской, части расколовшегося Сомали.

Третий – «некоторая форма признания существования». Здесь наиболее удачный пример – Тайвань. Давно потеряв свое место в Совете Безопасности и вообще в ООН и будучи признан не более чем тридцатью государствами мира, Тайвань, тем не менее, умудряется присутствовать на многих международных форумах со своей табличкой: «Тайбей, Китай». Линч объясняет это двумя факторами – «прагматизмом» руководства Тайваня и «приватизацией дипотношений» – попросту говоря, щедрыми финансовыми вознаграждениями в адрес Вануату и им подобных, которые соглашаются эти дипотношения установить.

Наконец, *четвертый* – уничтожение (или попытка уничтожения) сепаратистского образования с использованием военной силы. Очевидно, этот сценарий Линчу как исследователю наименее интересен. Он упоминает о нем скороговоркой, приводя в качестве примеров самопровозглашенную республику «Сербская Краина» (занятую Хорватией при молчаливом одобрении международного сообщества в 1995 г.) и «Республику Ичкерия», ликвидированную в 1999–2000 гг. в ходе операции, которая «не вызывала сомнений международного сообщества с точки зрения права России на восстановление своей территориальной целостности и суверенитета» (с. 105). Линч завершил работу над книгой в 2003 г. Еще немного – и он мог бы добавить в этот список через запятую и Абхазию, такое же «де-факто государство», как и два других сепаратистских образования на территории Грузии, но без «этнического» отпечатка и потому оказавшееся «по зубам» находившемуся тогда на своем энергетическом пике выдвигенцу «революции роз». Абхазия вообще оказалась вне зоны внимания Линча.

Теперь Линч «накладывает» каждый из пунктов этого меню на каждое из выбранных им сепаратистских образований (с. 110–111).

В различной степени, но все четыре элемента присутствуют в подходах в отношении постсоветских «де-факто государств», причем в причудливом переплетении. Так, против Абхазии действуют санкции СНГ; но при этом она имеет прочные двухсторонние связи и соответствующие соглашения с более чем сорока субъектами Российской Федерации; Россия оказывает ей негласную военную и политическую помощь, а ЕС помогает в строительстве дамбы на реке Ингури.

Нагорный Карабах находится в блокаде со стороны Азербайджана и Турции; юридически не признан не одним государством мира в качестве суверенного государства, включая и Армению. Однако тесно интегрирован с Арменией; получает косвенную помощь от США (гуманитарную), от России (через военный союз с Арменией в рамках ОДКБ, куда не входит Азербайджан) и от армянской диаспоры по всему миру.

Приднестровье, также никем не признанное, официально ни от одного государства мира не получает ни финансовой, ни экономической помощи. Однако это не мешает ему осуществлять торговлю и с Молдавией, и с Россией³, продавать сталь по демпинговым ценам в США...

И тут мы находим, пожалуй, самое «вкусное», что есть в книге Линча. Юридические тонкости, дипломатические споры пусть отходят на задний план. Мы погружаемся в мир «черных дыр». Или «вакуумных зон». Или «серых зон». В мир государств, которых нет на карте. Территорий, у которых есть лидеры, правительства, армии. Но нет никаких международных обязательств⁴ – оборотная сторона их непризнания миром.

«ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ ПИРАТЫ» XXI ВЕКА

Линч основательно поколесил по дорогам объектов своего исследования. И «черных дыр», которые наполняются красками – теми красками, которых не могут дать стандартные газетные репортажи о бесконечных «обострениях конфликтов», чередующихся с бесконечным «переговорным процессом» и т.д.⁵

Вот в кадре появляется Нагорный Карабах: улицы по ночам освещены. Дома, разрушенные вооруженным конфликтом, в основном отстроены. Впечатление благополучия – во многом благодаря щедротам диаспоры. «Здесь явно ощущаешь наличие государственности. И – никакого ощущения отсутствия закона» (с. 45).

Развитая (с советских времен) промышленная база позволяет говорить об экономической стабильности в Приднестровье (с. 46).

Но автор, словно иллюзионист, демонстрирует нам, что у этой картинки «законности, порядка и благополучия» есть второе дно.

В Нагорном Карабахе военные, пользуясь своим понятным влиянием, под началом бывшего «министра обороны» С. Бабаяна, через которого проходили финансовые потоки на закупку вооружений, подмяли под себя экономику. Бабаян контролирует торговлю бензином и сигаретами, на одного из членов семьи он зарегистрировал влиятельную компанию «Юпитер». Линч называет это «государственным рэкетом».

Точно таким же государственным рэкетом заняты братья Тедеевы в Южной Осетии – территории, ставшей центром контрабандного пути из Южного на Северный Кавказ и в обратном направлении.

В Абхазии, по крайней мере, в момент написания книги, торговля углем и редкими породами дерева шла через «государственную» компанию «Абхазлес», имевшую связи с тогдашним президентом Ардзинбой, и не случайно то и дело в порт Сухуми заходили частные турецкие суда (с. 68). Абхазские, грузинские и армянские преступные кланы на территории Абхазии, по оценке автора, успешно *координируют* свои действия.

Приднестровье становится уже классическим примером «пиратской республики», стремящейся перетянуть у Косово славу европейского центра контрабанды сигарет и алкоголя, а также оружия. При этом в контрабанду вовлечены и молдавские официальные лица, и российские миротворцы (с. 68). Эта территория «криминализована насквозь», делает вывод Линч (с. 98).

СИБИРСКАЯ ЯЗВА В ГОРНЫХ УЩЕЛЬЯХ?

Надо признать, что масштаб «бесконтрольности» этих, на первый взгляд, «эффективно управляемых» территорий поражает. Как контролируются таможенные посты? Как происходят перемещения грузов зарубежным получателям? По каким паспортам жители выезжают за границу?⁶ Во всех «де-факто государствах», признает Линч, «власти эксплуатируют тот факт, что у них нет международных обязательств в области торговли» (с.97). Поощряя контрабанду, они, прежде всего, обеспечивают собственное существование, но также еще как бы мстят международному сообществу за их непризнание. Десять–пятнадцать лет – серьезный срок для местных элит, чтобы поставить «контрабанду» на поток, сделать ее частью образа жизни своих несостоявшихся «государств». Правящие элиты, вцепившиеся во власть, насквозь коррумпированы. Так, ссылаясь на мнение местного населения, Линч называет руководство относительно «благополучного» Нагорного Карабаха «коррумпированным и некомпетентным» (с. 94).

Читая эти страницы, словно попадаю в мир Э. Кустурицы («Черная кошка – белый кот»). Вольница, будь то балканская, приднестровская или кавказская, имеет свои неожиданные культурологические плюсы. Но, куда мы говорим о безопасности,

нельзя не сделать однозначный вывод: в этой «пестроте» и внешне завлекательной «цветастости» хаоса таятся серьезные угрозы, расходящиеся волнами далеко за пределы этих «приевропейских» регионов. Потому что этот «хаос» – контролируемый, и цель его – нагнать туман «неизбежного хаоса» для дальнейшей криминализации – беспроектной, если прикинуть норму прибыли.

Здесь я, правда, должен признаться вот в чем. Мой тезис (2002 г.) о том, что в таких «черных дырах» могут иметь место случаи не только контрабанды людей, наркотиков, алкоголя, сигарет и оружия, но также и случаи незаконного оборота ядерных, радиоактивных и других материалов, критических с точки зрения международных режимов нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ)⁷, пока не находит фактического подтверждения применительно к четырем территориям из «списка Линча»⁸. Власти непризнанных республик меньше всего были бы заинтересованы в международном скандале с упоминанием ОМУ. Нет черной кошки (уже не кустурицкой) в темной комнате – и слава Богу. Но правда в том, что комната – темная.

Линч обходит этот вопрос. Но очевидно, что в этих «черных дырах» (особенно в самых слабоуправляемых, таких, как Абхазия, включая и самый «беспредельный» Галийский район) создается питательная среда, максимально благоприятная для нелегального транзита радиоактивных материалов, компонентов ОМУ, ракетной техники и ПЗРК. Мой добрый знакомый П. Ландесман, пишущий для изданий *New York Times*, репортер-сыщик, раскапывавший и пружины геноцида в Руанде, и механизмы подпольной секс-индустрии в США, исколесил Приднестровье и Южный Кавказ почти одновременно с Линчем. Он подтверждает мои опасения.

Тем более что здесь важна следующая оговорка. Линч пишет только о «самопровозглашенных», пусть и непризнанных, «де-факто государствах». Поэтому из его анализа выпали районы на территории бывшего СССР, даже не стремящиеся к какому-то «суверенитетам» или «автономиям», но где слабые государства (прежде всего, Грузия) оказались неспособны справиться с «вольницей» и эффективно контролировать свою территорию.

Линч мельком говорит о беспределе в Панкисском ущелье, и говорит с тревогой – и за безопасность региона, и за безопасность Европы. Он ничего не говорит о ситуации на землях Азербайджана, оккупированных Арменией. В начале работы Линч объясняет, что не будет рассматривать ситуацию в Таджикистане, так как там в основном конфликт исчерпан, и предмет для его исследования отсутствует. Если строго следовать рамкам заявленной темы, это так. Ну а как все-таки ситуация в Горном Бадахшане?

Работа выиграла бы, если бы он заглянул повнимательнее вот в такие уголки, сравнил бы ситуацию там с ситуацией в «непризнанных республиках». Тогда бы, вероятно, вышел отдельный, серьезный и интересный разговор в одной из глав об угрозах безопасности для Европы, исходящих из таких зон – угрозах, не ограничивающихся нелегальным реэкспортом секс-работниц или сигарет. Тогда бы, среди прочего, можно было пристальнее рассмотреть ситуацию в Панкисси. Как мы теперь знаем из уст министра внутренних дел Франции Д. де Вильпена (что-то все-таки основательно прогнито в российском гос-пиар-королевстве: вся Европа внимала каждому слову французца, но до этого лишь посмеивалась над теми же словами, чуть не слово в слово, заявлениями официальной Москвы), с его авторитетной ссылкой на французские спецслужбы, в Панкиссии не только находят прибежище международные террористы, но она активно используется ими для подготовки особо опасных террористических актов. В частности, делаются попытки разработки химического и бактериологического оружия, что представляет угрозу не только региону Северного Кавказа, но и европейской, и международной безопасности⁹.

Вспоминаю, как два года назад, после публикации *Ядерного Контроля*, где мы писали в том числе и о приднестровской «черной дыре»¹⁰, в моем мобильном телефоне, без «здравствуйте» раздалось: «Где вы взяли эти факты? Это все пропаган-

да Кишинева!» На трубке был, как выяснилось, сын «президента» «Приднестровской Молдавской Республики» (ПМР), про которого не один я писал, что он удобно совмещает посты руководителя крупнейшей частной компании Тирасполя и руководителя таможни ПМР. Я предложил ему изложить его точку зрения, опубликовать ее в нашем журнале. Но, к сожалению, в «черных дырах» предпочитают избегать публичных объяснений.

«ПОДВЕШЕННЫЕ» В СВОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

И в этом они находят молчаливую поддержку... международного сообщества. Ибо, если вернуться к меню Линча, то при всей пестроте подходов к «де-факто государствам» превалирует – **игнорирование**. Постольку, поскольку конфликт «затушен», «заморожен»¹¹.

И тут мы, вместе с Линчем, подходим к любопытному вопросу – вопросу риторическому и, по сути, вопросу-выводу: А так ли уж нужны этим «де-факто государствам» (в терминологии Линча) или «флибустьерским республикам» (в моей терминологии) международное признание и независимость?

Каждое из этих образований уже попривыкло и к международной изоляции, и к непризнанию, и настроены они на длительную игру, которая, с их точки зрения, может продолжаться десятилетиями. Для них победить – означает просто «не проиграть» (с. 141).

Когда международное сообщество «помечает в меню» Линча галочкой опцию «игнорировать» – этим самым оно делает наилучший подарок «пиратам».

«Группы внутри и вне «де-факто государств» зарабатывают на нынешнем статус-кво. Криминальная, нелегальная экономическая деятельность вошла в сердцевину этих конфликтов» (с. 68). Как, в частности, в случае с Приднестровьем, так и, в меньшей степени, с другими «пиратскими республиками», им «особенно больше и не к чему стремиться: власти довольны подвешенным статусом – по крайней мере, пока сепаратистское образование сохраняет выход на мировые рынки» (с. 113)¹².

В этом «пост-советские» сепаратистские образования не уникальны. Косовские лидеры выигрывают гораздо больше от «подвешенного» статуса (фактически уже ставшей независимой) автономии. И за этим стоит отнюдь не мазохизм, а корысть.

Еще не написана история иракского Курдистана периода между первой и второй войнами в Заливе; но созданный для иракских курдов статус «вольницы», гигантской «оффшорной зоны», немало поспособствовал долгосрочной дестабилизации в регионе, и еще не раз аукнется.

Будет интересно проследить за рождающимся на наших глазах прецедентом «признанной» сецессии, которая медленно, но верно разворачивается на юге Судана после подписания соглашений между Хартумом и повстанцами. Если меньше чем через десятилетие дело завершится созданием независимого государства на юге Судана, то это будет иметь колоссальные последствия – прежде всего для Черной Африки (послужив сигналом к перекраиванию многих границ), но и для других регионов мира, и не в последнюю очередь для стран бывшего СССР, где, после распада СССР, был взят на вооружение тот же принцип, что и при деколонизации 1960-х гг.: *uti possedetis juris*. Однако есть все признаки того, что руководители повстанцев Юга полной независимости страшатся больше, чем продолжения войны, и основная их цель – разыграть «карту сецессии» для повышения собственного влияния (политического и финансового) в Хартуме.

Интересы «де-факто государств» («лишь бы нас никто не трогал») входят в объективное противоречие с интересами международного сообщества, которому существование таких «вольниц» – как сепаратистских образований, так и государств,

или их частей, потерявших эффективное управление, – может стоить очень дорого. Как показывают примеры Афганистана при Талибанах (а отчасти и поныне), Вазиристана в Пакистане, Чечни (особенно образца 1997–1999 гг.), Панкисского ущелья в Грузии, Сомали, южных Филиппин, международные террористические сети стремятся именно в такие «медвежьи углы». Но, если даже отвести риск смычки сепаратистов с террористическими структурами, по крайней мере, в части рассматриваемых Линчем примеров, как маловероятный, то остается экономическая дестабилизация, прежде всего, через криминальную экспансию – в регионы, где расположены эти «черные дыры», в Россию, в Европу.

Игнорировать и дальше – слишком дорого Европе обойдется. В этом Линч убежден и убеждает других.

А ЧТО ДЕЛАТЬ?

В период расцвета «финансовых пирамид» в России по телевидению часто показывали рекламу «Из тени в свет перелетая». Правда, стоявшая за ней фирма, строившая свою «пирамиду», не из какой тени «перелетать» не собиралась. Так и руководители некоторых сепаратистских образований. На публике они кричат о желании «стать в один ряд с другими цивилизованными государствами», но на самом деле этого-то и боятся. Таких надо из тени *перетаскивать* на свет.

Линч чувствует, что, замахаясь на «что делать?», он пытается решить задачу, невозможную для книги его формата. Здесь общие черты, которые имеют «де-факто государства», больше не помогают, так как каждая ситуация – уникальна, и рецепты решения могут быть предложены только для каждого конкретного случая.

Поэтому он предусмотрительно ограничивается выработкой рекомендаций для решения приднестровской ситуации – с его точки зрения, из всех четырех рассматриваемых, наиболее близкой к мирному разрешению.

Поначалу Линч отодвигает и ОБСЕ¹³, и Россию, как неэффективных или скомпрометировавших себя игроков; даже не упоминает СНГ; и выдвигает на первый план ЕС (что тем более объяснимо с учетом нынешнего места работы автора). Читатель сам на с. 132–139 сможет оценить план мирного урегулирования в Приднестровье «а-ля-Линч». Я бы обратил внимание лишь на следующее.

Во-первых, Россия, сначала как бы отодвинутая Линчем на задний план, вскоре возвращается, причем ЕС в своих действиях, по Линчу, следует опираться как раз на российских миротворцев (с. 134), правда, получающих новый статус – военных наблюдателей. Россия также приглашается, вместе с ЕС, к сопредседательствованию в комиссии по надзору за выработкой новой конституции.

Во-вторых, автор избегает жесткого определения формы будущей молдавской государственности, но ищет между «федерацией» и «конфедерацией» (с. 128). Чувствуется, что у него самого нет уверенности в жизнеспособности подобных моделей. Он внимательно анализирует ситуацию вокруг такого, по сути, искусственно, усилиями извне собранного конфедеративного образования, как Босния и Герцеговина (БиГ). Линч говорит о «гигантском эксперименте», который пока что привел к тому, что есть три де-факто моноэтнические общности (хорваты, босняки и сербы), трое различных вооруженных сил, три различные полиции и единое национальное правительство, которое существует только на бумаге. И признает, что вся дейтонская архитектура сейчас держится исключительно на огромном количестве чиновников из Европы и международных сил (с. 106–107).

На глазах распадается другая конфедерация – Сербия и Черногория (СиЧ), не удерживающая в одной узде вялую, обескровленную Сербию и энергичного карлика Черногорию. А это значит, что опять обнажается статус «де-факто государства» Косово, – теперь уже к нескрываемому ужасу тех, кто когда-то отрывал его от

Сербии; да и к неудовольствию косовских реальных правителей, которым сейчас – лучше не бывает.

Помимо БиГ и СиЧ, современному миру известна еще только одна модель конфедерации – Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), она одна же и оказалась жизнеспособной, все другие, создаваемые в последние десятилетия, распались.

Но даже и с конструированием федераций не все так просто.

Государственное право знает два вида федераций: конституционные и договорные. Так, Россия, как и подавляющее большинство других федеративных государств мира, относится к первому виду. Это означает, что распределение компетенции целого и его частей зафиксировано в конституции, и нигде более. Право сецессии – выхода из федерации – отсутствует. Практика договора между субъектами о создании федерации – редкость. Многочисленные примеры (СССР, Югославия, Объединенная Арабская Республика, Федерация Мали, Федерация Центральноамериканских республик) свидетельствуют о ее нежизнеспособности¹⁴.

Но, сказав это, я вынужден снова вернуться к «нехорошему» вопросу: а может быть, лучше подумать о создании жизнеспособных новых государств – таких, кто принял бы на себя все международные обязательства, которые пристало соблюдать «нормальным» государствам, нежели плодить искусственные конфедерации, обреченные на скорое рассыпание? Рассыпание, в лучшем случае, мирное (тогда мы автоматически возвращаемся к предыдущему пункту), но, не исключено, что и чреватое рецидивом вооруженного конфликта.

Линч и сам иногда склоняется скорее к положительному ответу на этот вопрос. По крайней мере, когда он со знанием дела пишет о Сомалиленде, с его относительно эффективным управлением, особенно на фоне рассыпавшегося, потерявшего признаки государственности Сомали (с. 20), он не может не задать вопрос: почему мы так держимся за принцип «территориальной целостности» государств, когда государства – смотрите – уже и нету как такового; и стоит ли мертвеца реанимировать?

Страх перед бесконечной чередой дробления государств у международного сообщества еще силен. Но что, если эти государства готовы жить по цивилизованным нормам, могут осуществлять эффективное управление и «развод» прошел мирно и одобрен обеими сторонами? Наиболее показательный пример успешной сецессии – Эритрея, которая в апреле 1993 г., после тридцатилетней борьбы, на референдуме проголосовала за независимость. Здесь важно то, что независимая Эритрея была признана Эфиопией, от которой она отделилась. Именно это было решающим условием признания ее мировым сообществом.

Сейчас появляется все больше сторонников той точки зрения, что государства мира будут все дальше и дальше дробиться, и что по сути ничего опасного – ни для населения этих государств, ни для международных отношений – в этом нет.

Если речь идет о Европе, точнее, той ее части, где уже прочно начат процесс формирования новой конфедерации – Европейского Союза, то соглашусь с этим подходом. А вот в зонах нестабильности, не охваченных процессом региональной интеграции, при наличии внутренних и межгосударственных конфликтов, такая тенденция вряд ли способствовала бы стабилизации.

Одновременно для целого ряда государств со сложной структурой государственного устройства и с неразрешенными конфликтами важно было бы задуматься о регламентации института государственного (федерального) вмешательства. Он существует в большинстве федераций мира, в целом ряде унитарных государств. Интересен опыт стран Латинской Америки, в свое время тоже переживших «парад суверенитетов». Федеральное вмешательство осуществляет президент республики. Основания: расхождения экономической политики государства и штата;

конфликт между штатами; угроза безопасности штата, его конституционно избранным властям; нарушения штатом федеральной конституции и законов.

Президент издает специальный декрет (как с согласия властей штата, так и без него), где указывает причины вмешательства, его продолжительность, назначает «ответственного по вмешательству» (*intervento*). Последний получает всю полноту власти, отстраняя руководство штата и подкрепляя свои действия – только когда все прочие меры исчерпаны – военной силой. Но за эти шаги отвечает не *intervento*, а лично президент¹⁵.

ЧТО «НЕ РАНО» ДЛЯ МОСКВЫ?

Книга Линча подсказывает два направления размышлений о решении проблемы постсоветских сепаратистских «государств». Эти направления – взаимодополняющие.

Прежде всего, вместо политики «позы страуса», когда проблема игнорируется, или же политики силы (как это намерен сделать президент Грузии в отношении своих сепаратистских территорий) Линч предлагает присмотреться к политике «вовлечения» – вот, вернулись к заголовку – «де-факто государств» в хозяйственные связи, максимального выведения их из тени на свет. Линч предлагает отменить все эмбарго (признав и их неэффективность, и их вредность) – в частности, против Нагорного Карабаха и Абхазии – и начать постепенно втягивать сепаратистские, пропитанные «пиратским» духом территории в мирную жизнь, а вместе с ними и все их регионы. У международного сообщества, пишет он, есть веские причины не признавать эти сепаратистские образования, но также есть возможность поддержать решение, которое лежит между двумя крайностями: признанием и ликвидацией (с. 8–9).

Одновременно с политикой «вовлечения» и «вывода из тени» нужно обеспечить разрушение криминализованности элит, да и обществ в этих территориях¹⁶. Иначе мы пожнем уже имеющийся приднестровский эффект тотальной криминализации. Но как решить эти две задачи одновременно, как «обручиться с пиратом», не лишая его вольницы, но запрещая брать на абордаж торговые корабли, Линч не проясняет.

Нужно «подтянуться» экономически самим государствам, на территории которых находятся сепаратистские «нарывы». Боюсь показаться банальным, но для политики «вовлечения» необходима, прежде всего, привлекательность собственной модели – прежде всего, экономической. Достаточно посмотреть на перспективы «мирных поглощений» ближайших лет, и станет ясно, что главный «секрет» именно в экономическом успехе. Так, экономическая состоятельность Марокко, наряду с грамотно построенной и кропотливой работой с местным населением, наверняка уже в ближайшее время приведет к тому, что Западная Сахара не только де-факто, но и де-юре будет признана частью Марокко. Если брать более близкие примеры, то Северный Кипр, раньше или позже, воссоединится с Республикой Кипр (уже членом ЕС), причем неизбежно будет вынужден принимать правила Республики Кипр, экономическая привлекательность которого неоспорима. Опасно ступать на хрупкий лед прогнозов о восстановлении суверенитета КНР над Тайванем; но скажу так: без той экономической привлекательности и того экономического веса в мире, который КНР набрал сейчас, шансов мирного возвращения Тайваня у него не было бы вовсе.

Отсюда – если Грузия, Молдавия, Азербайджан собственными примерами экономического успеха не докажут свою привлекательность, вернуть мирным путем сепаратистские территории им будет не под силу, и никакие умиротворяющие лозунги «вовлечения с просветлением» (или наоборот) не помогут.

Линч пишет рекомендации для ЕС и прогнозирует угрозы в случае затягивания с решением проблемы «серых зон» также применительно к ЕС. Но они могут оказаться любопытны и для России.

Вместо лицемерной политики рассуждений о «признании принципа территориальной целостности», с одной стороны, и потакания криминализации территорий, с другой, Россия – в сотрудничестве с ЕС, ООН или (там, где есть силы) самостоятельно – должна поучаствовать не в **консервации**, а в **разгребании** «авгиевых коношен» окружающих ее «серых зон»: в ликвидации криминалитета, в переводе в цивилизованное русло или даже активизации имеющихся экономических связей с территориями.

...И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ – ОБ АЛАНДАХ

А напоследок озвучу вопрос, который появляется у Линча и который может быть интересен как в отвлеченных спорах юристов-международников, так и в практических дискуссиях о будущем статусе Карабаха, Абхазии и др.

Стоит ли принимать за догму абсолютную природу государственного суверенитета, сложившуюся с 1960-х гг. и фактически не оставившую промежуточных звеньев в форме автономизации или «ассоциации»? Именно такое «отсутствие выбора», считает Линч, подталкивает «де-факто государства» настаивать на полной независимости (с.18).

На самом деле, промежуточные варианты, конечно, остаются. Сегодняшняя мировая практика успешных вариантов знает достаточно. Например, есть форма «свободно ассоциированных государств» (Гренландия – с Данией, Белау – с США, Ниуэ, Острова Кука – с Новой Зеландией). Это как раз те случаи, когда можно быть представленным на международных форумах и иметь внутренний суверенитет (включая весьма сейчас котирующийся виртуальный – свои законные две буквы в Интернете), но отказаться от внешнего в пользу «управляющего государства». Понятно при этом, что опыт, применимый для островных территорий, находящихся, как правило, на значительном удалении от условных «метрополий», механически на постсоветское пространство не перенесешь, хотя правовые формулы посмотреть стоит.

Об уникальном опыте мирной, последовательной «реинтеграции» Союзом Мьянма «де-факто государства» Ва и «де-факто государства» Шан подробно рассказывает Екатерина Степанова в своей новой книге¹⁷, к которой наш журнал еще вернется. По многим причинам, мне это кажется более близкой аналогией для целей нашего разговора, чем Ниуэ.

Если же кого-то покоробит идея изучать и творчески осмысливать антисепаратистский опыт Мьянмы, то можно посмотреть на политику широкой автономии, проводимую Финляндией... но здесь мы, кажется, возвращаемся к Аландским островам...

Примечания

¹ Линч определяет «де-факто государство», вслед за С. Пеггом, как наличие организованного политического руководства, выросшего, хотя бы частично, из местной среды, пользующегося поддержкой местного населения и достигшего существенных успехов в выполнении социальных и иных функций (обычно ассоциирующихся с функциями государства) для этого населения в пределах определенной территории, над которой также им осуществляется эффективный контроль в течение значительного периода времени. «Де-факто государство» воспринимает себя способным входить в межгосударственные отношения с другими государствами, и его усилия направлены на получение полной независимости и широкого международного признания в качестве суверенного государства. При этом, «де-факто государство» действует в условиях его непризнания международным сообществом и не имеет реально юридического статуса в международных отношениях,

и юридических прав на требуемую территорию это образование не имеет, так как эта территория юридически принадлежит на законных основаниях другому, международно-признанному государству. В то же время на практике «де-факто государство» контролирует территории, на которые претендует. (с. 15).

Линч справедливо отсылает читателя к Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств (1933), перечисляя критерии государства: 1) наличие постоянного населения; 2) наличие определенной территории; 3) наличие правительства и 4) способность входить в сношения с другими государствами.

Таким образом, все четыре «де-факто государства», которые Линч рассматривает под лупой в своей книге, «почти» подпадают под категорию «государств», отвечая первым трем пунктам и не отвечая лишь последнему (хотя сами они утверждают, что и этому «критерию Монтевидео» они соответствуют).

Сталкиваясь с этой дилеммой, Линч признает, что это, в основном, достаточно «эффективные» образования, однако, какими бы «эффективными» (или успешными) не казались «нагорно-карабахский» или «приднестровский» проекты, они, как и другие рассматриваемые случаи, не добавляют легитимности этим образованиям. Даже если такое образование и обладает «внутренним суверенитетом» (осуществление верховенства власти над данной территорией), то не обладает суверенитетом «внешним» – то есть конституционно не признана независимость этого образования от другого государства. «Не признанные другими» – вот ключ к размежеванию между «де-факто государствами» (сепаратистскими образованиями) и государствами (с. 16).

² См.: Scott Pegg. *International Society and the De Facto State*. Aldershot: Ashgate, 1998. Линч не может обойтись без периодических ссылок на этот труд.

³ Так, газпромовская «дочка» «Итера» контролирует сталелитейный завод в Рыбнице, вложив в него, по данным автора, только с 1998 г. порядка 100 миллионов долларов. Вообще, тема присутствия «Газпрома» в экономике «флибустьерских республик» то и дело проскальзывает в книге. Ее развитие могло бы дать автору (и читателю) интересную дополнительную пищу для размышлений и выводов.

⁴ Правда, у этих непризнанных государств, оказывается, есть плотные контакты между собой. Линч открывает книгу рассказом о том, как в ноябре 2000 года в Тирасполе, на территории, формально находящейся под юрисдикцией Молдавии, прошел необычный саммит. Он собрал министров иностранных дел Приднестровья, Южной Осетии, Абхазии и Нагорного Карабаха.

⁵ Автор обращает внимание не только на общие тенденции у рассматриваемых им четырех «де-факто» республик, но и на их существенные особенности. В частности, в то время как в Нагорном Карабахе и Абхазии именно армия занимает наиболее привилегированные позиции, так как основная угроза исходит извне, в Приднестровье, где основной считается внутренняя угроза, самое привилегированное положение у службы безопасности. Абхазия гораздо более слабо контролируется сепаратистами, чем Нагорный Карабах или Приднестровье.

⁶ С паспортами вообще полная фантазмагория. Мы знаем, что в Абхазии большинство населения сейчас имеет российские паспорта; а в период до конца 1990-х гг., когда не было никаких законных документов, «законным» методом пересечения границы становилась взятка.

⁷ Vladimir Orlov. *Gray Zones: This Is Where The Threat To The Nonproliferation Regime Comes From*. *Yaderny Kontrol Digest*. № 4, 2002. P. 4.

⁸ Подробнее см.: Д. Кобяков, Э. Кириченко, А. Языкова. «Серые зоны» распространения в Закавказье. *Ядерный Контроль*. № 4, 2004. С. 59–80.

⁹ См. комментарий для печати официального представителя МИД РФ А. Яковенко от 1 марта 2005 г. http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/E79526F76BC1FBFEC3256FB7005C5047

¹⁰ «Черные дыры» – отсюда исходит угроза режимам нераспространения. *Ядерный Контроль*. №3, 2002. С. 3.

¹¹ Линч решительно отодвигает устоявшийся термин «замороженный конфликт» (frozen conflict) как дезориентирующий и справедливо предлагает обратить внимание на динамическое развитие (с. 7) этих якобы «замороженных» конфликтов, пусть и не находящихся в фазе открытого вооруженного столкновения.

¹² Линч, однако, обращает внимание на разные ситуации: если руководство Приднестровья полностью устраивает нынешний «подвешенный» статус, то в случае Абхазии это не столь очевидно,

так как не вполне ясно, чего добиваться – полной независимости или какой-то ассоциации с Россией. Для Южной Осетии цель понятна: вхождение в состав России, куда входит Северная Осетия.

¹³ Примечателен его едкий скептицизм в отношении ОБСЕ (с.124) – в том числе и тем, что чуть ли не дословно совпадает с некоторыми оценками роли ОБСЕ на постсоветском пространстве, которые дали российские официальные лица в 2004 г., в тот момент, когда книга как раз выходила из печати.

¹⁴ См.: В.А. Орлов. Кнут и пряник нового федерализма. *Московские Новости*. 1993, 10 января. С. А8.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В этой связи мне показалось примечательным, что дипломатические представители по крайней мере одной из таких непризнанных республик задумываются над тем, чтобы провозгласить, что на их территории (эффективно ими контролируемой) действуют все принципы Конвенции о запрещении химического оружия (ОЗХО) и что они готовы принимать наблюдателей, как это предусмотрено для участников ОЗХО. Конечно, юридически такое заявление ничтожно. Но политически готовность «де-факто государств» провозгласить на своих территориях принципы действующих международных режимов нераспространения (ДНЯО, КЗХО, КБТО), установить системы экспортного контроля (особенно применительно к аэропортам, железнодорожным узлам и портам) и принять на себя ответственность за их соблюдение стала бы важным сигналом – и об ответственности лидеров этих территорий за предотвращение новых вызовов и угроз, и о том, что они способны контролировать разные, в том числе «серые», силы на своей территории. В данном случае у нас есть пример Тайваня, который заявил о соблюдении им ДНЯО.

¹⁷ См.: Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005. С. 178–196.

GUILLEMIN JEANNE. BIOLOGICAL WEAPONS: FROM THE INVENTION OF STATE-SPONSORED PROGRAMS TO CONTEMPORARY BIOTERRORISM. New York: Columbia University Press, 2004. 256 p.

Эпизодическое применение биологических патогенов в военных целях имеет древнюю историю. Но лишь с недавнего времени, после террористических актов в США в конце 2001 г. с использованием писем, зараженных спорами сибирской язвы, проблемы, связанные с биологическим оружием стали центром внимания как экспертов по проблемам безопасности, так и широкой общественности.

В своей книге профессор Бостонского университета Дж. Гилмин в краткой и доступной форме излагает основные проблемы, касающиеся биологического оружия. Одна из целей работы – «привнести исторический контекст в современные опасения по поводу биологического оружия и потенциальной угрозы биотерроризма». Автор подробно рассматривает программы по созданию и испытанию биологического оружия, которые в разное время велись в Великобритании, Франции, Японии. Особое внимание автор уделяет истории программ в СССР и США. В конечном итоге сверхдержавы, по большому счету, отказались от биологического оружия еще до окончания холодной войны в силу ряда причин, которые включали и неуверенность в его военной полезности, и опасения по поводу возможных симметричных актов возмездия со стороны противника. Вместе с тем, международный режим по запрещению биологического оружия, основанный на Конвенции 1972 г. нельзя признать полностью эффективным, в силу отсутствия у Конвенции мер проверки. Автор анализирует современное состояние режима по запрещению биологического оружия, останавливаясь на ключевых проблемах и предлагаемых на международном уровне мерах по их решению. К достоинствам работы можно отнести критический подход автора к контрпродуктивной позиции правительства США и американских фармацевтических компаний, которые препятствовали принятию дополнительного протокола к Конвенции 1972 г., предусматривающего меры проверки.

В работе также рассматриваются возможные меры по предотвращению и ликвидации последствий террористических актов с применением биологического оружия. Несмотря на то что данные меры анализируются в основном в контексте США, они представляют интерес и для других стран, где существует потенциальная угроза биотерроризма, включая Россию.

TALBOTT STROBE. ENGAGING INDIA: DIPLOMACY, DEMOCRACY, AND THE BOMB. Washington: Brookings Institution Press, 2004. 268 p.

В своей книге бывший заместитель госсекретаря США С. Тэлботт живо и подробно описывает дипломатические усилия, направленные на снижение напряженности на южноазиатском субконтиненте, которые ему пришлось предпринять в течение двух с полови-

ной лет после испытаний ядерного оружия, проведенных Индией и Пакистаном в мае 1998 г. Назначенный президентом США Б. Клинтоном специальным представителем для проведения переговоров с Индией и Пакистаном, С. Тэлботт провел четырнадцать встреч со своим индийским визави, министром иностранных дел Дж. Сингхом. Помимо неотложных проблем контроля над вооружениями, в ходе этих встреч обсуждался широкий круг вопросов стратегического сотрудничества между США и Индией в политической и экономической областях.

Хорошие личные отношения между С. Тэлботтом и Дж. Сингхом позволили повысить уровень доверия между США и Индией и послужили основой дальнейшего успеха американской политики на субконтиненте, включая визит Б. Клинтона в Южную Азию в марте 2000 г., который, по мнению ряда наблюдателей, «открыл новую главу в индийско-американских отношениях». Вместе с тем, автор в принципе признает, что индийские стратегические приоритеты в итоге взяли верх над американскими нераспространенческими задачами, так как ни Индию, ни Пакистан не удалось убедить подписать ДВЗЯИ, отказаться от производства расщепляющихся материалов или дальнейшего совершенствования ракетных средств доставки. Очевидно, что как сами Индия и Пакистан не были готовы пойти на такие меры, так и события в самих США, где Сенат отказался от ратификации ДВЗЯИ, не способствовали успеху переговоров С. Тэлботта. Тем не менее, во многом благодаря его усилиям, удалось избежать эскалации противостояния между Индией и Пакистаном по наихудшему сценарию, в том числе во время военного конфликта между двумя странами в Кашмире летом 1999 г.

Книга С. Тэлботта позволяет читателю проследить довольно контрастные различия между политикой администраций Б. Клинтона и Дж. Буша-мл. в области нераспространения. Вместе с тем, анализируя политику администрации Дж. Буша в отношении Индии, С. Тэлботт отмечает ее преемственность по сравнению с политикой предыдущей администрации, что он ставит в заслугу прежде всего бывшему госсекретарю США К. Пауэллу. Выражая скептицизм по поводу возможности успеха администрации Дж. Буша в разрешении ядерной проблемы в Южной Азии, С. Тэлботт рассуждает о возможных дипломатических путях улучшения ситуации, включая институционализацию участия Индии и Пакистана в международном режиме ядерного нераспространения.

MATLOCK JACK F., JR. REAGAN AND GORBACHEV: HOW THE COLD WAR ENDED. New York: Random House, 2004. 384 p.

Воспоминания бывшего советника президента США Р. Рейгана (1981–1989) и посла в СССР Дж. Мэтлока посвящены одному из наиболее драматических периодов недавней истории – дезэскалации противостояния между двумя сверхдержавами во второй половине 1980-х гг. и окончанию холодной войны.

Непосредственный участник этих событий, Дж. Мэтлок предлагает взглянуть изнутри на дипломатический процесс, который в итоге привел к исчезновению биполярности и кардинальной трансформации всей системы международных отношений. Картина, которую нарисовал Дж. Мэтлок, весьма далека от упрощенческих формул вроде «Рейган разгромил СССР в холодной войне», часто встречающихся в американских публикациях, особенно в последнее время. Автор показывает, что окончание холодной войны явилось результатом длительного и трудоемкого процесса, которое потребовало усилий как со стороны США, так и со стороны лидеров СССР, в первую очередь, М.С. Горбачева. Конечно, автор далек и от недооценки личного вклада Р. Рейгана в окончание холодной войны, но его взгляд на роль американского президента носит сбалансированный характер.

Книга Дж. Мэтлока не дает окончательного ответа на вопрос о том, почему закончилась холодная война и произошли все последующие события, включая распад СССР – благодаря роли личности Р. Рейгана и его советского коллеги, или благодаря каким-либо иным факторам, носящим системный характер. Но это и не может входить в задачи подобного произведения мемуарного жанра. Основная ценность данной работы заключается в живом изложении перипетий одного из самых драматических периодов мировой истории, изобилующем массой интересных деталей и подробностей, что делает книгу увлекательным чтением для широкого круга читателей.

Уважаемые читатели журнала *Ядерный Контроль*!

Представляем вашему вниманию младшего брата журнала – электронный бюллетень *Ядерный Контроль: Информация*. Бюллетень существует уже несколько лет и за это время успел стать признанным информационным ресурсом в российском и международном сообществе экспертов не только в области нераспространения, но и безопасности в целом. *Ядерный Контроль: Информация* является важным дополнением к *Ядерному Контролю*, позволяя оперативно отображать важные события в России и за рубежом.

Бюллетень *Ядерный Контроль: Информация* является не только «зеркалом» мира нераспространения и безопасности, но также и новостной «трибуной» ПИР-Центра. Хотя основой бюллетеня являются материалы российских СМИ, в бюллетене часто публикуется эксклюзивная информация, авторами которой зачастую являются и читатели *Ядерного Контроля*.

Несмотря на кажущуюся «узость» охвата информации, вытекающей из названия, бюллетень в реальности представляет широкий охват тем: **Ракетное и ядерное досье**, различные аспекты, связанные с **Химическим и биологическим оружием** и **Обычными вооружениями**, на его электронных страницах свое **Мнение** по поводу основных международных событий высказывают ведущие российские политики и эксперты. В бюллетене присутствует и справочная страничка – в разделе **Документы** приводятся ссылки на основные документы по вопросам нераспространения.

В качестве примера богатого информационного «меню» бюллетеня упомянем только традиционные для него сюжеты: различные аспекты программы Глобального партнерства, проблемы терроризма с использованием оружия массового уничтожения, новости из области экспортного контроля, мирной ядерной энергетики, военно-технического сотрудничества России с зарубежными странами. Кроме них в рубриках бюллетеня можно найти материалы, посвященные Вооруженным силам России и дискуссиям об их реформировании и путях развития, столкновение точек зрения по актуальным дилеммам безопасности России (расширение НАТО на Восток, реформы ООН, ОБСЕ и других международных организаций).

Уникальным разделом Бюллетеня является **Календарь** – фактически ежедневная хронология основных событий в России и за рубежом в области нераспространения и безопасности, которая является результатом ежедневного мониторинга ведущих российских и зарубежных СМИ сотрудниками ПИР-Центра.

Бюллетень выходит еженедельно по четвергам. Вы можете бесплатно подписаться на электронный бюллетень на сайте ПИР-Центра по адресу <http://www.pircenter.org/russian/subscription/e-subs.htm>

Вышла в свет монография ПИР-Центра

РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

**К предстоящей Обзорной конференции по ДНЯО
2005 года**

Режим ядерного нераспространения в том виде, как он сложился к настоящему времени, существует уже более тридцати лет. На протяжении всего периода своего существования Договор о нераспространении ядерного оружия и основанный на нем режим подвергались критическим замечаниям со стороны многих государств, особенно неядерных, а также со стороны некоторых представителей академической науки и общественности.

Последнее десятилетие в этом отношении было особенно конфронтационным из-за известных событий в Ираке, КНДР, Иране, ядерных испытаний в Индии и Пакистане, чрезвычайно сложно проходившей Конференции участников Договора 1995 г., на которой решался вопрос о продлении срока действия Договора. Раздавались даже голоса, особенно после индийских и пакистанских ядерных испытаний 1998 г., что Договор отжил свой век и что распространение ядерного оружия пойдет теперь бесконтрольно.

Оценка Договора и того, что было с его помощью достигнуто за прошедшие десятилетия, требует обстоятельного объективного анализа. Только такой анализ может позволить выявить те значительные ресурсы, которые, как мы убеждены, все еще имеются для повышения эффективности ДНЯО и созданных на его основе механизмов.

В монографии рассматривается эволюция режима нераспространения с момента появления идеи о его создании до настоящего времени, дается объективная оценка состояния дел с режимом накануне Обзорной конференции 2005 г. по рассмотрению действия Договора.

Автор монографии – ведущий российский эксперт в области нераспространения ядерного оружия и один из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия, Чрезвычайный и Полномочный Посол **Р.М. Тимербаев**. В настоящее время Р.М. Тимербаев является председателем Совета ПИР-Центра.

*По вопросам приобретения монографии следует обращаться в компанию
Триалог по тел.: +7-095-764-9896*

e-mail: info@trialogue.ru; <http://www.trialogue.ru>

EDITORIAL

- 7 **Will the Iranian Atom Become a Persian Carpet for Russia?** – A series of meetings between PIR Center experts and Iranian experts and high ranking officials in Moscow, Tehran and Geneva in January-March 2005 further convinced us that Iran earnestly intends to develop a large-scale nuclear energy program. Yes, Tehran's new plans to build 20 nuclear reactors-confirmed by a decree of the Majlis (Iran's parliament)-look more like a belligerent ploy than a practical plan of action. But we should heed the fact that Iran sees nuclear power as an element of national prestige, and as an attribute of regional leadership in the Middle East, with the utmost seriousness. This is not a question of economic gain (Iran has already paid over 8 billion German marks and about \$1 billion for the Bushehr nuclear reactors) but a question of prestige, which the country's leaders will not give up regardless of who becomes the country's president this June.

Russia has no reason to stay on the sidelines when Iran's nuclear market is divided up. European commercial interests-first and foremost those of the French nuclear industry-have indicated a persistent desire to return to Akhvaz, where they began to build a reactor in the mid-1970s. And we cannot write off the Americans, either. In answer to quiet questions from the Americans themselves about the possibility of renewing cooperation, the Iranians (true, with cameras turned off) by no means speak about the *great Satan*. They answer quite pragmatically: "Make your proposals, and we will examine them." And one should not doubt that the United States is preparing such proposals. Whether they will be acceptable to Iran is another question.

Therefore, Russia has no reason to hesitate and justify its decision to provide Iran with nuclear technology (Russia is only cooperating in the construction of an NPP and is not undertaking any cooperation on the nuclear fuel cycle).

However, we have to be absolutely clear with our Iranian partners that the weaknesses in the Russian export control system have essentially been overcome. So working with Russian enterprises, including those in the defense industry, according to the Persian saying "A thief is a king until he is caught" will have negative consequences for bilateral relations and cause existing contracts to be frozen.

In expanding its cooperation with Iran, Russia must learn from past experience. One of these lessons is that trustfulness, sometimes bordering on naivete, is inappropriate in relations with Iran. In offering to cooperate with Iran in NPP construction, many Russian government experts expected that Iran would tell us about its plans in the nuclear sphere, forgetting yet one more Persian proverb: "If partnership was holy, then God too would take himself a partner."

Having signed the protocol on the return of SNF from the Bushehr NPP last February, albeit on their knees, Russia took upon itself the obligation to supply fresh fuel to Iran, **a commitment it must fulfill**. If we do otherwise, and forsake Iran in exchange for large-scale cooperation with the United States in the nuclear sphere (and the U.S. continues to probe under what circumstances Russia might refuse to provide fuel to Iran), yet one more Persian proverb comes to mind: "Enemies can be divided into three categories: my enemy, the enemy of my friend, and the friend of my enemy."

I N T E R V I E W

- 9 **Sergei Kislyak: «The Iranian situation has become clearer, but not all questions have been answered »** – In an interview with editor-in-chief Vladimir Orlov, Russian Deputy Ministry of Foreign Affairs Sergei Kislyak communicated Russia's position on the Iranian nuclear program, official Tehran's cooperation with the IAEA and the prospects for the development of bilateral Russian-Iranian relations. He also spoke about his expectations for the upcoming Nuclear Non-Proliferation Treaty review conference.

A N A L Y S I S

- 15 **The Russian Armed Forces: New Challenges and Threats – Aleksandr Rukshin** – Deputy Head of the General Staff of the Russian Armed Forces examines the basic trends in the organization and development of the Armed Forces given the transformation of the national security threats facing Russia. Critical priorities in this process are to maintain the capacity of the nation's strategic deterrence forces, to increase the number of task forces and units maintained in constant combat readiness, and to implement the armaments modernization program.
- 27 **Low Yield Nuclear Weapons – a Possible Foundation for the Nuclear Arsenal of the New Century – Igor Andryushin, Viktor Mikhailov, Yuri Trutnev, Aleksandr Chernyshev** – The need for nuclear weapons to provide for the security of Russia and its allies is determined not only by future relations with the United States, but also the possible aggravation of global crises. In the opinion of the group of the leading Russian nuclear weapons experts from Sarov, current circumstances are developing in such a way that one likely scenario for the development of nuclear weapons systems in the near future is the appearance of new nuclear arsenals with low yield charges, mounted on both tactical and strategic nuclear missiles.
- 39 **Brazil's Nuclear-Powered Submarine Development Program: Through Squalls to the Depths – Andrei Frolov** – Based on a detailed analysis of Brazil's design and construction of a pilot nuclear-powered submarine, the author, a Russian independent expert, proposes a system of criteria to evaluate the political, economic, and technological preparedness of a state to join the club of nuclear-powered submarine owners. The author concludes that without foreign assistance and with a relatively low level of technological development, it is doubtful that Brazil will be able to bring its nuclear-powered submarine R&D up to the level needed to build such boats.

V I E W P O I N T

- 55 **The Proliferation of Unmanned Aerial Vehicles is a Growing Security Threat – Gennady Evstafiev** – An analysis of the world-wide development of unmanned aerial vehicles (UAVs) leads to the conclusion that the global community must finally pay adequate attention to this growing problem, in order to prevent a new type of arms race. Given the newness and many dimensions of this incipient problem, the Senior Advisor of the PIR Center argues that it would be advisable to set up a working group of government experts with the appropriate mandate under the auspices of the UN General Assembly First Committee to undertake a comprehensive examination of the situation.

C O M M E N T A R Y

67 **Did “Suitcase Nukes” Exist? – Viktor Yesin** – The numerous media articles about terrorist organizations and extremist movements in possession of “suitcase nukes” have seriously worried the public at large, once again raising the question of the existence of compact nuclear weapons in Russia. On the basis of rich factual material, the First vice-president of the Academy for security, defense, law and order tells the history of the design, production, and subsequent complete destruction of this class of nuclear weapon in Russia.

75 **Viktor Murogov and Nikolai Ponomarev-Stepnoi – Nuclear Technology: Guaranteeing Russia’s Steady Development** – Russia’s long-term energy and national security interests, as well as its sustainable development, require an increase in the use of nuclear energy in the production of electricity, as well industrial and household heating. However, in the opinion of the Former Deputy General Director of the IAEA and the Vice-President of the Kurchatov Institute in Moscow, Russia’s lack of a clear nuclear energy strategy is causing the intergenerational continuity of specialists in this area to be lost, requiring the adoption of urgent national measures.

S U R V E Y

81 **Central Asia: The Collective Efforts of States to Prevent the Threat of International Terrorism – Aibek Toktomushev** – The development of cooperation among Central Asian states in the struggle against international terrorism is occurring in an atmosphere of regional political instability and an aggravated geopolitical game. The inconsistent and unpredictable foreign policy of the region’s young independent states, together with the disagreements between them, reduce the level of confidence and, in the opinion of security expert from Kyrgyzstan, slow the processes of integration in the sphere of security.

105 **SNF Reprocessing in the Context of the Global Partnership Program – Dmitry Kovchegin** – One of the main difficulties in the process of nuclear-powered submarine dismantlement is the handling of irradiated nuclear fuel unloaded from nuclear submarines. The consultant to *Booz, Allen and Hamilton* considers the scale of the problem through the prism of the Global Partnership programs against the proliferation of WMD, and concludes that foreign financial assistance could significantly increase the safety and security of this process, including both its environmental aspects and the physical security of nuclear materials.

H I S T O R I C A L P A G E S

121 **South Africa: How It Created Nuclear Weapons, and How and Why It Relinquished Them – Roland Timerbaev** – The dismantlement of South Africa’s nuclear weapons is a truly unique occurrence in the history of nuclear nonproliferation. In the opinion of the PIR Center’s Executive Board Chairman, regardless of the motives that guided the RSA government when it decided to give up these weapons, this precedent clearly demonstrates that nuclear nonproliferation – given the proper political will – is attainable and can be realized with reliable international monitoring.

L I B R A R Y

141 **From the Shadows into the Light... or Showing their True Colors – Vladimir Orlov** – The editor-in-chief of the journal read the book *Engaging Eurasia’s Separatist States* by British expert Dov Lynch and now asks the question: should the conflicts in Transnistria, Nagorno-Karabakh, Abkhazia, and South Ossetia really be managed through a policy of increasing the “engagement” of these territories into global society, primarily through expanding economic contact with them? Or is there only one way to fight these “pirate republics” – excising the abscesses?

New Books – Daniil Kobayakov – A summary of the most interesting new books received by the PIR Center library.

153 S U M M A R Y

157 A B O U T T H E A U T H O R S

161 P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D

165 S U B S C R I P T I O N I N F O R M A T I O N

169 G L O B A L P A R T N E R S H I P B U L L E T I N

after
p. 80

The PIR Center and *Yaderny Kontrol* have just published a new issue of the bulletin, presenting exclusive information on the course of the Global Partnership program in the Russian Far East, a region just visited by PIR Center experts. This issue of the bulletin also provides detailed information on the recently published *Global Partnership Reference Book*, as well as recent news about partnership programs.

Андрюшин Игорь Алексеевич – физик-теоретик, главный научный сотрудник Российского Федерального Ядерного Центра – ВНИИ экспериментальной физики г. Саров. Доктор технических наук. Лауреат Государственной премии. Родился в 1944 г. В 1966 г. закончил физический факультет Ленинградского государственного университета. Основные научные интересы связаны с разработкой ядерных зарядов, технологий испытаний, проблемами нераспространения и вопросами контроля ядерных вооружений. Автор и член редколлегии серии книг «Ядерные испытания СССР», т. 1-4; «Безопасность ядерного оружия России», «Мир на пороге XXI века», «Укрощение ядра», «Ядерное разоружение»; и др.

Евстафьев Геннадий Михайлович – старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке). Родился в 1938 г. Работал в системе МИД СССР, неоднократно выезжал в заграничные командировки, занимал должность специального помощника Генерального секретаря ООН в 1981-1985 гг. В 1986-1991 гг. входил в состав руководства советской делегации на переговорах по ДОВСЕ в Вене. В течение длительного времени работал в системе СВР, являлся начальником управления по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ. Один из авторов доклада «Распространение ОМУ – новый вызов после «Холодной войны». С 2000 по 2003 гг. работал в российском представительстве при НАТО, где занимался вопросами нераспространения ОМУ и терроризма. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Имеет ряд публикаций, посвященных проблемам международной безопасности и нераспространения, среди последних из которых: «Нераспространение ОМУ: проблемы и риски» (*Ядерный Контроль*, 2004, весна), «Беспилотные летательные аппараты в классических и террористических войнах» (*Ядерный Контроль*, 2004, осень). Адрес электронной почты: evstafiev@pircenter.org

Есин Виктор Иванович – первый Вице-президент Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, генерал-полковник (в отставке), канд. воен. наук, профессор. Родился 14 февраля 1937 г. В Вооруженных Силах СССР и России прослужил более 40 лет. В 1961 г. окончил Военную артиллерийскую инженерную академию им. Ф.Э. Дзержинского и в 1983 г. Военную академию Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Последняя должность в Вооруженных Силах России (1994–1996 гг.) – начальник Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения – первый заместитель Главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения. С декабря 1996 г. по февраль 2002 г. работал в администрации Президента Российской Федерации (вначале начальник отдела – заместитель руководителя аппарата Совета обороны Российской Федерации, а с апреля 1998 г. – начальник управления аппарата Совета безопасности Российской Федерации). Действительный государственный советник Российской Федерации третьего класса. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: viktoriesin@mtu-net.ru

Кисляк Сергей Иванович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, заместитель министра иностранных дел РФ. Курирует отношения со странами Северной и Латинской Америки, вопросы международной безопасности и разоружения, участия России в «Большой

шой восьмерке». Родился в 1950 г. В 1973 г. окончил Московский инженерно-физический институт, в 1977 г. — Всесоюзную академию внешней торговли. Владеет английским и французским языками. На дипломатической работе — с 1977 г. Занимал различные должности в центральном аппарате МИД и за рубежом. В 1995-1998 гг. — директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения, член Коллегии МИД. В 1998-2003 гг. — посол Российской Федерации в Королевстве Бельгия и по совместительству постоянный представитель России при НАТО в Брюсселе, Бельгия. С июля 2003 г. — заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации.

Кобяков Даниил Олегович — консультант ПИР-Центра. В 2003-2004 гг. — научный сотрудник ПИР-Центра, координатор проектов «Глобальное партнерство» и «Серые зоны распространения». Родился в 1978 г. В 1999 г. с отличием закончил факультет международных отношений СПбГУ, в 2002 г. магистратуру Монтерейского института международных исследований. В январе-сентябре 2002 г. проходил стажировку в секретариате Конференции по разоружению в Женеве. В июне 2003 г. с отличием окончил магистратуру МГИМО. Область научных интересов включает вопросы международной безопасности, в том числе нераспространения ОМУ, разоружения и международных переговоров. Со-редактор справочника «Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения» (2005). Адрес электронной почты: dankobyakov@yahoo.com

Ковчегин Дмитрий Алексеевич — консультант компании *Буз Аллен Хемилтон Инк.* Родился в 1977 г. в Москве. В 2000 г. окончил Московский инженерно-физический институт. Аспирант ИМЭМО РАН. С 1999 г. по 2002 г. работал в ПИР-Центре. В 2002-2003 гг. — научный сотрудник Гарвардского университета. Круг научных интересов включает проблемы безопасности ядерного топливного цикла в контексте нераспространения (утилизация ядерных материалов, СФЗУК ЯМ, незаконный оборот ЯМ, «утечка умов» и т.д.), перспективы развития ядерной энергетики в России и в мире. Адрес электронной почты: kovchegin_dmitry@bah.com

Михайлов Виктор Никитович — научный руководитель Российского Федерального Ядерного Центра — ВНИИ экспериментальной физики г. Саров, директор Института стратегической стабильности, академик РАН. Лауреат Ленинской и Государственной премий. Родился 1934 г. Закончил в 1958 г. Московский инженерно-физический институт. Министр Российской Федерации по атомной энергии (1992-1998 гг.). Автор и разработчик ядерных зарядов, участник и руководитель многочисленных ядерных испытаний, автор и главный редактор многочисленных монографий и статей по проблемам ядерного оружия, проблемам нераспространения, вопросам ядерного оружейного комплекса. Создатель школы физиков — теоретиков в РФЯЦ-ВНИИЭФ и физиков экспериментаторов быстропротекающих процессов. Автор книги «Я — Ястреб».

Мурогов Виктор Михайлович — профессор Обнинского института атомной энергетики. Ранее — директор Физико-энергетического института (г. Обнинск, Калужская обл.); заместитель генерального директора МАГАТЭ, директор Департамента атомной энергии. Родился 7 июня 1938 в г. Рыбинск Ярославской области. Окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ). Адрес электронной почты: victor_murogov@mail.ru

Орлов Владимир Андреевич — создатель ПИР-Центра; директор и член Совета ПИР-Центра с момента основания; главный редактор журнала *Ядерный Контроль*; член Российского Пагуошского комитета при Президиуме Российской Академии наук, член профессорско-преподавательского состава Женевского Центра политики безопасности. Родился в 1968 г. в г. Москве. В 1990 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД РФ. Кандидат политических наук, специалист в области нераспространения ядерного оружия и экспортного контроля, предотвращения несанкционированного доступа к ядерным материалам и ядерного терроризма, имеющий большой опыт исследовательской и журналистской работы. Работал в качестве политического обозревателя, начальника отдела, вице-президента и члена Совета директоров газеты *Московские Новости*. В 2001-2002 гг. — консультант ООН по во-

просам образования в области контроля над вооружениями и разоружения. Является членом Российского отделения Института управления ядерными материалами, членом Международного института стратегических исследований (Лондон). Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Соавтор и редактор ряда книг по ядерному нераспространению, изданных в России и зарубежом, в том числе «Dismantling the Cold War» (1997), «Dangerous Weapons, Desperate States» (1999), сборника статей «Экспортный контроль в России: политика и практика» (2000), справочника «Контроль над ядерными вооружениями и военной деятельностью» (2001), учебника «Ядерное нераспространение» в двух томах (2002), справочника «Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения» (2005). Является автором публикаций в газетах *Ведомости*, *Независимое Военное Обозрение*, *Время Новостей*, *Московские Новости*, в журналах *Итоги*, *Ядерный Контроль*, *Washington Quarterly*, *Bulletin of the Atomic Scientists*, *Nonproliferation Review*, *Pro et Contra* и в других российских и зарубежных изданиях. Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org

Пономарев-Степной Николай Николаевич – вице-президент Российского научного центра «Курчатовский институт», член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, д. техн. наук, профессор, академик РАН. Родился 3 декабря 1928 г. в Саратовской области. В 1952 г. закончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ). В 1952–1992 гг. – научный сотрудник, начальник лаборатории, начальник отдела, первый заместитель директора РНЦ «Курчатовский институт» (ранее – Институт атомной энергии им. Курчатова, ранее – Лаборатория измерительных приборов Академии Наук). С 1992 г. по настоящее время – вице-президент РНЦ «Курчатовский институт». Главный редактор журнала «Атомная энергия». Член редакционной коллегии журнала «Nuclear Science and Engineering». Академик и председатель научного совета по атомной энергетике Российской академии наук. Член научного совета Федерального агентства по атомной энергии РФ. Адрес электронной почты: niknik@kiae.ru

Рукшин Александр Сергеевич – заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, начальник Главного оперативного управления Генерального штаба (с августа 2001 г.), генерал-полковник. Родился 1 апреля 1949 г. в г. Бар Винницкой области. Окончил Киевское высшее общевойсковое командное училище, Военную академию Генерального штаба ВС РФ. Службу проходил на командных должностях в мотострелковых и танковых частях от командира взвода до начальника штаба-первого заместителя командующего общевойсковой армией. С 1992 г. – заместитель начальника, начальник управления, заместитель, первый заместитель начальника Главного оперативного управления. Указом Президента РФ от 28 сентября 2001 г. назначен начальником Главного оперативного управления – заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ.

Тимербаев Роланд Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета ПИР-Центра. В 1949 г. окончил МГИМО МИД СССР. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль над ограничением вооружений и разоружением», 1982 г.). С 1949 по 1992 г. работал в МИД СССР/России. Последняя должность в МИД – постоянный представитель СССР/России в международных организациях в Вене (1988–1992 гг.). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 г. – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 г. – президент ПИР-Центра политических исследований. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968». М.: Наука, 1999; «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)». М.: ПИР-Центр, 2000. Автор двух глав учебного пособия для студентов вузов «Ядерное нераспространение». 1-е и 2-е изд. М.: ПИР-Центр, 2000 и 2002. Соавтор справочника «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». М.: ПИР-Центр, 2001; монографии «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях». М.: ПИР-Центр, 2001, работ «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы». *Научные Записки ПИР-Центра*, 2001,

№ 17; «Международный контроль над атомной энергией». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2003, №22; «Режим нераспространения на современном этапе и его перспективы». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2004, № 25. Адрес электронной почты: timerbaev@pircenter.org

Токтомушев Айбек Чоробекович – студент Московского Государственного института (Университет) международных отношений (МГИМО). Родился 1 марта 1984 г. В 2004 г – стажер ПИР-Центра. Сфера научных интересов – вопросы международной безопасности и международного терроризма. Адрес электронной почты: toktomi@mail.ru

Трутнев Юрий Алексеевич – физик-теоретик, академик РАН, первый заместитель научного руководителя Российского Федерального ядерного центра – ВНИИ экспериментальной физики г. Саров. Герой Социалистического труда, Лауреат Ленинской и Государственной премий. Родился в 1927 г. Закончил в 1950 г. физический факультет Ленинградского государственного университета. Совместно с А.Д. Сахаровым и Я.Б. Зельдовичем является соавтором изобретения принципов радиационной имплозии. Автор и разработчик многочисленных термоядерных зарядов. Один из авторов и инициаторов в нашей стране использования ядерно-взрывных технологий в мирных целях. Создатель школы физиков-теоретиков в РФЯЦ-ВНИИЭФ.

Чернышев Александр Константинович – физик-теоретик, доктор физико-математических наук, заместитель научного руководителя Российского Федерального ядерного центра – ВНИИ экспериментальной физики г. Саров. Лауреат Государственной премии. Родился в 1945 г. Закончил в 1969 г. физический факультет Ленинградского государственного университета. Основные работы связаны с исследованием стойкости военной техники к действию ядерного взрыва, разработкой физических установок для испытаний, разработки технологий ядерных испытаний. Автор и член редколлегии серии книг «Ядерные испытания СССР» т.1-4, «Безопасность ядерного оружия России», «Мир на пороге XXI века», «Укрощение ядра», «Ядерное разоружение» и др. Декан физико-технического факультета Саровского Государственного физико-технического факультета.

Фролов Андрей Львович – независимый эксперт. Родился в 1979 г. В 2003-2004 гг. – научный сотрудник ПИР-Центра, выпускающий редактор журнала *Ядерный Контроль*, редактор электронных изданий ПИР-Центра *Ядерный Контроль: Информация и Вопросы Безопасности*. В 2004 г. – координатор проекта «Трансформация системы экспортного контроля в России в 1999–2003 гг.». Выпускник российско-французской магистратуры МГИМО 2003 г. С отличием окончил факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. С сентября 2002 по январь 2003 г. проходил стажировку в ПИР-Центре. В рамках стажировки подготовил работу «О содействии Франции в уничтожении избыточных ядерных вооружений России». Автор и соавтор статей «Путь Индии к обладанию атомным подводным флотом» (*Ядерный Контроль*, 2003, лето), «Трансформация системы экспортного контроля в России» (*Ядерный Контроль*, 2004, зима). Сфера научных интересов – российский атомный подводный флот, перспективные вооружения российской и зарубежных армий. Адрес электронной почты: andrew_han@mail.ru

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружению, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, член-корреспондент РАН, член научного совета, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра Международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Банн Джордж, проф., заместитель директора, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Беляева Марина Павловна, советник, Управление международного и внешнеэкономического сотрудничества, Федеральное агентство по атомной энергии, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., директор, Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Волландер Селест, д-р, директор, старший научный сотрудник, Программа новых подходов к российской безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Володин Юрий Георгиевич, старший специалист, Департамент ядерной безопасности, Международное агентство по атомной энергии, Вена, Австрия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина» (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, ведущий научный сотрудник, Фонд Карнеги за международный мир, Вашингтон, США

Данапала Джаянта, генеральный секретарь по координации мирного процесса, Администрация Президента, Коломбо, Шри-Ланка

Джонсон Ребекка, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., вице-президент, *Крос*, Москва, Россия

Елеукенов Дастан Шериязданович, к.ф.-м.н., директор, Казахстанский филиал, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Алма-Ата, Казахстан

Есин Виктор Иванович, генерал-полковник (в отставке), первый Вице-президент, Академия проблем безопасности, обороны и правопорядка, Москва, Россия

Зведре Евгений Константинович, советник по науке и технике, Посольство РФ в США, Вашингтон, США

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Калинина Наталия Ивановна, д.м.н., помощник Председателя Правительства РФ в отставке, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., заведующая центром, Центр Североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Козюлин Вадим Борисович, к.п.н., Москва, Россия

Козлов Виктор Васильевич, д.э.н., Москва, Россия

Колтунов Виктор Стефанович, генерал-майор (в отставке), проф., заместитель директора по научным вопросам, Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Крючков Эдуард Феликсович, к.т.н., заведующий кафедрой, Кафедра теоретической и экспериментальной физики ядерных реакторов, Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, академик РАН, вице-президент, Российская Академия Наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник, Группа *Глобал Консалтинг*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, Правительство Москвы, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Посольство РФ в Новой Зеландии, Веллингтон, Новая Зеландия

Льюис Патриция, д-р, директор, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Женева, Швейцария

Макиенко Константин Владимирович, заместитель директора, Центр АСТ, Москва, Россия

Маргелов Михаил Витальевич, председатель комитета, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Мисюченко Владимир Федорович, к.ф.н., заместитель руководителя, Пресс-служба, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., заведующий отделом, Отдел разоружения и урегулирования конфликтов, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Пионтковский Андрей Андреевич, к.ф.-м.н., директор, Центр стратегических исследований, Москва, Россия

Подвиг Павел Леонардович, к.п.н., научный сотрудник, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, академик РАН, вице-президент, РНЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Поттер Уильям, проф., директор, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

РНЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., советник, Посольство РФ, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом, Отдел стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, проф., к.э.н., президент, Институт изучения Ближнего Востока, Москва, Россия

Сафранчук Иван Алексеевич, к.п.н., глава представительства, Центр оборонной информации, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, проф., д.т.н., советник, Постоянное представительство РФ в ООН, Женева, Швейцария

Слипченко Виктор Сергеевич, эксперт, Организация объединенных наций, Нью-Йорк, США

Смит Харольд, д-р, проф., Голдменский институт общественной политики, Калифорнийский университет, Беркли, США

Соков Николай Николаевич, д.п.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Степанова Екатерина Андреевна, к.и.н., руководитель группы, Группа по нетрадиционным угрозам безопасности, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., заместитель директора, Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., советник, Управление международного права, Конституционный Суд Российской Федерации, Москва, Россия

Тюлин Иван Георгиевич, проф., первый проректор, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., Москва, Россия

Эггерт Константин Петрович, шеф бюро, Московское бюро Русской службы *BBC*, Москва, Россия

Якушев Михаил Владимирович, директор, Департамент правового обеспечения, Министерство информационных технологий и связи РФ, Москва, Россия

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

Журнал *Ядерный Контроль* (на русском языке)

выходит четыре раза в год

Стоимость подписки на 2005 год – **3000 руб.**

Оформление подписки для резидентов РФ

Реализацией издания на территории России и СНГ занимаются:

- **Агентство «РОСПЕЧАТЬ»**

Информация о подписке на 2005 г. находится в *каталоге «ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ»*. Индекс издания – **79280, с. 589**

- **ООО «ТРИАЛОГ»**

Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный подписной купон вместе с квитанцией об оплате следует направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

Оформление подписки для нерезидентов РФ

ПИР-Центр принимает к оплате чеки зарубежных банков в долларах США.

Чеки на имя **Center for Policy Studies in Russia** просьба направлять по адресу:

P.O. Box 137, 121019, Moscow, Russia, Trialogue Company

В этом случае стоимость подписки на журнал «Ядерный Контроль» на 2005 г. составит:

Журнал *Ядерный Контроль* (на русском языке) **100 долл. США**

Реализацией журнала за рубежом занимаются агентства:

Swets Blackwell

tel.: +31-252-435-111

fax: +31-252-415-888

e-mail: infoho@nl.swetsblackwell.com

<http://www.swetsblackwell.com>

East View Publications

Представительство в России

тел.: +7-095-777-6558

факс: +7-095-318-0881

<http://www.eastview.com>

**По всем вопросам оформления подписки
следует обращаться к партнеру ПИР-Центра по изданию и распространению
компании «Триалог»**

по тел.: +7-095-764-9896

факс: +7-095-234-9558

e-mail: info@trialogue.ru

121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

<http://www.trialogue.ru>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

☐ «Ядерный Контроль», журнал на русском языке

Ф. И. О. получателя (полностью)

Организация, должность

Период подписки: ☐ 2005 год

Почтовый адрес (с индексом)

Телефон/факс (код)

E-mail

Количество экземпляров

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

☐ «Ядерный Контроль», журнал на русском языке

Наименование организации

Период подписки: ☐ 2005 год

Юридический адрес

Почтовый адрес (с индексом)

Телефон/факс (код)

E-mail

Р/с

ИНН

Количество экземпляров _____

Извещение

ООО «Триалог»
(наименование получателя)
ИНН 7729422765
ИНН получателя платежа
№ р/сч 40702810738250120106
(номер счета получателя платежа)
Люблинское ОСБ №7977, г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)
к/сч 30101810400000000225
БИК 044525225
Подписка на журнал

(наименование платежа)

Кассир

Сумма
платежа _____ (руб.) _____ (коп.)

Квитанция

ООО «Триалог»
(наименование получателя)
ИНН 7729422765
ИНН получателя платежа
№ р/сч 40702810738250120106
(номер счета получателя платежа)
Люблинское ОСБ №7977, г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)
к/сч 30101810400000000225
БИК 044525225
Подписка на журнал

(наименование платежа)

Кассир

Сумма
платежа _____ (руб.) _____ (коп.)

Количество экземпляров _____

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. суммы, взимаемой за услуги банка, ознакомлен и согласен

« _____ » _____ 20 ____ г.
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф. И. О., адрес)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. суммы, взимаемой за услуги банка, ознакомлен и согласен

« _____ » _____ 20 ____ г.
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф. И. О., адрес)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)